

Мурат Абдиров

ЖАН КУЧУМ

известный
и
неизвестный

Мурат Абдиров

ЖАН
КУЧУМ
известный
и
неизвестный

АЛМАТЫ „ЖАЛЫН“ 1996

ББК63.3(2)44

А 13

**Под редакцией Ж. Касымбаева,
доктора исторических наук, профессора**

А $\frac{4702010101 - 24}{408(05) 96}$ 15 — 95

ББК 63.3(2)44

ISBN 5-610-01219-8

© Абдиров М., 1996

ВВЕДЕНИЕ

Смотрит на Азию Белый Глаз!

О. Сулейменов

История государств, народов, социальных объединений развивается зачастую как бы по спирали: старые проблемы, казалось бы давно известные, вновь и вновь обретают свою злободневность. Каждое новое поколение по-своему их переосмысливает, пытается дать им собственную оценку, понять взаимосвязь явлений далекого прошлого в контексте событий современности. Обретение Казахстаном государственной независимости вынесло на повестку дня многие актуальные проблемы истории казахского народа, формирования его этнической территории, вековой борьбы за самоутверждение на своей древней, исконной земле. И решение этих проблем зависит от развития собственной казахстанской исторической традиции, независимой, самостоятельной, свободной от теоретико-идеологических догм и стереотипов имперского прошлого.

История Казахстана богата блестящими подъемами и трагическими спадами; богата она и фигурами крупных государственных деятелей, ханов, султанов, биев, батыров, оставивших в ней свой неизгладимый след. К числу таких известных и в то же время малоизвестных деятелей прошлого относится и хан Кучум.

Более 400 лет имя сибирского хана Кучума известно в истории. Многие ошибочно считают, что о Кучуме впервые заговорили благодаря походу казачьего атамана Ермака, когда тот разгромил Сибирское ханство и занял его столицу Искер. На самом деле имя Кучума, правителя обширного сибирского государства, занимавшего территорию современной Западной Сибири, Зауралья и Северного Казахстана в бассейне рек Иртыш, Есиль и Тобол, хорошо знали на Руси, в Казахском ханстве, Ногайской орде и

Средней Азии задолго до русского завоевания Сибири. Основу его ханства составляли земли казахских племен аргын, жалаир, карлык, канлы, керей, кыпшак, найман, табын и других.

Причина нынешнего особого интереса к личности Кучума кроется не только в его собственной трагической судьбе, драматической истории его потомков, но прежде всего в том, что именно он, его дети и внуки были первыми, кто противостоял агрессивной политике русского самодержавия на востоке, встали на пути проникновения Русского государства в Сибирь и Северный Казахстан. Хан Кучум стал первой жертвой формировавшейся Российской колониальной империи — за ним последовали хан Кенесары, имам Шамиль и другие вожди национально-освободительных движений.

На протяжении 400 лет оценка исторической роли хана Кучума страдает односторонностью, необъективностью, поверхностным подходом. В российской дореволюционной и особенно в советской исторической литературе утвердились крайне негативные и стереотипные отзывы о его личности: характеристики типа “жестокий”, “коварный”, “злой”, “деспотический” и т. п.

И наоборот, образ его противника Ермака прошлая и современная российская историография рисуют исключительно в положительном свете — как “национального героя”, “сказочного удалыца”, “талантливого землепроходца”, “великодушного человека”, “народного предводителя”, “гордости русского народа”¹.

В дореволюционной русской и ранней советской историографии господствующие позиции занимал тезис о “завоевании”, “покорении”, “захвате”, “военной оккупации”, “невольной колонизации” Сибири. С конца 30-х и особенно с середины 50-х годов нашего века этот тезис постепенно отвергается и происходит замена его новыми терминами: “присоединение”, “освоение”, “вхождение”, “приобретение”.

“Причиной качественного сдвига... проблемы явилось все более глубокое усвоение историками марксистско-ленинской методологии, совершенствование научных мето-

¹ Тумилевич Г. И., Сибирский поход Ермака (на материалах донских преданий); в кн.: Филологические этюды, Ростов, 1974, стр. 134—145.

дов", — так открыто, без стеснения, объясняется этот факт в книге по историографии Сибири¹.

Другой исследователь данной проблемы В. Г. Мирзоев откровенно признавал, что "историография Сибири еще раз подчеркнула роль исторической науки как науки политической"², то есть, с его точки зрения, выполняющей социальный заказ административно-командной системы, вмешивавшейся в объективное освещение исторических процессов, когда в жертву конъюнктуре приносилась научная истина. Хотя еще в начале XX века крупнейший французский историк Люсьен Февр утверждал: "Здесь есть что оспорить, есть о чем поспорить. Я твердо убежден в том, что эта политика и эта история — вещи разные: история не занимается произвольным выделением воли или капризов руководителей..."³

Русские историки активно внедряли миф о якобы мирном присоединении Сибири к России, о том, что термин "присоединение" представляется наиболее объективным, так как колонизация края русскими не встретила, за редким исключением, упорного сопротивления местного населения.

Утвердилась точка зрения об исторической обусловленности, закономерности и прогрессивности вхождения Сибири в состав российских земель, его в целом бескровного характера и о решающей роли народных масс в этом процессе⁴.

Так, в одной из недавно вышедших книг о Ермаке автор без стеснения утверждает: "Аборигены не вытеснялись со своих земель, их не истребляли, как, например, это произошло с индейцами в Америке. Напротив, местные жители получили хороший стимул для того, чтобы усвоить более высокую материальную и духовную культуру, которую несли с собой русские люди. Народы, страдавшие раньше от непрерывных набегов с юга, подвергавшиеся постоянным унижениям, страдавшие от деспотизма ханов, теперь обрели в лице русского государ-

¹ Горюшкин Л. М., Миненко Н. А., Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.), Новосибирск, 1984, стр. 28.

² Мирзоев В. Г., Историография Сибири (Домарксистский период), М., 1970, стр. 389.

³ Люсьен Февр, Бои за историю, М., 1991, стр. 58.

⁴ История Сибири, т. 2, Л., 1968, стр. 19; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А., Историография Сибири дооктябрьского периода, стр. 31; История Сибири, Томск, 1987, стр. 105—109.

ства надежного защитника, помогали ему осваивать просторы Сибири... В русской истории поход Ермака — одно из самых славных и героических событий. И народная память навсегда сохранила имя человека, который остался в истории как смелый первопроходец, мужественный воин, замечательный патриот своего Отечества”¹. Вот такая возвышенная, поэтическая оценка роли завоевателя Сибири Ермака вполне соответствовала господствовавшей в нашем тоталитарном прошлом историографической концепции.

К сожалению, подобный взгляд на историю разделяет, возможно по незнанию, и немалая часть современного русскоязычного населения Казахстана. В газете “Казахстанская правда”, например, было опубликовано письмо слесаря производственного объединения “Павлодарэнерго” А. Кораблева, который, протестуя против переименования города Ермака и сноса памятника ему в этом городе, пишет, что русскоязычное население “читает память о первопроходце Сибири и гордится своей историей”². А выходящая в Петропавловске казахская газета “Ермак” называет колонизатора “легендарным казахским вождем, былинным богатырем”³. Одно из малых предприятий Павлодара в 1992 году выпустило новую марку видеоманитового, названную, естественно, “Ермак”⁴.

Ермаку посвящены многочисленные научные исследования и популярные книги⁵; киностудия “Мосфильм” уже несколько лет ведет съемки героико-трагической ленты о нем; фильм снимается в живописных уголках Карелии, Алтая, Урала, Сибири и ставит целью создание образа лихого “казацкого Рэмбо”.

Завоеванию и присоединению Сибири к России, личности атамана Ермака много внимания уделяли не только российские историки, но и другие ученые, писатели, государственные и церковные деятели — как прошлые, так и настоящие. При этом они исходили прежде всего из государственных интересов России, всячески приукрашивая роль и казаков, и самого Ермака в деле обретения обширного сибирского края.

¹ Бузукашвили М. И., Ермак, М., 1989, стр. 131, 143.

² “Казахстанская правда”, 1991, 5 ноября.

³ “Ермак”, бюллетень Землячества сибирских казаков Горькой линии, 1991, декабрь.

⁴ “Советы Казахстана”, 1992, 15 июля.

⁵ Копылов Д. И., Ермак, Свердловск, 1974; его же, Ермак, Иркутск, 1989; Колесников А. Д., Ермак, Омск, 1983; Сутормин А. Г., Ермак Тимофеевич, Иркутск, 1981, и пр.

М. В. Ломоносов, положивший начало официальной российской историографии, подчеркивал: "О сем деле должно писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждениях завоевания Сибири разбойничества не приписывать"¹.

А. Н. Радищев посвятил этой теме "Сокращенное повествование о приобретении Сибири" и поэму "Ангел тьмы", где описывал покорение Сибири лишь с точки зрения пользы для России, восхвалял народный характер россиян, проявивших твердость и неутомимость в сибирских походах. Поэма же изображает космический хаос, борьбу стихий, усиленную столкновением человеческих страстей. Ермак у него выступает как "ангел света" в схватке со злыми силами природы, под которыми имелся в виду Кучум — "ангел тьмы, отец мятежа"². Радищев поставил Ермака в один ряд с Колумбом: как великого географического первооткрывателя, но не как жестокого завоевателя.

Живой интерес к личности Ермака, к теме покорения Сибири и истории похода казаков проявил также А. С. Пушкин.

Декабрист К. Ф. Рылеев написал знаменитую думу "Смерть Ермака", ставшую впоследствии народной песней, популярной среди русских людей всех времен и возрастов, причем Кучум здесь характеризуется поэтом как "тать презренный".

Не отстал от своих предшественников и Л. Н. Толстой, написав небольшой рассказ для народного чтения "Ермак", на котором воспитывались многие поколения русского народа³.

В. Г. Белинский, внося свою лепту в создание героического образа, подчеркивал: "Подвиги витязей такого рода никогда не были запечатлены ни зверством, ни жестокостью: они были удальцы и молодцы, а не злодеи..."⁴.

Великий русский демократ А. И. Герцен тоже не обошел историю завоевания Сибири, уделил ей внимание и Д. Н. Мамин-Сибиряк. Последний даже собирался написать историческую трагедию о хане Кучуме, но не успел⁵.

¹ Ломоносов М. В., Полн. собр. соч., т. 6, М., 1952, стр. 448.

² Радищев А. Н., Полн. собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, стр. 145—163, 384—387.

³ Толстой Л. Н., Собр. соч., т. 10, М., 1954, стр. 106—113.

⁴ Белинский В. Г., Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 439.

⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч., т. 10, М., 1958, стр. 398.

Покорению Сибири и “подвигам” Ермака посвятили свои труды дореволюционные российские историки Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, П. И. Небольсин, Г. Ф. Миллер, С. М. Соловьев, И. Г. Фишер, В. Н. Татищев, Д. И. Завалишин, В. В. Радлов, С. У. Ремезов, П. А. Словцов, А. В. Оксенов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Ф. Н. Усов, государственный деятель М. М. Сперанский и многие другие. Приведем “объективное” свидетельство только одного ученого, П. И. Небольсина, писавшего: “Действительно, в своем роде, Ермак был великий человек. Велик он как воин, велик как администратор, велик как политик и дипломат... Ермак был бесстрашный боец, мудрый хозяин, ловкий хитрец... Ермак все-таки останется велик для нашей истории”¹. Как говорится, комментарии излишни.

Много внимания этой исторической теме уделили и современные российские ученые С. В. Бахрушин, А. П. Окладников, Р. Г. Скрынников, Д. И. Копылов и другие, оценки и выводы которых, к сожалению, не всегда отличались особой оригинальностью. Так, известный исследователь истории Сибири академик А. П. Окладников писал, что Ермак — “казакий храбрый атаман”, а Кучум, разумеется, — один из “хищных степных феодалов”, “коварный татарский царь”, не забыв добавив при этом, что “освоение Сибири неправильно называли завоеванием”².

А что же о грозном сибирском хане сообщали казахские историки и писатели? К великому сожалению, почти ничего, кроме коротких статей в различных энциклопедиях, бесстрастного упоминания в многотомной “Истории Казахской ССР” (т. 2). В книге “История Казахстана: белые пятна” исследование малоизученных проблем отечественной истории начинается с XVIII века³, как будто до этого все уже досконально исследовано и нет никаких “белых пятен”. В выпущенном не так давно учебном пособии по истории Казахстана⁴ о Сибирском ханстве и Кучуме вообще нет даже упоминания. Прискорбный факт,

¹ Небольсин П. И., Покорение Сибири. Историческое исследование, Спб., 1849, стр. 144.

² Окладников А. П., Открытие Сибири, 2-е изд., М., 1981, стр. 9, 163.

³ История Казахстана: белые пятна, Сб. ст., А—А., 1991.

⁴ Учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времен до наших дней, А—А., 1992.

но о Сибири и Кучуме куда больше, чем казахские, написали узбекские историки¹.

Скудный материал, созданный отечественными учеными по исследуемому вопросу повторяет в основном оценки и выводы российских исследователей. Литераторы же тщательно избегали этой темы.

Наступило, однако, время отказаться от стереотипов, переосмыслить место и роль Кучума в истории Сибири и Казахстана, дать объективную оценку его деятельности с позиций исторической правды и конкретных знаний, не подстраиваясь под чужие политические взгляды. Свое прошлое мы должны оценивать сами, опираясь на суверенитет и самостоятельность в области исторических знаний, собственную историческую концепцию.

Хан Кучум принадлежит истории не только и даже не столько России или Узбекистана, а в первую очередь Казахстана. Он должен возвратиться в казахскую историографию в новом качестве — на этот раз в роли положительного героя, а не в насаждавшемся веками образе отрицательной личности, “ангела тьмы”. Восстановление исторической справедливости в оценке прошлого казахского народа требует развенчания легенд и мифов о Ермаке и Кучуме, воздания каждому по истинным историческим заслугам.

Первым такую попытку предпринял в своей обстоятельной статье “Правда и мифы о Ермаке” академик М. К. Козыбаев, положив начало новому мышлению в казахстанской историографии, в частности, в оценке деятельности казачьего атамана Ермака².

Наше повествование о сибирском хане Кучуме основано на исторических документах, исследованиях ученых, художественных произведениях, как дореволюционных, так и современных.

Итак, перенесемся на 400 лет назад, в эпоху сибирских ханов и русских царей, в эпоху правления династий Тайбуги и Шейбани, Рюриковичей и Романовых, в таинственную страну Ибирь-Сибирь, привлекавшую жадные взгляды Московской Руси, европейских государств, Средней Азии и Китая своими сказочными богатствами и неисчислимыми сокровищами.

¹ Зияев Х., Узбеки в Сибири, Ташкент, 1968; Его же, Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв., Ташкент, 1983.

² Козыбаев М. К., История и современность, А—А., 1991, стр. 136—161.

Научно-справочную работу по подготовке книги к печати провела Балжан Абдирова — студентка исторического факультета Казахского государственного национального университета имени аль-Фараби.

Свое исследование мы посвящаем светлой памяти наших героических предков, в смертельных схватках с многочисленными врагами отстаивавших свободу и независимость казахского народа.

Глава I

КТО ОН, ХАН КУЧУМ?

И в самом деле, кто он — Кучум, что мы знаем о нем? Когда и где родился, в какой семье, кто его родители? Кто он вообще по происхождению? Действительно ли из известной династии Шейбанидов, потомков грозного “потрясателя вселенной” Чингисхана, или авантюрист, каких немало было в Степи в трагическую эпоху крушения последней великой кочевой империи Средневековья — Золотой Орды? Благодаря чему стал он известен? Только ли потому, что случайная парадигма истории свела его на поле брани с казачьим атаманом Ермаком, неожиданно, по-воровски напавшим на мирных жителей Сибири? Попробуем дать ответы на эти вопросы, опираясь на известные документальные источники и исторические исследования.

Вначале обратимся к сведениям различных энциклопедий, содержащих биографические данные о Кучуме. Нужно, ради объективности, отметить, что все энциклопедии, как дореволюционные, так и советские, не обходят молчанием такую заметную историческую фигуру, как хан Кучум.

Например, знаменитый “Энциклопедический словарь” Брокгауза и Эфрона сообщает: “Кучум — сибирский хан, шейбанид, сын Муртазы. В 1563 году, в отместку за смерть деда, Кучум убил Едигера, занял г. Сибирь и сделался владетельным ханом над всеми землями по Иртышу и Тоболу...”¹ В “Энциклопедическом словаре” Граната отмечается: “Кучум — сибирский хан, при котором Ермак завоевал его царство. Натиск Ермака заставил его

¹ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона, т. 33, стр. 144—145.

бросить свою столицу Искер и бежать в Ишимские степи, откуда он постоянно следил за врагом. После гибели Ермака Кучум еще долго сопротивлялся московским воеводам, но в 1598 году был убит ногаями, к которым бежал, разбитый Воейковым”¹. В вышедшей до революции военной энциклопедии о Кучуме пишется следующим образом: “Кучум — последний татарский царь Сибири, сын Муртазы, преемник Едигера. Кучум хотел прекратить зависимость Сибири от России, начавшуюся со времен Ивана III. Для этой цели Кучум заискивал дружбу ногаев, вошел в сношения с черемисами, запретил осяткам, югорцам и вогулам платить дань русскому царю. Кучум приказал Маметкулу, своему племяннику, преследовать осятков, остававшихся верными русскому царю. Вследствие этого Иван IV разрешил Строгановым действовать против Кучума и даже строить города на Тоболе. Строгановы призвали Ермака, и тот три раза бил Кучума и в 1581 году утвердил владычество России в Сибири”. Далее отмечается, что Кучум был окончательно разбит в 1598 году. Во время этих войн большая часть членов ханского семейства или погибла, или попала в плен. Дряхлый, слепой Кучум доживал свой век и погиб где-то в степи”².

А вот что писала о нем одна из первых советских энциклопедий: “Кучум — сибирский хан. Известен своими попытками воспрепятствовать наступательному движению русских на Восток (XVI век). Власть этого “сибирского солтана” простиралась по рекам Иртышу и Тоболу, а также над барабинскими татарами и иртышскими осятками. После неудачных столкновений с дружиной Ермака ни самому Кучуму, ни его потомкам не удалось задержать движение русской оккупации, хотя ими делались неоднократные попытки (весь XVII век) восстановить “Сибирское царство”³.

Эта же энциклопедия более объективно оценивала и личность Ермака — “атамана донской казачьей вольницы, яркого представителя начального этапа колониальной политики царской России... Походы Ермака являются лишь одним из эпизодов завоевательно-колониального движения русских на Восток, связанного с жестокой эксплуатацией

¹ Энциклопедический словарь А. и И. Гранат, т. 26, стр. 291.

² Энциклопедия военных и морских наук, т. IV, вып. 3, Спб., 1889, с. 478.

³ Сибирская советская энциклопедия, т. 2, М., 1931, стр. 899—900.

и разорением туземцев. Отдельные исследователи пытаются идеализировать “подвиги” предводителей таких хищнических отрядов; эта тенденция, находившая широкое покровительство царского правительства, принимала порой курьезные формы: так, известны попытки церковных кругов канонизировать личность Ермака (объявить его святым)”¹.

С позиций исторической правды освещали поначалу походы Ермака и многие советские ученые. Так, академик М. В. Нечкина в первом издании БСЭ писала о нем: “Ермак — т. н. “завоеватель Сибири”... один из многочисленных представителей начального этапа колониальной политики царской России... В 1581—84 гг. Ермак во главе своего отряда, заливая свой путь кровью татар, вогулов и остяков, продвинулся в глубь Сибири, разгромил сравнительно небольшое “сибирское царство” хана Кучума, расположенное по рр. Туре, Тоболу и Иртышу и “бил челом” царю Ивану IV Грозному “сибирской землицей”, прося принять ее под его “высокую руку”. Царское правительство усердно поощряло “патриотическую” великодержавно-шовинистическую идеализацию Ермака как “завоевателя Сибири”, подчеркивая его преданность русскому царю, геройство и т. п. Эти легенды служили для обоснования “прав” царизма на владение Сибирью и грабеж “иностранцев”².

В дореволюционной научной и художественной, да и в современной российской национально-патриотической литературе атаман Ермак и его казаки принадлежат к категории тех исторических фигур, которые всячески пропагандировались царским самодержавием и определенными кругами общества. Поэтому вполне естественно, что он стал положительным “героем” многих произведений, в противовес своему противнику хану Кучуму. Имя Ермака упоминается в исторических песнях и былинах, в сказках и легендах, в преданиях и пословицах; как подчеркивают нынешние исследователи, он — “младший богатырь, племянник Ильи Муромца, отважный защитник родной земли — органически вошел в киевский цикл былин, посвященных защите родной земли от внешних врагов”³.

Таким образом, сведений о Кучуме в историографии не так уж много, но их достаточно для того, чтобы

¹ Сибирская советская энциклопедия, т. 2, стр. 1143.

² Большая Советская энциклопедия, т. 24, М., 1932, стр. 531—532.

³ Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 1. Сибирь в эпоху феодализма и капитализма.— Новосибирск, 1981, стр. 18—19.

выяснить, что Кучум являлся сибирским ханом и до самой смерти сопротивлялся русскому завоеванию своего царства. Прежде чем перейти к его биографии, необходимо обратиться к самой таинственной стране Сибирь, где разворачивались события той исторической эпохи, где жили и творили народы и их государи.

Несколько тысячелетий назад, задолго до новой эры (тем более до появления здесь первого русского человека) огромный западно-сибирский суперрегион — Зауралье, Южная Сибирь и Северный Казахстан — был одним из древнейших центров исторической активности человечества, где успешно развивались земледелие, ремесла, горное дело, металлургия, торговля, строились поселения и города. В суровом краю мирные жители степи и лесостепной зоны междуречья Иртыша, Есилья, Тобола и Урала — индоиранские племена — создали одну из древнейших в мире земледельческо-скотоводческих цивилизаций, построили города — ровесники культурных центров древнего Египта и Месопотамии; они появились на две тысячи лет раньше, чем поселения в государствах Закавказья (Ассирия и Урарту) и Средней Азии (Бактрия и Согдиана), значительно раньше греческих городов на побережье Черного моря¹.

Это знаменитая ныне на весь мир “ботайская культура”, открытая в начале 80-х годов и названная по одноименному урочищу на берегу степной речки Иман-бурлук, где были найдены древние городища IV—III тысячелетий до н. э. (современная Кокшетауская область). Центр этой культуры находился, по-видимому, на месте обнаруженного летом 1987 года на юге Челябинской области, у слияния рек Утеген и Караган, укрепленного центра регулярной планировки андроновской эпохи — Аркаим².

“Троя” Зауралья — так образно называли выдающийся памятник мировой культуры, поселение Аркаим, ученые-археологи, сравнивая его с легендарным малоазиатским городом. Теперь неопровержимо доказано, что обширный регион между Иртышом и Южным Уралом с исключительно благоприятными для производящего хозяйства естественно-географическими и природно-экологическими условиями уже несколько тысячелетий назад был цвету-

¹ Косарев М. Ф., Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда, М., 1991, стр. 71, 91.

² Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, А—А., 1987, стр. 82—89, 179—189.

щей плодородной долиной с многочисленными поселениями, развитым скотоводством, земледелием и ремеслами, что безоговорочно признают все видные ученые¹.

Профессор Н. Я. Мерперт, например, утверждает, что находки, сделанные не только на Ботае, но и во всем регионе лесостепей Евразии, позволяют вывести на авансцену истории не Грецию и Рим с их высокоразвитыми цивилизациями и не более древние государства Египта, Ассирии и Месопотамии, а народы палеолита. Открытия последних лет позволяют говорить о таком важном пути становления первобытного общества, как скотоводство. На определенном этапе оно главенствовало даже над земледелием, определяя ускоренное развитие племен и народов, населявших в те далекие времена и территорию современного Казахстана.

Знаменитая исследовательница истории древних индо-иранцев англичанка Мэри Бойс пишет, что центры возникновения зороастрийской религии следует искать в азиатских степях к востоку от Волги². Она определила это исходя из языка гимнов, сложенных легендарным Заратустрой. Город-колесо Аркаим, конфигурация которого напоминает лучи Солнца, приблизила ученых к разгадке одной из самых волнующих тайн истории человечества.

Таким образом, одна из древнейших страниц истории цивилизации начиналась в Западной Сибири — одной из крупнейших в мире аллювиальных равнин, в частности, в степях Южной Сибири и Северного Казахстана.

Ученые еще не пришли к единому мнению о происхождении термина "Сибирь". Есть сторонники тюркского, монгольского, финно-угорского, славянского (поскольку есть звуковое сходство с названием славянского племени "северяне") происхождения этого слова. Накопленный археологический, этнографический, фольклорный материалы и письменные исторические источники позволяют определить происхождение этого термина от самоназвания одной из этнических групп, населявшей с конца I тыс. до н. э. территорию лесостепного Прииртышья. Такой этнической группой, носившей название "сыпыр", были предки древних угров, вступившие в длительное взаимодействие с

¹ Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвузовский сборник, Челябинск, 1985, стр. 3—17.

² Бойс Мэри. Зороастрийцы: Верования и обычаи, М., 1987, стр. 3.

другими этническими общностями Западной Сибири и Казахстана (в том числе с тюркоязычными)¹.

Легенды иртышских тюркоязычных племен так передают историю исчезновения древнейшего скотоводческого народа сыпыров (сёпыров, сыбыров, сабилов). Однажды с севера надвинулись туманы и тучи, стали лить непрерывные дожди, озера и реки вышли из своих берегов, а пастбища стали зарастать таежным лесом. Налетели полчища гнуса, который истязал людей и скот, доводя до иступления. Сыпыры собрались на большой племенной совет и решили навсегда уйти на юг со всем имуществом и скотом. Но часть народа не захотела покинуть родные места и вскоре погибла, оставив свое имя в названии местности².

Древние угры-сыпыры, смешавшись с кочевыми тюркоязычными племенами, сумели достичь высокого уровня развития экономики и культуры, несмотря на экстремальные природные условия: близость арктических ледников, высокую заболоченность и т. п.

Об этом свидетельствуют, например, находки, сделанные осенью 1989 года в одном из прииртышских курганов Омской области. В древнем захоронении, возраст которого определили приблизительно в две тысячи лет, обнаружено около 600 предметов, многие из которых по праву можно назвать шедеврами древнего искусства. Погребение принадлежало знатному воину — вероятно, вождю племени. Особый интерес вызвали серебряные сосуды, на которых были нанесены надписи. Это так называемое “иссыкское письмо”, уже известное ученым по находкам из Алматинской области, но пока не расшифрованное.

Словом “Сибирь” первоначально обозначали этническое племя, затем оно закрепилось за главным укрепленным поселением сыпыров на берегу Иртыша. В VI—VII вв. территория Северного Казахстана входила в состав древней кочевой империи тюрков — Западно-Тюркского каганата. Древнетюркские племена расселились к этому времени и в обширных степях Южной Сибири. Это были смелые воины, умелые скотоводы-кочевники и охотники, опытные мастера разного рода ремесел. Они с большим

¹ Бояришинова З. Я., Об историческом значении слова Сибирь. В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 1. Сибирь в эпоху феодализма и капитализма, стр. 5—8.

² Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири.— Томск, 1979, стр. 42.

искусством изготавливали оружие и предметы труда, хорошо знали прядение и ткацкое дело, гончарное ремесло. В VI в. в этом регионе распространилась древнетюркская письменность. До сих пор Южная Сибирь поражает современников грандиозными курганами, великолепными образцами искусства и наскальными рисунками.

В VIII—XI вв. в северо-восточных районах Казахстана и Южной Сибири зародилось мощное кимако-кыпчакское государство родственных тюркоязычных племен. Кимаки и кыпчаки обитали на среднем Иртыше и кочевали до юго-восточной части Урала, включая всю лесостепную зону на современном севере республики¹.

Такой далекий экскурс в историю потребовался нам для того, чтобы еще раз доказать, что на севере Казахстана уже тысячу лет назад жили тюркоязычные племена — предки современных казахов.

В начале XI в. военно-политическая власть в регионе постепенно сосредоточивается в руках кыпчаков и в конце столетия уже вся Великая Степь — огромная территория казахстанских равнин от Иртыша на востоке до Волги на западе — была занята племенами кыпчакского объединения². Северные границы кыпчакского государства проходили по лесостепной зоне, отделявшей просторы казахских степей от юга Западной Сибири. Кыпчакская военная конфедерация складывалась из множества племен, родов и родовых объединений, таких как кимаки, баяуты, байандуры, дуруты, джузаны, канглы, ураны, олбурлики, токсан оба, жеты оба, торт оба и других³. В XIII в. был также известен “лесной народ шибыр”, живший в лесной зоне верхнего Иртыша и подчинявшийся ханам местных кыпчакских племен. Восточные ханы Дешт-и Кыпчака до монгольского завоевания владели всеми землями и пастбищами, всей необъятной территорией Южной Сибири и Северного Казахстана. Один из центров этого независимого объединения находился на юго-восточных склонах Уральских гор, во главе его стояли ханы из могущественного рода олбурлик (эльбари, ильбари).

¹ История Казахской ССР, т. I, А—А., 1977, стр. 363—377; Кумекон Б., Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, А—А., 1972.

² Эту степь сами кыпчаки называли Каракум или Кум-Кыпчак, в персидских летописях она именуется Дешт-и Кыпчак” (Степь кыпчаков). Последнее название закрепилось и вошло во все средневековые источники.

³ История Казахской ССР, т. 2, А—А., 1979, стр. 50—57.

Кыпчакские ханы нередко заключали союз даже с хорезмшахами, были у них на службе, занимая крупные государственные и военные посты в Хорезме, вступали с хорезмшахами в родственные отношения. Однако зачастую воинственные и свободолюбивые степняки выходили из повиновения и нападали на хорезмийские города. Один из последних правителей Хорезма Мухаммед II Ала-ад-Дин был даже вынужден в 1216 году совершить четырехмесячный поход из Самарканда до Южного Урала, чтобы наказать непокорных кыпчаков.

Название Ибирь-Сибирь в средние века было хорошо известно на Востоке. Персидский историк XIV в. Рашид-ад-дин писал, что тюрки "обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и Кыпчака, русов, черкесов, башкиров, Таласа и Сайрама, Ибира и Сибира... по рекам и городам (в областях) народа найман, как например, Кок-Ирдыш (Синий Иртыш), Ирдыш (гора), Каракорум, горы Алтая..."² После монгольского завоевания территория Южной Сибири вошла в состав улуса Джучи. Тот же Рашид-ад-дин называл страну Ибирь-Сибирь в числе владений, пожалованных Чингиз-ханом в 1206—1207 гг. своему сыну Джучи.

Средневековая персидская рукопись "Аноним Искандера" уточняет, что к правому крылу улуса Джучи, известному как Кок Орда, относятся "Ибир-Сибир, Рус, Укек, Маджар, Булгар, Башгирд и Сарай..."³

Таким образом, Сибирь как самостоятельная территория фигурирует во всех владениях Золотой Орды, перечисляемых современными ей авторами, как арабскими и персидскими, так и русскими и европейскими.

Знаменитый венецианский купец Марко Поло, совершивший в конце XIII в. путешествие в Пекин, ко двору великого монгольского хана Хубилая, оставил описание территории, которой владел "северный царь Канчи", самый младший сын Шейбана, внук Джучи,— т. е. страны, соответствующей Западной Сибири.

¹ Ахинжанов С. М., Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии Хорезмшаха с монголами). В кн.: Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, стр. 326—335.

² Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 73.

³ Тизенгаузен В. Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских сочинений, М.—Л., 1941, стр. 127.

“У него нет ни городов, ни замков,— писал он,— живут они всегда по большим равнинам и долинам и в высоких горах... У царя много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом. Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных... Ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок и черных лисиц и много других дорогих животных... На север от этого царства есть темная страна, тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд... у жителей нет царя, живут они как звери, никому не подвластны... Татары приходят сюда... и грабят они тут все, что находят, а когда награбят, возвращаются... У этих людей множество мехов, и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие... горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов... а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль”¹. Марко Поло, как видно отсюда, поразили прежде всего богатства этой неведанной страны, дорогие меха и пушнина, пользовавшиеся огромным спросом в Европе.

В начале XIV в. у золотоордынского хана Узбека (1312—1342 гг.) побывал арабский путешественник аль-Омари. Перечисляя владения хана, он среди прочих называет “...области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман.. В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в продолжении 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома и земли. Вследствие этого у них очень мало скота”. Отмечая огромные размеры подвластной Узбеку территории, аль-Омари сообщает, что она доходит “до крайних пределов земли Сибирской, из которой вывозятся соболь да серая белка... За нею нет никаких поселений”².

Термин “Сибирь” в XIV—XV вв. был известен и в Европе, поддерживавшей дипломатические отношения с Золотой Ордой. Баварский солдат Иоганн Шильтбергер, на протяжении 30 лет (с 1396 по 1427 гг.) пребывавший в плену у турок и тимуридов, был подарен одним из тимуридов Абубекром могущественному бию Золотой Орды знаменитому Едыге. Возвратившись позже на родину, он изложил свои воспоминания в “Книге путешествий”. Там

¹ Книга Марко Поло, А—А., 1990, стр. 206—208.

² Тизенгаузен В. Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, Извлечения из сочинений арабских, Спб., 1884, стр. 236, 238, 243.

он пишет, как однажды вместе с Едыге побывал в стране, “которая называется Сибирь” и где “живут дикие люди”. Из ставки Едыге на Волге они добирались до Сибири два месяца. “Владелец упомянутой страны подарил Едыгею двух диких людей — мужчину и женщину”. Далее Шильтбергер сообщает, что “водится там также много животных, которые в немецкой земле не попадают и которых я не могу назвать по имени... есть также собаки, которых запрягают в повозки, зимою — в сани; они возят также по стране поклажу... В этой стране сеют только просо и хлеба не едят вовсе”. Сибирь он называет “Wissibur”, “Zbissibur”, видно, от “Ибирь-Сибирь”¹.

На карте мира, составленной венецианцем Фра Мауро в 1457—1459 гг. на северо-восток от Волги (Edil) обозначено наименование района “Sibir”².

Итальянский эрудит Юлий Помпоний Лэт, в 1479—1480 гг. совершивший путешествие в “Скифию и Сарматии”, также пользовался словом “Сибирь” как географическим термином (Sibarinum) и сообщал, что в этой стране “ловят соболей и драгоценных белок, водится множество куниц...”³

Итак, как видно из исторических источников, термин “Сибирь” возник первоначально от названия этнической группы “сыпыр”, предков древних угров. Часть сыпыров ушла на запад вместе с гуннами, в Европе они были известны как “савиры”; другая же часть осталась на своей территории по среднему течению Иртыша, сохранила свое имя, которое распространилось и на занимаемую ими землю.

Название “шибыр”, “сибир” в XIII в. относилось и к тюркоязычной группе племен, обитавшей по среднему Иртышу и восточнее. Начиная с XIII в. под Сибирью имелся в виду не только народ, но и принадлежавшая ему территория. В эпоху господства монголо-татар под Сибирью подразумевался определенный регион к северу от владений самой Золотой Орды. В конце XIV в. в среднем течении Тобола с притоками Тура и Тавда складывается Тюмен-

¹ Алексеев М. П., Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарии, т. I, XIII—XVII вв., Иркутск, 1932, стр. 52—53.

² Берг Л. С., Очерки по истории русских географических открытий, М.—Л., 1946, стр. 175.

³ Алексеев М. П., Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, стр. 65, 69.

ское ханство шейбанидов со столицей в Чимги-Тура¹. Под Сибирью на Руси понимали не всю Западную Сибирь, а район по нижнему течению Тобола и Туры и среднему Иртышу, где жили потомки древних сыпоров, уже в значительной мере ассимилированных тюрками-кыпчаками и отличавшихся от других племен угорского происхождения — вогулов (манси) и остяков (ханты).

В конце XV в. в Западной Сибири складывается единственное у местных народностей государственное образование — Сибирский юрт, во главе с представителями местного княжеского рода Тайбуги кыпчакского происхождения. Его создали кыпчакские племена, стоявшие на более высокой ступени общественно-политического и экономического развития. Кроме тюрко-кыпчаков, в новое государственное объединение вошли тюркизированные угры-сыпыры и местные племена вогулов, остяков и селькупов.

После русской колонизации новой территории термин “Сибирь” стал применяться в более широком значении. С начала XVII в. его относили уже ко всему обширному краю, хозяйственно осваиваемому русскими переселенцами в бассейнах Оби, Енисея и Лены вплоть до берегов Тихого океана².

Таким образом, можно утверждать, что в начале нашего тысячелетия стало складываться и к моменту монголо-татарского завоевания Казахстана завершилось формирование единой историко-культурной общности степных и лесостепных племен междуречья Иртыша, Есиля, Тобола и Южной Сибири — тюрков-кочевников, потомков угров-сыпоров и других местных народов.

Кто же главенствовал в этом регионе, кому принадлежала здесь верховная власть, какие личности действовали на исторической арене в трудную для местных племен эпоху монгольского ига? Все восточные источники упоминают, что первыми ханами Сибири были потомки Тайбуги, о котором сохранились лишь легендарные сведения. Сегодня, на основе имеющихся исторических данных, можно предположить, что накануне монголо-татарского

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Часть II.—М., 1953, с. 463—464.

² Бояршинова З. Я., Население Западной Сибири до начала русской колонизации, Томск, 1960, стр. 146—148.

вторжения Тайбуга был ханом одного из местных кыпчакских племен, покорившихся новым завоевателям¹.

Известный исследователь Сибири XVIII в. Г. Ф. Миллер в своем капитальном труде излагает три легенды о происхождении тайбугинцев².

По одной из них, в стародавние времена на Есиле жил хан Он, владевший землями в бассейне Иртыша, Тобола и Туры (притока Тобола). Его подданный Чинги предательски убил своего господина и захватил ханство. Спасся только сын Он-хана Тайбуга, который сумел бежать от преследователей и долгое время скитался в неизвестности по степи. Чинги услышал о нем и призвал к себе на службу, обещая свое покровительство. Тайбуга (неизвестно, имя это или звание) жил при дворе Чинги, честно служил ему, за что тот назначил его начальником войска. За верную службу Чинги пожаловал Тайбуге территорию по реке Тура, где последний основал город Чинги-Тура (в честь своего господина), жил там и управлял подвластным ему народом, оставив наследникам новый город и свое владение. Некоторые историки и писатели отождествляют Он-хана с известным вождем кераитов Ван-ханом, соперником Чингиз-хана в борьбе за власть, который якобы бежал в иртышские степи и там основал новое ханство. Но дело в том, что Ван-хану на самом деле не удалось скрыться от своего грозного противника и он был убит Чингиз-ханом еще в Монголии в 1202 или 1203 г.³

Другая легенда гласит, что на Иртыше жил в свое время Он-Сомхан, который построил при впадении Есиля в Иртыш город Кызыл-Тура. Его наследником был сын Иртышак, от чьего имени потом получила название река Иртыш. Впоследствии Иртышака сменил тюменский хан Чингис, одолевший его в захватнической войне. Затем на Есиле правил Саргачик-хан (возможно, Сары-Каска-хан). Такова легенда, однако она не проливает света на историю Тайбуги.

По третьей версии, после того как Чингиз-хан завоевал казахскую степь, кыпчакский хан по имени Тайбуга, сын казахского хана Мамыка, выпросил у него или у его

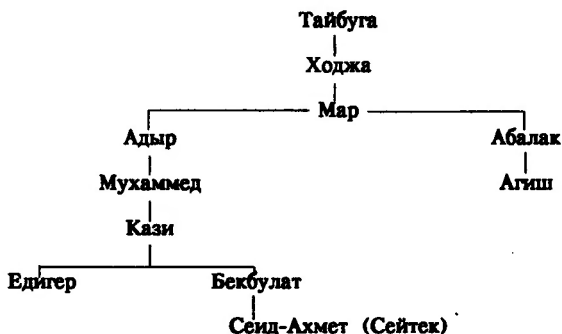
¹ История Казахской ССР, т. 2, стр. 184.

² Вообще, имя Тайбуга довольно распространенное у кочевников. Известен Тайбуга — полководец Чингиз-хана, в Золотой Орде был также бий Тайбуга.

³ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 132—134.

сына Джучи, которому была отдана вся степь, территорию по Иртышу, Есилю, Тоболу и Туре и правил там. Потомки Тайбуги затем на законных основаниях владели какое-то время данной областью, полученной из рук самого Чингиз-хана. В честь своего нового господина Тайбуга якобы и назвал свою столицу на Туре Чингиз-Тура (или Чимги-Тура, Чинги-Тура и т. п. Сейчас на этом месте находится город Тюмень)¹.

Наиболее правдоподобной мне кажется третья легенда о происхождении Тайбуги и его ханства. Как мы уже отмечали, на территории Южной Сибири и Северного Казахстана жили кочевые кыпчакские племена во главе со своими вождями и вполне вероятно, что один из них, именно Тайбуга, наиболее, видимо, могущественный хан крупного племени или племенного объединения (возможно, олбурлик), мог из рук новых завоевателей получить в управление данный район. Как бы то ни было, хан Тайбуга, несомненно, местного, тюркского, происхождения, предки которого издавна жили в этом регионе. Родословная Тайбуги выглядит следующим образом²:

Ситуация для тайбугинцев значительно изменилась, и не в их пользу, после монгольского завоевания Кыпчакской степи, Руси и части Европы. Бату-хан, второй после Орда-Ежена сын и преемник Джучи, основал в низовьях Волги новое государство — Улус Джучи, или Кок-Орду по восточным источникам, или Золотую Орду по русским

¹ Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 190.

² Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, стр. 475—476; Вельяминов-Зернов В. В., Исследование о касимовских царях и царевичах, часть II, Спб., 1864, стр. 386—387; Сибирские летописи, Спб., 1907, стр. 17—19.

источникам XVI века. Все завоеванные земли он распределил в управление между своими ближайшими родственниками. В семилетнем походе на западные страны особым героизмом и мужеством, преданностью Бату, активным участием в реализации его планов отличился пятый сын Джучи, младший брат самого Бату-хана Сыбан (или Шейбани в арабизированной форме). Войска под его командованием, в частности, покорили асов, русов, черкес и волжских болгар, успешно воевали в Польше, Чехии и других местах¹. Вот этому самому Шейбани Бату-хан выделил из родовых владений земли четырех родов: кучичи, найман, карлык и буйрак — и сказал ему: “Юрт (область), в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Ирғиз, Ор, Илек до гор Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр при устьях рек Чуй-су и Сары-су... Этот юрт постоянно оставался во власти сынов Шибанхановых... Шибан-хан в показанных областях проводил лето и зиму и по прошествии нескольких годов умер”².

Таким образом, территория Северного Казахстана и Южной Сибири была выделена в наследственный улус Шейбани и его потомкам. Местные тюркские племена — а это были кыпчаки — подчинились новым завоевателям, но тем не менее сумели сохранить свою самобытность, язык, древнюю материальную и духовную культуру. И хотя позже монголы-завоеватели растворились среди местных народов, ассимилировались в тюркоязычной среде, их верхушка, прежде всего чингизиды, считали себя законными владельцами данного региона.

Тот же аль-Омари писал о кыпчаках и монголо-татарах: “В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и Татары) поселились на земле

¹ Абулгази, Родословное древо тюрков, Казань, 1906, стр. 159; Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков, А.—А., 1969, стр. 347; Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст., М., 1970, стр. 184, 210.

² Абулгази, Указ. соч., стр. 160.

Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков)"¹.

Вообще, следует отметить, что внук Чингиз-хана, пятый сын Джучи Шейбани пользовался громадным авторитетом среди чингизидов. По степной устной исторической традиции, Шейбани и его потомки (у него было двенадцать сыновей и семнадцать внуков) считали себя, после Бату и Орда-Ежена, выше всех других детей Джучи-хана. Согласно одной легенде, когда Бату, Орда-Ежен и Шейбани прибыли к деду своему Чингиз-хану по наследственным вопросам, то Чингиз, чтобы показать значение каждого из них, велел установить для них отдельные юрты. Для Бату была поставлена белая юрта с золотой дверью, для Орда-Ежена — синяя юрта с серебряной дверью, а для Шейбани — серая юрта со стального цвета дверью². Тем самым мудрый повелитель указал своим внукам место и значение каждого из них в монгольской империи. Позже шейбаниды владели даже тронем Саин-хана (т. е. Бату-хана) в Золотой Орде, управляли Бухарским, Сибирским и Хивинским ханствами.

Примерно с середины XIV века племена, населявшие территорию современного Казахстана, все чаще вместо традиционного самоназвания "кыпчаки" стали называться в источниках "узбеками", но не по имени могущественного хана Золотой Орды Узбека, а в смысле вольного народа, который "сам себе господин" (букв. перевод). Это собирательное название всего тюркского населения Дешт-и-Кыпчака, и под ним имелись в виду племена буркут, кият, кошчи, кунграт, ушун, найман, карлук, кенегес, мангыт, джат, чимбай, дурман и другие.

Узбеками, или кочевыми узбеками, именовалось все население восточного Дешт-и-Кыпчака, или Ак-Орды, т. е. современного Казахстана. Оно разделялось на три народа: шайбаниды, казахи и мангыты — в зависимости от политической ориентации. Казахи, таким образом, являлись частью большой дашткыпчакской узбекской общности кочевников, и история казахского народа тесно связана с историей кочевых узбеков Дешт-и-Кыпчака задолго до того времени, когда они в середине XV века выделились

¹ Тизенгаузен В. Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, Извлечения из сочинений арабских, стр. 235.

² Бартольд В. В. Сочинения, т. 8, М., 1973, стр. 168.

из состава узбекской орды хана Абу-л-Хайра. Термин “казах” также означал “свободный”, “вольный” человек¹.

Потомки Тайбуги подчинились потомкам Шейбани как чингизидам — верховным правителям данного региона. Шейбаниды в XIII веке создали на юге Западной Сибири Тюменское ханство со столицей в Чимги-Тура (по-казахски Жангы-Тура). Г. Ф. Миллер, исследователь Сибири, сообщает, что слово “тюмень” происходит от кыпчакского “тумен”, означающего 10 тысяч. По одному преданию, здесь некогда жил хан с народом, численность которого достигала 10 тысяч человек. По другому — этот хан якобы велел заполнить овраги своим скотом, чтобы узнать его численность, и оказалось у него 10 тысяч голов. Таким образом, этот хан был и могуч, и богат. Название же самого города якобы происходит от угорского слова “чэм-ген” — путь, дорога, и тюркского “тура”, что означало город, т. е. Чимги-Тура — это “город на пути” или “город на волоке”². Основой тюменского ханства стали кыпчакские племена и тюркизированные местные народы угорского происхождения. Русские позже неверно называли их собирательным именем “сибирских татар”, хотя по сути это была часть казахского народа, проживавшая в Сибири.

С момента образования улуса Шейбани территория Южной Сибири и Северного Казахстана оказывается тесно связанной с историей Золотой Орды, Турана (Средней Азии), Казанского ханства, Ногайской Орды и Ак-Орды, затем и Казахского ханства. Это был единый громадный регион с тесными географическими, хозяйственными, политическими и генеалогическими связями правителей-чингизидов. Одни государства исчезали, на их месте возникали новые, менялись на троне правящие династии, ханы и султаны боролись за власть, но на всей этой огромной территории существовал единый народ, одного тюркского корня, давший затем жизнь казахам, башкирам, ногаям, татарам, узбекам, каракалпакам, киргизам, алтайцам, кумыкам и другим.

Тайбугинцы, признав верховенство шейбанидов, более или менее благополучно переживали все бурные исторические события той эпохи. Не будучи чингизидами по

¹ История Казахской ССР, т. 2, стр. 252—254; Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XV—XVIII вв., А—А., 1983, стр. 157—158.

² 400 лет Тюмени: сборник документов и материалов, Свердловск, 1985, стр. 322.

крови, они никогда не называли себя ханами или султанами, а только беками или мырзами, не претендуя на главную власть в улусе Шейбани, и, считая себя знатным местным тюркским родом, гордились своим древним происхождением, служили шейбанидам и старались не соперничать с ними, а спокойно правили в своем улусе между нижним Тоболом и средним Иртышом.

Но оставаться в стороне от бурных политических событий, происходивших в Золотой Орде и на просторах восточного Дешт-и-Кыпчака тайбугинцы, разумеется, не могли. Эти события втягивали их в свой оборот, сказывались на их положении. Так, недолгое время власть в Тюменском ханстве принадлежала бежавшему из Золотой Орды в Сибирь знаменитому хану Токтамысу. Ему удалось найти поддержку среди тайбугинцев и получить здесь улус в междуречье Оби и Томи. По некоторым источникам Токтамыс вроде и погиб в Сибири, вблизи Чимги-Туры¹. После смерти Токтамыса тайбугинцы признали над собой власть могущественного бия Золотой Орды, основателя Ногайской Орды Едыге. Затем в степи развернулась междоусобная борьба за власть между различными представителями династии Шейбанидов, в нее активно вмешивались казахские ханы и султаны — потомки последнего сына Джучи Тука-Тимура из Ак-Орды.

В 1429—1430 гг. ханом улуса Шейбани в шестнадцатилетнем возрасте был провозглашен знаменитый хан Абу-л-Хайр. Он прибыл в Чимги-Тура, и хакимы города, вожди племени буркут Адад-бек и Кебек-Ходжа-бий, подчинились ему. В главной мечети Чимги-Тура была прочитана хутба в честь нового хана и чеканена монета с именем Абу-л-Хайр-хана. Чимги-Тура оставалась столицей Абу-л-Хайр-хана до 1446 года, когда тот перенес ее в Сыгнак на Сырдарье и основал свое ханство — Государство кочевых узбеков. Улус Тура и Юго-Западная Сибирь были отданы в уделы тарханам Бахши-беку и Кутлуг-буке, которые стали даругами этой области².

После ухода Абу-л-Хайр-хана из Сибири и последующего завоевания его потомками Средней Азии тайбугин-

¹ История Сибири, т. I, Л., 1968, стр. 364; Идегей: татарский народный эпос, Казань, 1990, стр. 168—190.

² Ахмедов Б. А., Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 46—48; Бартольд В. В., Сочинения, т. II, часть 2, стр. 489; Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков, стр. 144.

цы, конечно, воспользовались благоприятной ситуацией для утверждения своей власти и правили в Сибири практически до прихода сюда хана Кучума. Но им пришлось вести ожесточенную борьбу с притязаниями на господство в регионе со стороны оставшихся здесь шейбанидов, ногайскими мурзами, а также казахскими ханами и султанами.

После Тайбуги власть в его улусе перешла к Ходже, а затем к сыну последнего Мару. Один из шейбанидов Ибак-хан, чтобы упрочить свое положение в Тюменском ханстве, затевает сложную политическую интригу. Призывает на помощь влиятельных ногайских мурз и вступает в родственные отношения с тайбугинцами, выдав за князя Мара свою сестру и женившись на его дочери. Однако вскоре коварный Ибак-хан убивает доверчивого Мара, присоединяет его территорию к своему владению и начинает единолично править в Чимги-Тура.

Сыновья убитого Мара Адыр и Абалак сумели спастись, бежав в притобольские степи. Основным ядром ханства Ибака были земли по Иртышу и Тоболу, его притокам Тара и Тура, где проживали тюркоязычные кочевники Южной Сибири. Местные феодальные круги, тем не менее, были, видимо, недовольны деспотическим правлением Ибак-хана. Внук Мара, сын Адыра Мухаммед возглавил борьбу против узурпатора Ибака. В 1495 году тайбугинцы неожиданно напали на Чимги-Тура и убили Ибака. Государем был провозглашен Мухаммед и после него власть оставалась в руках тайбугинцев¹.

Мухаммед перенес столицу своего улуса из Чимги-Тура на правый берег Иртыша, выше устья Тобола, на место древнего поселения угров-сыпыров "Сибирь", которое стало называться теперь Кашлык (Искер при Кучуме). Тайбугинцы никогда не называли свой улус ханством, а себя его ханами, так как не являлись чингизидами по крови.

После смерти Мухаммеда Сибирский юрт возглавил Агиш, сын Абалака, затем Кази (или Касым), сын Мухаммеда, а впоследствии им правили совместно два сына Кази — братья Жадигер и Бек-Булат². По имени главного города их улус стал называться Сибирским юртом.

А в Чимги-Тура власть некоторое время сохранялась в руках тюменских шейбанидов. Наследником Ибака стал

¹ История Казахской ССР, т. 2, стр. 187.

² Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, стр. 194.

сын Махмудек-хана, племянник Ибака Мамык-хан. Потеряв значительную часть территории Тюменского ханства в борьбе с тайбугинцами, в междоусобных распрях, Мамык-хан в 1496 году на короткое время овладел даже Казанским ханством. После Мамык-хана в Чимги-Тура правил Кулык-султан, сын Абак-хана, внук Махмудек-хана. Он являлся последним представителем династии шейбанидов в Тюмени. В начале XVI века Тюменское ханство шейбанидов фактически перестало существовать, его территория вошла в состав Сибирского юрта тайбугинцев, а сам город Чимги-Тура постепенно пришел в запустение и новой столицей Сибири окончательно стал Кашлык¹.

Сибирское владение при тайбугинцах в середине XVI века, до Кучума, уже охватывало значительную территорию лесостепной зоны Западной Сибири от бассейна реки Тура на западе до барабинских степей на востоке. На юге граница его проходила примерно по среднему течению Тобола, Есиля и Иртыша. Политическая история региона была заполнена постоянными междоусобицами местных беков, мурз, тарханов за расширение территории, сбор ясака с подвластных народов, и улус оказался весьма непрочным государственным объединением, что и показало завоевание его Кучумом.

Пытаясь укрепить свое положение, тайбугинцы обратили свои взоры в сторону Русского государства. В 1552 году пала Казань, а в 1556 году — Астрахань; они вошли в состав Руси, которая, таким образом, вышла на Волгу, а затем и к Уральским горам. Напуганные этими переменами тайбугинцы Жадигер и Бекбулат в 1555 году прислали в Москву послов Тогрула и Паньяды, которые поздравили царя Ивана IV с победами. На приеме у царя сибирские послы “били челом государю ото князя Едигера и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял на свое имя, и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них наложил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать”². Фактически это означало включение территории улуса тайбугинцев в состав земель, зависимых от Московского государства. Эта зависимость подкреплялась обязательством Жадигера и Бекбулата вносить дань в царскую казну.

¹ История Сибири, т. I, стр. 364; Материалы по истории казахских ханов XV—XVIII веков, стр. 37, 350.

² История Сибири, т. I, стр. 371.

Размер дани был первоначально определен в 1000 соболей в год. В столицу Сибирского юрта прибыл царский посол с грамотой царя и привел к присяге Жадигера и Бекбулата.

Но такой поворот событий, вероятно, не устраивал многих. Местные князьки, беки, мурзы и тарханы не хотели, видимо, платить дань новым хозяевам и не желали усиления власти Жадигера и Бекбулата, которых стала поддерживать как своих вассалов Москва. Обеспокоилась и Ногайская Орда, не примирившаяся с усилением Русского государства за Уралом и потерей своего влияния в Сибири. Но самое главное, это не устраивало шейбанидов, к тому времени окончательно укрепившихся в Средней Азии в Бухарском ханстве и не желавших упускать контроль над такой богатейшей страной как Сибирь. Правящая верхушка Бухарского ханства в союзе с торговыми кругами стала искать возможность посадить на ханский трон в Сибири своего ставленника для обеспечения собственных военно-политических и экономических интересов¹. При этом они опирались на тот исторический факт, что со времен Чингиз-хана Сибирским улусом всегда управляли шейбаниды, а местные князья тайбугинцы были их подданными. Поэтому на основе древней степной традиции о верховенстве чингизидов над всеми землями шейбаниды предъявили претензии на Сибирь, считая, что потомки Тайбуги незаконно захватили власть в ханстве. Для этой цели как нельзя лучше подходил, видимо, шейбанид Кучум, потомок Ибак-хана, убитого, как уже отмечалось, в 1495 году тайбугинцем Мухаммедом. Так, на исторической сцене в середине XVI века появилась фигура Кучума.

Самый сложный вопрос — родословная Кучума, неясная до сих пор. Некоторые источники утверждают, что Кучум происходил из шейбанидов, причем именно из той их линии, которая некогда управляла Тюменским ханством, т. е. Кучум имел вполне законные по тем временам права на восстановление своего царства в Сибири. Разберем некоторые источники, которые могут пролить свет на происхождение Кучума.

Рукопись начала XVI века "Таварихи гузида-йи нусрат намэ" ("Книга избранных дат победы", ее автором

¹ Зияев Х., Узбеки в Сибири, Ташкент, 1968, стр. 8.

считается сам знаменитый Мухаммед Шейбани-хан, завоевавший в 1501 году Среднюю Азию) следующим образом передает генеалогию интересующих нас шейбанидов: “Чингиз-хан — его сын Джучи — его сын Шабан-хан — его сын Бахадур — его сын Джочи-Бука — его сын Бадагул — его сын Минг-Тимур-хан — его сын Бек-Хванди — его сын Хаджи-Мухаммад-хан, его сыновья Ибак-хан и Махмудек-хан. Сыновья Махмудек-хана: Абак-хан, Мамук, Мусташ, Джалбас, Ал-Джагыр”¹. Рукопись завершена в 1504 году, поэтому в ней нет упоминания ни о Кучуме, ни об отце его Муртазы, если только не допустить, что Мусташ — это и есть Муртаза, отец Кучума. Автор сочинения, Мухаммед Шейбани-хан, естественно, хорошо знал свою родословную, всех шейбанидов, кто остался в казахской степи, и тех, кто вместе с ним ушел оттуда на завоевание Средней Азии, и сомневаться в точности его сведений не приходится.

Кадыргали бек Жалаири в своем сочинении “Сборник летописей”, составленном в 1602 году в Москве, излагает родословную Кучума следующим образом: “Али — Хаджи-Мухаммед-хан — Махмудек-хан — Кутлук-хан — Ибак-хан — Муртаза-хан, у него три сына: Джан-Керей-султан, Ахмет-Керей-султан и Кучум-хан”². Эти данные расходятся со сведениями других летописей, но ценно здесь то, что автор сообщает о братьях Кучума.

В рукописи “Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар” (“Море тайн относительно доблестей благородных”, автор Махмуд бен Вали, эмир при дворе бухарских джанидов), написанной около 1630—1640 гг., родословная шейбанидов, предков Кучума, совпадает с другими источниками, в частности с “Таварихи гузида-йи нусрат намэ”, только у Махмудек-хана названы не пять, а шесть сыновей: Абак-хан, Мамук-хан, Аглак-хан, Мусеш, Джалбаш, Ал-Джагир³. Вызывает удивление, что опять нет упоминания ни о Муртазе, ни о самом Кучуме, хотя в это время он был уже известен и его никак нельзя было забывать, перечисляя шейбанидских ханов. К тому же все летописи пунктуально называют многих других шейбанидов, ничем себя не проявивших в истории.

¹ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков, стр. 34—37.

² Березин И. Н., Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, Казань, 1851, стр. 106.

³ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков, стр.

Хивинский хан из династии шейбанидов и в то же время профессиональный историк Абу-л-Гази-хан, в своем произведении "Родословное древо тюрков" опирающийся на 18 различных источников, так передает генеалогию Кучума: "У Чингиз-хана сын Джучи-хан; у него сын Шибан-хан, его сын Багадур-хан, его сын Джучи-Буга, его сын Бадакул, его сын Мунг-Тимур, его сын Биккунди-углан, его сын Али-углан, его сын Хаджи-Мохаммед-хан, его сын Махмудек-хан... У упомянутого выше Махмудек-хана был сын Муртаза-хан, у этого сын был Кучум-хан. Кучум-ханом пресекся род этого дома. Кучум-хан сорок лет царствовал в Туране. Жизнь его была долга, под конец ее он ослеп. В 1595 году Русские отняли Туран из рук Кучум-хана, Кучум-хан, убежав, скрылся у народа Мангкыт и там отошел к Божию милосердию"¹.

Г. Ф. Миллер со слов одного бухарца, который перевел ему в 1743 году в Tobольске сочинение Абулгази "Родословное древо тюрков", пересказывает происхождение хана Кучума примерно так же: "Чингис-хан — Джучи — Шейбан — Батур-хан — Джучи — Бадакул — Мунг-Тимур — Бекконди-оглан — Али-оглан — Хаджи-Мухаммед-хан, его сыновья Ибак и Махмудек, сын Махмудека — Муртаза, его сын Кучум-хан"².

Таким образом, по авторитетному мнению Абулгази, получается, что Кучум происходил все-таки из династии тюменских шейбанидов, некогда господствовавшей в Западной Сибири и лишившейся ханской власти после гибели Ибак-хана, брата Махмудек-хана. Поэтому некоторые источники называют Кучума потомком Ибака, отомстившего тайбугинцам за смерть своего деда, хотя настоящим его дедом был не Ибак, а Махмудек.

Профессор Манчестерского университета К. Э. Босворт в своем исследовании, опубликованном в 1967 году, излагает только генеалогию потомков Мухаммед Шейбани-хана, правивших в Бухарском ханстве в XVI веке, но упоминает, что одна из ветвей Шейбанидов — ханы Тюмени — просуществовала в Сибири до XVII века³.

В середине XIX века профессор Казанского университета Березин И. Н. опубликовал перевод рукописи "Шейбаниада. История монголо-тюрков". В ней подробно описывается происхождение Чингиз-хана, его борьба за

¹ Абулгази, Родословное древо тюрков, стр. 156.

² Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, стр. 197.

³ Босворт К. Э., Мусульманские династии, М., 1971, стр. 207.

власть, жены, дети, потомки Чингиза, история знаменитого Абу-л-Хайр-хана, деда завоевателя Средней Азии Мухаммед Шейбани-хана, бухарских и хивинских ханов из династии шейбанидов, но в этом сочинении нет упоминания о Кучуме и его предках¹.

Нужно подчеркнуть, что и сами шейбаниды делились на различные династийные ветви в зависимости от происхождения своих предков, древности рода, знатности, богатства и других далеко не формальных критериев, которые свято соблюдались в степной иерархии.

Из потомков Шейбана наиболее известен был Минг-Тимур-хан, сын Бадагул-оглана. У него была всего одна законная жена, но зато она происходила из древнейшей династии Исмаила Самани — основателя феодального государства Саманидов в Средней Азии в IX—X вв. со столицей в Бухаре. Саманиды считали себя потомками самого Бахрам Чубина, знаменитого военачальника династии Сасанидов в древнем Иране. Естественно, сыновья Минг-Тимур-хана от этого брака Эль-бек и Пулад и их потомки имели старшинство перед другими сыновьями хана, рожденными от разных наложниц: Джахантой, Суюниш-Тимуром, Тункой, Бек-конди-огланом, которые считались как бы незаконнорожденными и не могли рассчитывать на верховную власть во всем улусе Шейбани.

Например, у Пулада было два сына — Ибрахим и Арабшах. Внуком Ибрахима был Абу-л-Хайр-хан, основатель государства кочевых узбеков, в середине XV века объединивший под своей властью на короткое время всю территорию Великой Степи в границах бывшей Золотой Орды Бату-хана. Его внук Мухаммед-Шейбани-хан сумел завоевать Мавераннахр, основал новую династию бухарских шейбанидов, правившую в Средней Азии весь XVI век. А потомки Арабшаха позже захватили власть в Хорезме и основали новую династию хивинских шейбанидов, из представителей которой наиболее известен Абулгази, автор исторического труда "Родословное древо тюрков". Таким образом, шейбаниды как бы поделили между собой власть в Средней Азии.

Из других потомков Минг-Тимур-хана, рожденных от невольниц, никто не был государем крупного улуса, хотя жажды власти и честолюбия у них было не меньше.

¹ Березин И. Н., Шейбаниада. История монголо-тюрков. Библиотека восточных историков, т. I, Казань, 1849.

Известны только потомки младшего сына Минг-Тимур-хана Бек-Конди-оглана. Внук его Хаджи-Мухаммед-хан владел небольшим улусом при впадении Есиля в Иртыш с центром в Кызыл-Тура. Сыновьями Хаджи-Мухаммад-хана явились Ибак-хан и Махмудек-хан, о которых уже упоминалось. Кучум происходил из этой линии шейбанидов, которая управляла землями по рекам Тобол, Есиль и Иртыш и не снялась на завоевание Средней Азии с другими шейбанидами, но связи с ними не прерывала, опираясь на их помощь в борьбе за власть в своем регионе с другими претендентами.

Нужно отметить, что есть и сторонники казахского происхождения Кучума, считавшие его выходцем из числа казахской знати.

Так, Н. М. Карамзин в своем труде называет Кучума "сыном Киргизского хана Муртазы", но не приводит при этом каких-либо ссылок на документы, подтверждающие такое происхождение Кучума¹.

П. И. Небольсин также называет Кучума "степным киргизом", по-видимому, по той причине, что он пришел в Сибирь со своими отрядами с юга, из казахской степи².

Любопытно, что Ч. Ч. Валиханов тоже считал хана Кучума казахом. В письме к профессору И. Н. Березину он пишет, что "Кучум был султан киргизский", хотя "во всех преданиях киргизских Кучум есть хан башкирский, а не султан киргизский"³.

Исследователь Казахстана А. И. Левшин также упоминал о казахском происхождении Кучума. В своем известном труде он утверждал, что "Кучум, последний хан Сибирский, был сам Киргиз-Казак. Завладев Искером силой оружия... он необходимо должен был иметь около себя и войско, составленное из прежних соотечественников своих. Следовательно, Ермак и сподвижники его без всякого сомнения сражались с Казаками, или нынешними Киргиз-Казаками"⁴.

Ему возражал В. В. Вельяминов-Зернов: "Кто был Кучум? Вообще Русские писатели, говорившие о Сибири,

¹ Карамзин Н. М., История государства Российского, т. IX, гл. VI, стр. 220.

² Небольсин П. И., Покорение Сибири, стр. 39.

³ Валиханов Ч. Ч., Собрание сочинений в пяти томах, т. I, А-А., 1961, стр. 121, 138, 559.

⁴ Левшин А. И., Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. Часть вторая. Исторические известия, Спб., 1832, стр. 49.

и даже Левшин, писавший о Киргиз-кайсаках, называли Кучума Киргиз-кайсаком. Но Кучум положительно не был Киргиз-кайсаком... Кучум был царевичем Шибанским или Тюменским"¹. При этом он ссылался на грамоты царя Федора Ивановича Кучуму, где тот называет его внуком "шибанского" царя Ибака.

В конце прошлого века известный исследователь истории Сибири П. А. Словцов опубликовал небольшую статью, где попытался на основе имеющихся в его распоряжении источников пролить свет на происхождение Кучума².

Он ссылается на древние легенды об Онг-хане, Чинги и Тайбуге, на произведения Абулгази и Г. Ф. Миллера, описывает вековую борьбу тайбугинцев и шейбанидов за власть в Сибири. Подмечает, что месть представителей разных династий происходит через поколение: вначале шейбанид Ибак-хан убивает "без известной причины" тайбугинца Мара и захватывает его улус. Затем внук Мара Мухаммед умертвляет Ибака в отместку за смерть своего деда и восстанавливает господство тайбугинцев. Потом внук Ибака Кучум убивает внука Мухаммеда Едигера и тем самым мстит за своего деда. Все эти повороты на сибирском троне происходят из желания восстановить утраченную ранее законную власть в ханстве. Словцов П. А. приходит к выводу, что в 1563 году или около этого времени законный хозяин Сибири шейбанид Кучум вырывает власть из рук самозванцев-тайбугинцев. "Кто был Кучум? Можно ли считать его киргиз-кайсаком?— спрашивает он и подводит читателей к мысли, что поскольку, оказывается, Кучум — шейбанид, а не киргиз-кайсак (т. е. не казах), то и киргиз-кайсаки не имеют никаких исторических прав на территорию Сибири, так как якобы они никогда ею не владели на законных основаниях. Но Словцов П. А. упускает из виду то обстоятельство, что в те далекие времена территорию Крымского, Казанского, Сибирского и Казахского ханств, Ногайской Орды, ханства кочевых узбеков населял единый народ, тюрки-кыпчаки, только входивший в состав разных государственных объединений, и позже единственным законным правопреемником их стало Великое Казахское ханство, с конца XVII

¹ Вельяминов-Зернов В. В., Исследование о Касимовских царях и царевичах, часть II, Спб., 1864, стр. 393—394.

² Словцов П. А., Кто был Кучум? Восточное обозрение, 1882, №№ 39—40.

века занимавшее древнюю исконную территорию всех прежних кочевников — от Алтая до Волги, от Южной Сибири и до Сырдарьи.

Из всех предков Кучума наиболее известен был в степи Ибак-хан (в некоторых источниках Айбак-хан). Сын шейбанида Хаджи-Мухаммед-хана, властолюбивый интриган, международный авантюрист, он всю свою жизнь боролся за господство — то в Сибири, то в Казани, то в Астрахани, — претендуя на роль объединителя Золотой Орды, хотя сам же ее и разрушал как мог. Он не признал власти государя кочевых узбеков, своего родственника-шейбанида Абу-л-Хайр-хана, а после его смерти в союзе с последним ханом Золотой Орды Ахмедом в 1469—1470 гг. убил сына и преемника Абу-л-Хайр-хана Шайх-Хайдар-хана. Ибак-хан захватил большую часть Сибири и укрепил Тюменское ханство — оно простиралось от Туры, Тавды и Тобола до Есиля. Затем Ибак-хан объединился с ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчи и в 1481 году вероломно убил своего недавнего союзника Ахмед-хана. Золотая Орда от Волги и Дона до Азова была разграблена и больше уже никогда не возродилась. Позже Ибак-хан стал претендовать на власть в Большой Орде и Казанском ханстве, пытаясь восстановить былую мощь Золотой Орды, однако этого у него не получилось. Он вступил в дипломатические отношения с Москвой, с великим князем Иваном III Васильевичем, прислав к нему послов в 1489 и 1493 годах. В 1492 году Ибак-хан и его племянник Мамык-султан при поддержке ногайских мурз разграбили Астрахань и обосновались в низовьях Волги. Затем неутомимый Ибак, как уже упоминалось, вступил в родство с тайбугинцем Маром, но вскоре коварно убил и его, присоединив новую территорию к Тюменскому ханству, пока наконец самого вероломного хана не настигла месть внука Мара Мухаммеда.

Другой предок Кучума, сын Махмудек-хана Ал-Джыгыр (Алшагыр), известен из эпоса “Кобланды-батыр” под именем калмыцкого хана Алшагыра, воевавшего с кыпчаками Кобланды-батыра и убитого им в сражении. То есть, если верить эпосу, это реальное лицо, жившее в казахской степи в конце XV — начале XVI века.

¹ Оксенов А., Сибирское царство до эпохи Ермака, Томск, 1888, стр. 13.

Вот такие воинственные и честолюбивые предки были у Кучума, и сам он был им под стать, о чем мы еще вспомним при дальнейшем изложении событий.

Все источники сообщают, что Кучум погиб в 1598 году или вскоре после этого глубоким, дряхлым стариком. Поэтому можно предположить, что родился он примерно между 1510—1520 гг. и прожил на свете около 80 лет. Об этом говорит и тот факт, что Кучум оставил после себя весьма многочисленное потомство.

Где он мог появиться на свет? Принимая версию Абулгази о происхождении Кучума из династии тюменских шейбанидов, которые остались в казахской степи и не ушли вместе с Мухаммед Шейбани-ханом на завоевание Средней Азии, можно с большой вероятностью утверждать, что Кучум родился не в Бухаре, а скорее всего в Ногайской Орде, то есть на территории Западного или Северо-Западного Казахстана. На это указывают и его тесные родственные связи с ногайскими мурзами Алтыульской Орды, кочевавшей к востоку от реки Эмбы до Аральского моря и находившейся под политическим и военным влиянием Бухарского ханства.

Некоторые русские источники (например, Есиповская летопись) утверждали, что Кучум пришел в Сибирь из "Казачьей Орды", то есть из Казахской степи,— утверждение в пользу того, что Кучум был родом все-таки казах, управлявший казахскими племенами, жившими в степной зоне юга Сибири. Он принадлежал к династии чингизидов, потомков Шейбани, и как представитель этой степной аристократии мог занять ханский трон где угодно: в Астрахани или Казани, Бухаре или Хиве, в Сибири или в Крыму — везде, где сохранились осколки Золотой Орды. Таковыми утвердились порядки того времени. Были бы только приглашения на престол, а претенденты ханского происхождения всегда находились в достаточном количестве.

Мы уже говорили, что у пятого сына Джучи-хана Шейбани было двенадцать сыновей и семнадцать внуков, а у тринадцатого сына Джучи-хана Тука-Тимура, родоначальника казахских ханов, насчитывалось четыре сына и десять внуков. Они и их потомки позже схватились в смертельной борьбе за власть в Великой Степи. Победили тука-тимуриды, основавшие в середине XV века Казахское ханство.

Видный историк Туркестана В. В. Бартольд писал: "Кучум-хан — татарский хан Сибири, при котором эта страна была завоевана русскими". Далее он упоминает, что достоверные сведения о его происхождении сообщает Абулгази, по словам которого тот правил якобы 40 лет. Кучум не получил свое царство в наследство от отца, пишет Бартольд, а изгнал оттуда своего предшественника Ядигера: в 1563 году владельцем Сибири был Ядигер, а в 1569 году — уже Кучум. Последнее поражение в войне с русскими Кучум потерпел 20 августа 1598 года, а ногайцы, у которых он искал убежища, убили его в отместку за набеги отца¹.

Нам не известны его молодые годы, где он их провел, чем занимался. По некоторым сведениям можно предположить, что в это время Кучум находился в Ногайской Орде, поскольку позже установил тесные родственные связи с известными ногайскими мурзами. У Кучума было два брата Жан-Керей и Ахмет-Керей, сыном одного из них и племянником Кучума являлся известный его военачальник Мухаммед-кул, воевавший с Ермаком, попавший к тому в плен и отправленный затем в Москву, где впоследствии служил русским царям (об этом мы расскажем отдельно). Кучум был средним сыном Муртазы, но, видимо, выделялся среди своих братьев, если именно на него пал выбор Бухары и Ногаев при подборе кандидатуры на должность сибирского хана.

Примерно в 1555 году Кучум вместе с отцом Муртазой и отрядами бухарцев и ногайцев появился на территории Сибирского улуса. Видимо, это также явилось одной из причин принятия Жадигером и Бекбулатом зависимости от Москвы. Начинается длительная борьба за власть в Сибири. Непрочное внутреннее положение самого ханства, недовольство простого народа своим положением, постоянные междоусобицы, выступления угорских и башкирских племен подрывали единство ханства. Да и сами его владельцы-тайбугинцы не обладали, видимо, необходимыми качествами и способностями, чтобы удержать народы в покорности. Всеми этими обстоятельствами и воспользовался Кучум. В 1563 году он разгромил войско Жадигера и захватил его столицу Искер. Жадигер и Бекбулат были убиты, уничтожены также все их родственники; спастись

¹ Бартольд В. В., Сочинения, т. 5, М., 1968, стр. 554—555; в "Истории Казахской ССР", т. 2, утверждается, что полной ясности в вопросе о происхождении Кучума еще нет (стр. 281).

удалось только сыну Бекбулата Сейтеку (Сайдак, Сейдяк), ставшему впоследствии яростным противником Кучума. Г. Ф. Миллер сообщает, что Кучум-хан пришел из "Казачьей Орды", убил братьев и сел на трон. Спасся только Сейдяк, бежав в Бухару. По другой версии, Жадигер и Бекбулат якобы умерли сами и у них не было сыновей. Жена Жадигера была беременна, но мурзы и беки не захотели будто бы ждать, пока она разродится, и испросили у хана Муртазы среднего сына Кучума на ханство в Сибири. Жена Жадигера бежала в Бухару, где жила в доме одного духовного лица "сеида" и там родила сына. Мальчику дали имя "Сейтек", т. е. "маленький сеид", в честь приемного отца¹. Но большинство исследователей сообщают, что Кучум сел на трон в Сибири, предварительно убив обоих братьев и истребив всех их родственников-тайбугинцев, что было вполне в духе того времени, когда в борьбе за власть не щадили никого.

Так в Сибири на ханском престоле вновь воцарились представители воинственного клана шейбанидов. Но Кучуму пришлось несколько лет утверждать свою власть, преодолевая сопротивление местных народов, мурз, беков и тарханов, которые не сразу признали его ханом. Но с местной знатью Кучуму удалось в конце концов найти общий язык, так как положение ее при нем несколько не пострадало. Жизнь же простого народа заметно ухудшилась, так как теперь ясак новому правителю должны были платить не только подчиненные тюркам местные племена вогулов и остяков, но и сами тюркоязычные кочевники. Провозгласив себя ханом всей Сибири, Кучум обложил грабительской данью все местные народы, завоевал угорские племена, жившие в нижнем течении Иртыша и по его притоку Конда, а также тюркоязычное население барабинской степи.

Осложнились отношения Кучума с Русским государством. На первых порах Кучум лавировал, дело не доходило до открытых столкновений — шел обмен посланиями между Иваном IV и Кучумом. Занятый борьбой за укрепление своей власти, Кучум пытался выиграть время и собирал вооруженные силы, не порывая отношений с Москвой. В 1571 году даже отправил в Москву посольство

¹ Миллер Г. Ф., История Сибири, т. 1, стр. 196.

и уплатил подать в прежнем объеме — 1000 соболей. Он подтвердил договор, заключенный ранее Жадигером, принял в Искере царского посла Третьяка Чубукова, обязался платить дань и подписал присяжную грамоту. Но это были обычные хитрости, которым Кучум научился еще в Ногайской Орде, у мангытов, общаясь с местными политиками и усвоив методы степной дипломатии и восточного двора: терпение, коварство, хитрость, жестокость и т. п. Таковы были тогдашние нравы, а хан Кучум был человеком своего времени, и нельзя осуждать его за это. Под стать ему были и его противники: в частности, царь Иван IV потому и стал "Грозным", что в полной мере воплощал в себе аналогичные качества и искусно применял в жизни весь этот набор средств достижения цели.

Некоторые исследователи утверждают, что ханом после свержения тайбугинцев стал отец Кучума престарелый Муртаза. Он еще в молодости был однажды правителем в Чимги-Тура, затем оставил престол и совершил хадж в Мекку, поселившись впоследствии в Бухаре и Самарканде. Однако Муртаза-хан недолго правил Сибирью, примерно в том же 1563 или 1564 году он умер¹. Потом ханом избрали Кучума. На центральной площади Искера у главной мечети столицы собрались мурзы, беки, огланы. Духовное лицо, сеид, прочитал торжественную хутбу в честь нового хана, Кучума подняли на золотой кошме и осыпали золотыми и серебряными монетами. Он провозгласил себя ханом тюменским и сибирским, чтобы подчеркнуть законность своей власти².

К 1572 году позиции Кучума в ханстве значительно упрочились, сопротивление местной кочевой и оседлой знати было сломлено. В это же время Московское государство подверглось нападениям крымского хана Даулет-Керея, который неоднократно поджигал Москву³. Неудачно шла и Ливонская война. Все это позволило Кучуму в удобный момент разорвать вассальные отношения с Москвой и стать независимым, самостоятельным ханом всей Сибири.

¹ Копылов Д. И., Ермак, Иркутск, 1989, стр. 68, 74, 212.

² Оксенов А., Сибирское царство до эпохи Ермака, стр. 26.

³ Возгрин В. Е., Исторические судьбы крымских татар, М., 1992, стр. 208.

Кучум все свое внимание уделял укреплению Сибирского ханства, превращению его в сильное государство, с которым стали бы считаться, и Москва, и Бухара, и Ногайская Орда, Турция, Крымское и Казахское ханства, калмыки, другие соседи. Начиналась новая страница в истории Сибири, в долгой и богатой событиями биографии самого Кучума.

Глава II

СИБИРСКОЕ ХАНСТВО КУЧУМА

Сибирь с ее неисчислимыми и сказочными естественными богатствами, с ее дикой и своеобразной природой производила на кочевников или на русских людей, впервые попавших в эти края, сильное и глубокое впечатление, поражала их воображение, привыкшее к однообразному пейзажу степи или русской равнины. Высокие горы, стремительные и широкие реки с хрустальной водой, могучие леса, обилие пушного зверя, птицы и рыбы, разнообразие трав, тучная земля, диковинные животные и птицы, которые нигде больше не встречались, девственная, не тронутая человеком природа издавна привлекали сюда людей. В самых восторженных выражениях описывали богатства Сибири путешественники и ученые. Известный русский церковный деятель протопоп Аввакум так передал свое восхищение этим краем: "Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный как стена стоит... многое множество птиц, которые как снег осыпают поверхность... рыбы множество, и такой жирной, что нельзя жарить на сковороде: жир все будет; и травы ценные, красивые и благоуханные..."¹

Территория и население

Кучумова Сибирь, Сибирский юрт, Царство Иртышское, Сибір хандыгы — по-разному называли Сибирское ханство современники. Почти 40 лет прожил здесь хан Кучум, из них 20 ханствовал, а еще 20 лет вначале

¹ Житие протопопы Аввакума, Пг, 1916, стр. 21—22, 42.

утверждал свою власть, а затем боролся с Ермаком и русскими воеводами за ее возвращение. После захвата престола у тайбугинцев в 1563 году Кучум еще семь лет воевал за полное установление своего господства. Все это время он вел кровавую борьбу с непокорной местной знатью и племенными князьями и мурзами, прежде чем добился от них покорности. Местное население и его верхушка не сразу признали Кучума и подчинились его власти. Только военная сила, знатное происхождение Кучума, ссылка на то обстоятельство, что его предки-шейбаниды ранее владели этими землями, а тайбугинцы были их слугами, успокоили в конце концов кочевников и коренных жителей Сибири.

Лишь к 1570—1571 гг. Кучуму удалось объединить под своей властью всю территорию бывшего улуса Шейбани, включая Тюменское ханство шейбанидов на Тоболе, Сибирский юрт тайбугинцев на Иртыше, небольшое ханство легендарного Сары-Каска-хана на Есиле при впадении в Иртыш с центром в Кызыл-Туре, и создать более или менее единое государство со столицей в Искере (Кашлыке). Ханство занимало теперь огромный регион в Приуралье, Западной Сибири и Северном Казахстане, по площади равный территории Франции. Уральские горы были естественной границей между Сибирским ханством и Московской Русью. Государство Кучума располагалось в виде большого треугольника, один угол которого находился на Тоболе, другой — на Иртыше, а вершина упиралась в низовья Оби.

На западе Сибирское ханство соседствовало с Ногайской Ордой в районе Уфы, граница между ними проходила по реке Орь при впадении в Яик, на Урале — с Казанским ханством, на северо-западе по реке Чусовой граничило с Пермью. На севере земли нового государства простирались до самого Обского залива, а на юге, в верховьях Тобола и Есиля, соприкасались с Казахским ханством. Фактически власть Кучума распространялась еще дальше: на юго-востоке между Иртышом и Обью до барабинской степи, а на западе — до владений Строгановых. Таким образом, Сибирское ханство Кучума занимало огромную территорию от восточных склонов Уральских гор до Оби и Иртыша¹.

¹ Сафаргалиев М. Г., Распад Золотой Орды, Саранск, 1960, стр. 221.

Сибирский юрт Кучума представлял из себя государство, объединившее кочевое и полукочевое тюркское и оседлое местное угорское население, в его состав вошли владения полунезависимых князей, мурз, беков, биев, тарханов и огланов, подчинившихся новой верховной власти. Все население ханства разделялось на две части: на массу зависимых, так называемых “черных людей” (“кара халык” или “кыстым”), плативших ясак хану и своим князьям, и на довольно многочисленную группу господствующей феодальной верхушки “тарханов”, состоящую из всевозможных мурз, беков, огланов и пр. Опорой Кучума стала аристократия тюркоязычной кочевой массы, а также пришедшие с ним ногайцы и бухарцы. К ним примкнула также племенная знать остяков (ханты) и вогулов (манси), принявшая ислам.

Центрами этих небольших улусов являлись городки и крепости, где находились ставки князей и мурз, через которых Кучум осуществлял свою власть над подчиненным ему ханством. Эти мелкие феодальные владения возглавляли, как правило, потомки местных тюркских племенных и родовых вождей, получивших власть по наследству от своих предков. Однако и сам хан Кучум за верную службу мог также пожаловать своим есаулам и приближенным отдельные улусы, городки, крепости и юрты (т. е. небольшие поселения). Так вокруг Кучума сложилась значительная группа местной знати, тесно связанная с ним служебными, родственными и другими связями.

В документах и источниках упоминаются, например, имя Бабасан-мурзы, владения которого расположились на западе ханства по Тоболу, улус князя Жапанши на реке Тура; на этой же реке находился городок, которым управлял брат самого Кучума, отдельное владение было и у племянника хана Мухаммед-кула. Есаулу Алышаю принадлежали города по рекам Тобол, Тура и Есет на западе ханства, на месте современного Кургана находилось древнее тюркское городище Шубар-кала, а также городки Явлу-Тура, Кыныр и др. Выше Искера располагались земли Аттик-мурзы, а рядом со столицей находился улус приближенного хана — Карачи; в устье Вагая стоял городок Касым-тура, выше — поселение мурзы Бегиша. Потомкам Сары-Каска-хана принадлежало небольшое владение при впадении Есиля в Иртыш, дальше по Есилю располагались улусы мурзы Шангула, Шын-мурзы Жусу-

пова, а также юрты Орыс, Тогыз и Сыпра с городком Куллары.

Вниз по Иртышу, к северу, находились владения местных князей остяков и вогулов. Среди них известны имена Лабуты, правившего на реке Тавда, Кашука, Демьяна, Бояра, Самара. Некоторые из них властвовали так далеко от столицы ханства, что скорее были не вассалами, а союзниками Кучума, как например, князь Воня — глава Пегой Орды на Оби. Они поставляли хану ясак и по его требованию спешили со своими воинами в ставку для участия в войнах и набегах Кучума.

К Кучуму в момент его наивысшего могущества поступали на службу князья и мурзы из Казани, Астрахани, Ногайской Орды, Казахского ханства, Бухары и Ургенча, Туркестана и Ташкента, Саурана и других мест. Многие из них приходили со своими улусами и людьми, получали от хана новые территории, пополняя его служилую знать¹. Так постепенно вокруг Кучума сложился разнообразный по составу слой феодальной знати — беки, мурзы, тарханы, князья, огланы, есаулы, бывшие его социальной опорой в управлении государством.

Основным населением ханства являлись сибирские казахи — местное кочевое тюркоязычное население, проживавшее здесь с давних пор. Тюрки-кыпчаки смешались с потомками древних угров-сыпыров, с пришедшими сюда завоевателями-монголами, ассимилировали их. В этногенезе сибирских казахов приняли участие и бежавшие в Сибирь казанские татары, а также башкиры и ногайцы, местные угорские племена. Жители ханства разговаривали на языке кыпчакской группы тюркских языков. Князья остяков и вогулов приняли ислам и мусульманские имена: Аблай-Керей, Жусуп, Аксеит и т. п. Основное население называло себя по-разному: жившие по р. Тобол — "тоболик", по р. Тара — "тарлик", в степи между Иртышом и Обью — "бараба", пришедшие с юга — "бухарлык", проживавшие на р. Есиль — "есильские"², а также "чаты", "зуштинцы", "теренинцы" и др.

Основу общественной организации заложили родовые отношения, население проживало в аулах и "юртах" — т. е. большими семьями. Эти семьи объединялись в улусы во главе со своими князьями или назначенными есаулами.

¹ Бахрушин С. В., Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 156.

² Народы Сибири. Этнографические очерки, М.—Л., 1956, стр. 473.

Жители земель, принадлежавших селькупам, остякам и вогулам, делились на "сотни" во главе с сотниками, где сотня являла собой главную административную единицу. В поселениях назначались дополнительно пятидесятники и десятники, которые отвечали за сбор ясака, отправку воинов на помощь хану и т. п. Сибирским казакам знакомо было и домашнее рабство; ему подвергались в основном военнопленные, использовавшиеся в домашнем хозяйстве.

Сибирские казахи, т. е. местное тюркоязычное население (племена аргын, кыпчак, найман, жалаир и др.), вели полукочевой образ жизни, занимались в основном скотоводством, разводя овец, коров, лошадей и верблюдов. Но скота содержали не много. Главным поставщиком издавна были Ногайская Орда и Казахское ханство, располагавшие громадными стадами и табунами. Самых породистых лошадей для хана, его приближенных и нукаров пригоняли из Бухары и Хивы.

В поймах рек Тобол, Есиль и Иртыш практиковалось и земледелие. В городках занимались гончарным производством, ткачеством, плавил и обрабатывали металл, изготавливали из него оружие, необходимые орудия труда, котлы, таганы. Главным занятием остяков и вогулов оставались охота и рыболовство, собирательство и примитивное земледелие.

Население ханства обязано было платить дань — "ясак" — своим князьям и верховному правителю. С наступлением весны из Искера во все концы ханства разъезжались ханские есаулы и даруги для сбора ясака. Помощь им оказывали местные мурзы и беки. Для бесперебойного поступления дани брали в заложники кого-нибудь из представителей местных племен и народов, т. е. в "аманаты". От ясака освобождались только те мурзы и князья, кто имел звание "тархан", такое право распространялось и на их потомков. Ясак состоял из определенного количества пушнины, разных мехов, шкур зверей, кожи, скота, рыбы, оружия, коней, драгоценных камней, золота и серебра в слитках, ткани, меда и т. п.

Самой дорогой частью дани считалась сибирская пушнина, меха соболя, лисицы, белки, медведя; куниц, бобров, горностаев и других пушных зверей, высоко ценимые на мировых рынках того времени в Европе, Азии и Руси. За сибирской пушниной приезжали персидские, бухарские, турецкие, грузинские, армянские, крымские купцы и торг-

овцы, за нее хорошо платили на рынках Ближнего Востока, Бухары и Хивы, других стран. Ценной статьей ясака считалась также охотничья птица: соколы, кречеты, ястребы, — которая поставлялась в дворы правителей того времени. Сказочные богатства Сибири позволяли хану Кучуму и его близким обогащаться за счет ясака, а сам хан был, наверное, одним из самых богатых людей своего времени, его без преувеличения можно было назвать “Сибирским Крезом”.

Сбор ясака был настолько четко организован Кучумом, что русские после завоевания Сибири не стали ничего менять и воспользовались его техникой обложения данью местных народов, только повысили ее размер.

Опорными пунктами власти Кучума и его мурз были укрепленные поселения, которые располагались на стратегически важных путях сообщения: в устьях рек, на караванных дорогах, у водных переправ. Столицу ханства Искер со всех сторон прикрывали и окружали городки его приближенных, являвшиеся военно-административными центрами улусов.

По Иртышу Искер защищали Сузге-Тура и Бесик-Тура, Чувашев городок, городок мурзы Аттика, городище Абалак, где находилась любимая летовка хана, ставка его главного визиря Карачи. В устье реки Вагай расположился городок Касым-Тура, в устье Есиля — Кызыл-Тура, поселения мурзы Бегиша и есаула Кайдаула. На западе, у рек Тура, Тавда, Есет, также стояли городки его мурз и беков: Жапанши, Шубар-Тура, Жангы-Тура, Кыныр и другие. На земле остяков и вогулов располагались около 40 поселков местных князей. Самым крайним жилым пунктом на западе ханства являлся Тарханский городок на Тоболе, а с востока, на Иртыше, — Куллары. Все они были окружены земляными валами и деревянными стенами, но это слабо защищало их от нападения недругов.

Столица ханства — город Искер стоял на правом высоком берегу Иртыша, у впадения в него Тобола. Он занимал очень выгодное стратегическое положение в ханстве, находясь почти в самом центре и прикрытый со всех сторон поселениями местных князей. Возвышаясь в точке слияния Тобола и Иртыша, Искер мог легко контролировать не только все движение по ним, но и выход в Обь, то есть на главную транспортную дорогу Сибири. Кроме того, столица оказалась почти на самой этнической границе между тюркским и остячко-вогульским населением

государства, что позволяло успешно осуществлять управление обеими частями. И еще одна немаловажная деталь: Искер встал в северной точке старинной караванной дороги из Средней Азии в Москву и на восток, в Китай и Монголию, что было выгодно для развития торговли и межгосударственных связей. Окрестности города изобиловали пастбищами, лесом, охотничьими угодьями, рыбой, птицей, разной дичью и т. п. Лучшего места для столицы нельзя было сыскать, наверное, во всей Сибири. Искер таким образом являл собой в то время влиятельный и сильный центр Сибирского ханства Кучума, предмет его постоянной заботы и внимания.

Город был окружен тройным валом оборонительных сооружений, причем каждый из них был выше другого, а между валами находились рвы, заполненные водой. Искер не поражал размерами, но здесь располагалась ставка самого хана, его близких слуг и родственников. В центре столицы возвышалась деревянная мечеть, а на берегу Иртыша — кирпичный ханский дворец. В крупных кирпичных и деревянных постройках внутри защитного кольца жила знать, воины и нукеры самого хана, останавливались купцы и торговцы. Недалеко от Искера, на Саусканском мысу, находилось древнее кладбище, где хоронили знатных людей государства.

Простые жители города обитали в землянках и глинобитных мазанках за крепостными стенами. Они обслуживали семьи хана и его приближенных, занимались рыболовством и земледелием, разводили скот, знали металлургию, ткацкое и швейное дело, кожевенное производство. Археологические находки говорят о довольно высокой степени развития этого города, стоявшего на пересечении караванных и водных дорог Сибири¹.

В окрестностях Искера был разбросан целый ряд небольших деревянных поселений, дворцов и замков, где жили жены хана с детьми, его близкие родственники. Так, выше Искера по Иртышу находился городок Сузге-Тура, где жила самая любимая супруга хана прекрасная Сузге, дочь казахского султана из есильских степей. А ниже столицы, в Бесик-Тура, обитала ее соперница, дочь местного мурзы Даулет-бая. Каждая из жен Кучума жила в отдельном поселении, специально построенном для нее.

¹ Левашева В. П. О городищах Сибирского юрта.— Советская археология, 1950, т. XIII, с. 347.

Но в военном отношении Искер был весьма ненадежен и не смог бы выдержать длительной осады: реку Сибирку, которая протекала через город и снабжала его водой, легко было перегородить и направить в другое русло, оставив защитников без воды. Уязвимость Искера и явилась впоследствии главной причиной того, что Кучум не стал оборонять город от казаков Ермака, а оставил его.

Подводя итоги, отметим, что в целом в Сибирском ханстве Кучума выросло немало оседлых поселений, городков и крепостей, появление которых привело к развитию общественных отношений, подъему экономики, оживлению торговли и росту населения ханства.

Государственный строй

Государственное устройство Сибирского ханства напоминало структуру государства кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана или Ногайской Орды, но с заметным влиянием тогдашнего Бухарского ханства, возглавляемого покровителем Кучума из династии шейбанидов Абдулло-ханом II (1557—1598 гг.).

Опорой хана на местах были племенные и родовые улусные князья, мурзы, беки и тарханы, которые управляли отдельными владениями в разных концах ханства. Свои улусы они получили либо в качестве наследства, либо от Кучума за верную службу. Хан мало вмешивался в их внутренние дела, поручив им главным образом сбор ясака и мобилизацию воинов для набегов и защиты границ ханства от внешних врагов. Известны такие имена князей сибирских, как Токаш, Тоян, Кожбахтый, Абага, Ашкеней, Басандай и другие.

Значительную роль при дворе играла родовая и местная знать. При государе действовал своего рода “диван” — высший орган, где обсуждались и решались все важнейшие задачи государственной жизни. Вторым человеком в ханстве являлся его главный визирь — Карача, на которого были возложены вопросы государственного управления. Благодаря своему высокому положению карача обладал и большим богатством, и наиболее крупным и сильным улу-

сом вблизи столицы с укрепленным городком. Измена карачи в период борьбы с Ермаком сильно подорвала позиции хана и привела к падению его власти. Кроме карачи, в окружение Кучума входили и советники — "ата-лыки", знатные люди бухарского или ногайского происхождения, без которых Кучум не принимал важных решений. На аталыков возлагались более обширные функции, чем просто воспитание многочисленных детей хана. Таких советников имели и улусные мурзы и беки.

Для реализации решений, принятых на ханском совете — "диване" у Кучума существовали специальные люди — даруги или есаулы (от монгольского "йасавул"). Они были как бы домашними слугами хана, их главными задачами являлись сбор ясака, подсчет военной добычи, исполнение разного рода поручений административного характера. Известны есаулы Кучума, такие как Алышай, Кирпик, Токтамыс, Есенгельды, Жанбулат, Сейткул, Мамык, Кызылбай, Кайдаул Байсеитов и другие. Некоторые из них позже перешли на службу к царским воеводам и поэтому сохранили под собственным управлением свои земли.

В административный аппарат хана входили также "кази" — судьи, "жаршы" — глашатаи ханских указов и "бии" — управители родов.

На вершине этой пирамиды власти находился сам хан Кучум — представитель династии шейбанидов на сибирском троне. После переворота 1563 года, когда Кучум захватил власть в ханстве, никто не осмеливался оспаривать его положение верховного правителя Сибирского юрта; потомок самого Чингиз-хана имел на это право. Однако улусные мурзы и беки служили ему, пока он был удачлив; когда же Кучум лишился власти, с таким трудом созданное им государство тут же распалось; многие князья не только покинули его, но даже перешли на сторону врага ради сохранения своих территорий и власти. Такова судьба всех кочевых и полукочевых феодальных государственных образований, не имеющих прочных связей и державшихся лишь на авторитете сильного государя. Феодально-родовая аристократия после первых же военных неудач Кучума переметнулась на сторону его врагов — Ермака и царских воевод.

Так, мы уже упоминали, что в трудную минуту от Кучума откочевали его главный визирь карача; другой сподвижник, Шын-мурза Жусупов, уехал даже в Москву

вместе со своими близкими; вскоре за ним последовали Елюбай-мурза и тайбугинец Сенбахта Тагин, из давней неприязни к Кучуму предательски выдавший Ермаку главного военачальника хана, его племянника Мухаммед-кула. Мурза Елыгай из древнего местного рода Сары-Каска-хана привел в дар Ермаку даже собственную красавицу-дочь, чтобы сохранить свою жизнь и земли, а есаул Кайдаул нанялся на службу к русским воеводам в Тобольске. И таких примеров было немало.

Хан Кучум разделил трагическую судьбу многих прежних владетелей Великой Степи, живших до него: эмира Ногая, темника Мамаю, хана Токтамыса, бия Едыге, — брошенных своими близкими и подданными в минуту поражения.

Для укрепления своей власти Кучум прибег и к такому испытанному средству, как династические браки, расширяя тем самым круг своих союзников. Вскоре после прихода к власти он женился на дочери влиятельного мурзы Даулет-бая, жившего недалеко от Искера в городе Бесик-Тура, и этим укрепил родственные связи с местными князьями. Через несколько лет Кучум совершил поездку в Казань и привез оттуда новую жену — дочь бывшего казанского хана Мурата; брак обеспечил ему поддержку правящих кругов Казани, хотя и потерявшей свою независимость, но все еще авторитетной в мусульманском мире. Затем Кучум женился на дочери местного мурзы Шеге, которого вскоре сделал своим аталыком.

Важное внимание Кучум уделял укреплению дружественных связей с южным соседом — набирающим грозную силу молодым Казахским ханством. О красавице Сузге мы уже говорили. Старший брат Кучума Ахмет-Керей был также женат на дочери одного из самых влиятельных казахских султанов, а затем и хана — Шыгая (1580—1582 гг.). Таким образом, Кучум обеспечил себе более или менее мирные взаимоотношения и с Казахским ханством.

С далеким расчетом Кучум женил и своих сыновей, выдавал замуж дочерей. Старший сын Али-султан был женат на красавице Ханзаде — дочери ногайского князя Дин-Ахмета; другой наследник, Канай-султан, взял в жены Данай — дочь ногайского князя Уруса. Все они были потомками знаменитого бия Едыге, повелителя и основателя Ногайской Орды. Старшую дочь Кучум также выдал за ногайского князя Ак-Мырзу. Этими браками он поста-

рался упрочить связи с могущественными мурзами Ногайской Орды¹. Свою вторую дочь, Нал-Ханишу, Кучум отдал в жены прибывшему из Бухары известному мусульманскому проповеднику, сеиду Дин-Аулходже, и она родила этому потомку пайгамбара Мухаммеда трех сыновей, которые впоследствии жили при русских в Тобольске и Таре и служили им. Династические браки помогли Кучуму значительно укрепиться на сибирском престоле, приобрести новых союзников, упрочить свое положение в ханстве, возвыситься в глазах местных князей и беков.

Распространение ислама в Сибири

Немаловажное значение в укреплении своей власти в ханстве, идеологическому обеспечению ее Кучум придавал распространению ислама среди своих подданных. Правившие до него в Сибири тайбугинцы мало занимались пропагандой мусульманства: оно оставалось религией правящей верхушки, в то время как основная масса кочевых жителей по-прежнему была язычниками, а остяки и вогулы поклонялись своим идолам и шаманам. Ислам как единственная и господствующая религия должен был сплотить все народы Сибири под главенством хана, чтобы ему легче было управлять государством, объединившим разные этносы: тюрков-кочевников, местные угорские племена остяков, вогулов и других.

Однако здесь Кучума подстерегали трудности. Если правящая верхушка ханства, племенная и родовая аристократия не особенно сопротивлялись введению ислама, а вожди остяков и вогулов сразу приняли мусульманскую веру, то среди основного населения, особенно в среде угорского происхождения, ислам пришлось вводить силой, для чего Кучум не раз обращался за помощью к высшим кругам Бухары и Ургенча — исламистским центрам Мавераннахра. До Кучума мусульманство в Сибири распространялось в основном из Казани. Так, в Тюменском ханстве ислам пустил корни уже в конце XV века, поначалу среди феодальной знати. Но окончательное торжество этой религии в Сибири связано с именем хана Кучума.

¹ Небольсин П. Покорение Сибири. с. 37.

В 1572 году Кучум направил посольство к бухарскому хану Абдулле с просьбой прислать шейхов и сеидов для пропаганды ислама в Сибири. В Бухаре сибирские послы были приняты Абдулла-ханом, который немедленно дал указание о снаряжении исламских миссионеров в Сибирь для обращения местных народов в истинную веру. Было решено отобрать их в Ургенче, куда и последовали послы Кучума с письмом от бухарского хана¹. В своем послании правителям города Абдулла-хан приказывал направить в Сибирь известных проповедников Жарым-сеида и Шербети-шейха, полностью возместить их расходы на поездку и проводить с почетом и уважением, дав в спутники 10 человек из хороших людей.

В Ургенче оказалось немало желающих отправиться в богатую Сибирь вместе со святыми шейхами, так как это давало возможность миссионерам заодно и обогатиться. Жарым-сеид и Шербети-шейх с ахунами, слугами и другими людьми — всего 500 человек — прибыли в Бухару к хану Абдулле, где их приняли с почетом и уважением, напутствовали в дальнюю дорогу. Из Бухары миссионеры уже с караваном в 1000 человек направились в Сибирь. В составе отряда были не только святые люди, проповедники и торговцы, но и воины для охраны каравана и оказания помощи Кучуму в этом благородном деле. По прибытии бухарско-ургенчской миссии к Иртышу сам хан встретил посланцев на левом берегу реки с большим почетом. Кучум сразу приблизил к себе Жарым-сеида и сделал его своим хакимом, т. е. сеиду было оказано большое доверие не только как духовному лицу, но и как администратору. Однако первая духовная миссия из Бухары оказалась малоуспешной. Феодално-родовая знать ханства приняла мусульманскую веру, надеясь на сохранение власти и привилегий, а рядовая масса не желала расставаться со своими языческими идолами и баксы, сопротивлялась введению новой религии, причем немалая часть проповедников была просто-напросто перебита ими. Жарым-сеид через два года скончался в Сибири, а Шербети-шейх вернулся в Ургенч.

В 1574 году Кучум вновь направил посольство в Бухару с письмом, в котором просил Абдулла-хана: "Подле нас нет людей ни для священных повелений, ни для

¹ Зияев Х. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. — Ташкент, 1983, с. 18.

наставления в вере — пусть пришлют еще потомков Сейида и Шейха". По указанию Абдуллы-хана из Ургенча в Сибирь было решено направить племянника покойного Жарым-сеида, уже известного нам Дин-Аул-ходжу для продолжения святого дела своего дяди. В состав миссии был включен и старший брат Кучума султан Ахмет-Керей с отрядом бухарских воинов. Вскоре по приезде новых миссионеров хан Кучум выдал замуж за Дин-Аул-ходжу свою дочь Нал-Ханишу — так ходжа стал одним из влиятельных людей в ханстве. Одни источники сообщают, что по прибытии старшего брата Кучум уступил ему власть в ханстве, другие утверждают, что Ахмет-Керей и Кучум правили совместно¹. Видимо, таково было мнение бухарского двора, который, возможно, больше доверял Ахмет-Керею как более опытному и надежному правителю, получившему соответствующее воспитание в высших кругах Бухары.

Через несколько лет в Сибирь опять прибыл Шербети-шейх с новыми проповедниками, и дело распространения ислама среди коренных жителей края пошло успешнее. Торжество новой религии было ознаменовано установлением культа 300 местных святых шейхов, которые якобы еще задолго до Кучума распространяли в Сибири мусульманство и погибли мученической смертью от рук неверных. Были найдены могилы некоторых из этих канонизированных святых, сооружены пышные мавзолеи, ставшие местом поклонения и паломничества для жителей Сибири. Внедрение в Сибирь ислама позднейшая легенда связала с именем популярного бухарского святого — Бахауддина, основателя наиболее известного суфийского ордена Накшбанди².

После официального введения в ханстве ислама суннитского толка мусульманские проповедники остались жить в Сибири, создав ближайшее окружение и опору хана Кучума. Они принимали активное участие в управлении духовными и государственными делами.

Торговые связи

Сложившаяся вокруг Кучума бухарская колония способствовала и расширению торговых связей Сибири с окрестными народами и государствами, прежде всего со

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 200.

² Бахрушин С. В. Научные труды, т. IV.— М., 1959, с. 201.

Средней Азией. Купцы и торговцы играли теперь немаловажную роль в государстве Кучума, выводя Сибирское ханство на международную арену. Караванные пути из Сибири в Среднюю Азию шли через казахскую степь. Идти приходилось долго, нередко дорога занимала месяц-полтора. Один путь шел из Искера через реку Вагай на юг, до местности Атбас, далее до урочища Шамши-Карагай на реке Есиль, через горы Улытау по реке Сары-су; затем, перевалив через горы Каратау, караваны выходили к Саурану, от него двигались к Туркестану, потом к Сыр-Дарье, оттуда, переправившись через бурную реку, направлялись к местности Торт-кудук и далее через пески выходили к Бухаре¹. Из Бухары дорога вела в Хиву и Ургенч.

Другой путь из Сибири на юг шел вдоль Иртыша, его правого берега, до современного Омска, затем переправа на левый берег и путь через верховья Есиля. Еще одна дорога в Бухару вела из Чимги-Тура через небольшой городок Явлу-Тура, потом к Шубар-кале, где русские позже построили крепость Царево городище (ныне г. Курган), далее караван шел степью до Есиля, после переправы — знакомой Туркестанской дорогой. Таким образом, Сибирь имела давние караванные пути сообщения со Средней Азией, и все они проходили через казахскую степь.

Из Средней Азии в Сибирь везли в основном предметы восточной роскоши: различные шелковые и бумажные ткани, типа бархата и атласа, одежду (халаты, кушаки), обувь и т. п., различные украшения, бухарские, хорасанские ковры, оружие (в частности, знаменитые бухарские луки), гончарную посуду, а также лекарства и многое другое. Среднеазиатские купцы служили и торговыми посредниками между Сибирью и кочевниками казахской степи и ногайских улусов, пригоняя в Искер табуны степных коней, стада овец, верблюдов; привозили из Кашгара предметы китайского производства: например, фарфоровую посуду; при археологических раскопках Искера находили позже и арабские монеты, что говорило и о связях с Ближним Востоком.

Из Сибири вывозили главным образом пушнину — драгоценные меха соболей, лисиц и других зверей; ценились восточными правителями и сибирские охотничьи кречеты, соколы и ястребы. Так, Абдулла-хан неоднократно

¹ Сибирские летописи, с. 342.

но просил Кучума прислать ему хороших охотничьих птиц. Важную роль в торговле Сибири со Средней Азией играл город Сауран на Сырдарье, через который шли караванные дороги в Бухару, Хиву и Самарканд. Интересно отметить, что торговые связи Средней Азии и Сибири не прервались даже и после падения Кучума. Торговые караваны по-прежнему ходили в Сибирь, в кочевья Кучума и его близких, а затем направлялись в русские крепости Тобольск, Тару, Тюмень, шли дальше за Урал. Для среднеазиатских купцов было безразлично, кто у власти в Сибири, — главное заключалось в получении баснословной прибыли и доходов от продажи сибирских богатств. Поэтому бухарский двор был готов пожертвовать и самим Кучумом, если его торговым интересам что-нибудь угрожало. Так оно и вышло позже, когда Ермак захватил Искер: несмотря на просьбы Кучума о военной помощи, бухарский хан Абдулла отказал ему в этом. Среднеазиатское купечество помогло Кучуму захватить сибирский трон, однако оно же и бросило его на произвол судьбы, когда он лишился власти.

Помимо Средней Азии, Сибирское ханство имело торговые сношения с Москвой и Казанью, в Казани были даже специальные “Тюменские ворота”, через которые шла оживленная торговля с Уралом и Сибирью. Казанское купечество, как и среднеазиатское, было заинтересовано прежде всего в сибирских мехах и драгоценных камнях.

Внешняя политика Кучума

При Кучуме в Сибири сложилась многочисленная и влиятельная бухарская колония: проповедники ислама, различные духовные лица — шейхи, сеиды, ахуны, абызы, святые и т. д., — купцы, торговцы, воины, ремесленники, придворные слуги и прочие выходцы из Бухары, Ургенча, Хивы и Саурана. Они помогли Кучуму укрепить его власть, наладить управление государством, вошли в его ближайшее окружение. Поэтому связям с Бухарой Кучум всегда придавал важное значение¹. Присланный Абдулло-ханом проповедник Дин-Аул-ходжа был не про-

¹ История Узбекской ССР (с древнейших времен до наших дней). — Ташкент, 1974, с. 112.

сто духовным лицом, но как бы полномочным представителем и доверенным лицом бухарского хана при дворе Кучума. Не случайно именно за него Кучум выдал свою дочь Нал-Ханишу, ведь Дин-Аул-ходжа не уехал, как другие проповедники, а остался жить в Сибири. Он не раз ездил из Сибири в Бухару и обратно, возил письма и грамоты, был как бы главным дипломатом Кучума, совершая "челночные" визиты на родину и выполняя поручения двух дворов.

Не меньшее внимание хан Кучум уделял и дружественным отношениям с правителями Ногайской Орды, в особенности ее восточной части — Алтыульской Орды, кочевавшей к востоку от Эмбы. На это были направлены и заключенные им династические браки, и тактика торговой политики. Но не всегда взаимоотношения Кучума и ногаев оставались дружескими — случались периоды обоюдных войн и набегов. Даже тогда, когда Кучум бежал из Искера и скитался в степях, он не переставал нападать на ногайские улусы. Посредником в такие периоды выступал бухарский хан Абдулла. Так, когда Кучум захватил землю, принадлежавшую влиятельному ногайскому князю Аулие-мырзе, и между ними разгорелась вражда, Абдулла-хан обратился с посланиями в адрес обоих, призывая прекратить междоусобицу, помириться и совместно выступить против русских, иначе они "вас поодиночке разобьют" и "вас кафири осилют и обесчествуют"¹. Несмотря на всяческие миротворческие усилия Абдулле-хану примирить Кучума и Аулие-мырзу так и не удалось, ногайцы позже отомстили хану убийством, когда он бежал к ним после разгрома казачьими отрядами.

Неровно складывались взаимоотношения между Кучумом и казахскими ханами. Население Ногайской Орды, Сибирского и Казахского ханств было одно — кочевые родственные тюркоязычные племена, только входившие в состав разных государств. Им нечего было делить — широкой степи всем хватало: и аргынам, и кыпчакам, и найманам, и карлукам, и канлы, и жалаирам, и другим племенам и родам. Но власть никак не могли поделить их правители: ханы и султаны, мурзы и беки. После ухода шейбанидов в Среднюю Азию казахские ханы считали себя законными хозяевами степи от Иртыша до Яика и

¹ Зияев Х. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв., с. 21.

Едиля, от Южной Сибири до Сырдарьи. С этим не могли мириться сибирские ханы и ногайские князья, поэтому в степи не прекращалась междоусобная борьба.

Правление Кучума совпало с правлением ханов Хак-Назара (1538—1580 гг.), Шыгая (1580—1582 гг.) и Тауекеля (1586—1598 гг.), заложивших основы могучего Казахского ханства. Ему приходилось считаться со своими воинственными соседями. Вскоре после прихода к власти Кучум ввязался в войну с Хак-Назаром, но безуспешно. В 1570 году он сообщал царскому послу Ивашке Поздеву, что ведет борьбу с казахским ханом, причем Кучум не был уверен в благоприятном для него исходе: "Ныне деи дань собираю Господарю вашему царю и великому князю послов пошлю, а нынеча деи мне война с казацким царем, и одолеет деи меня царь казацкий и сядет на Сибири, ино и тот Господарю дань учнет не давати"¹.

К счастью для Кучума, в 1580 г. Хак-Назар был убит и угроза вторжения казахских войск миновала. На трон взошел престарелый хан Шыгай, который первоначально был вынужден пойти на услужение к бухарскому хану Абдулле. Кучум решил воспользоваться этим обстоятельством и укрепить связи с новым ханом. Видимо, по его подсказке старший брат Кучума Ахмет-Керей взял в жены одну из дочерей Шыгай-хана, тем самым сибирские и казахские ханы породнились, клятвенно пообещав больше не нападать друг на друга.

Однако мир длился недолго. Источники сообщают, что Ахмет-Керей плохо обращался со своей женой, издевался над ней и унижал, несмотря на ее ханское происхождение. Одним словом, совместной жизни у них не получилось, как и в любом браке по расчету. Дочь постоянно жаловалась отцу на свою невыносимую жизнь, и разгневанный Шыгай-хан искал удобный случай отомстить неблагодарному зятю. Он послал своих верных нукеров в Сибирь с тайной целью убить Ахмет-Керея. Те прибыли к Иртышу в окрестностях Искера — на их счастье Ахмет-Керей в это самое время охотился на другой стороне реки. Увидев среди охотников Ахмет-Керея, нукеры закричали ему, что прибыли от Шыгая с письмом и попросили быстрее переправиться в лодке на их берег. Ничего не подозревав-

¹ Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть I.— Оренбург, 1924, с. 137.

ший Ахмет-Керей перебрался через Иртыш без охраны, один, и был сразу же схвачен казахскими джигитами. Попавшего в ловушку брата Кучума на глазах его спутников, оставшихся на той стороне реки, привязали к хвосту лошади и пустили вскачь; сами же шыгаевские нукеры скрылись. Через несколько дней в степи люди хана нашли только разодранное в ключья мертвое тело Ахмет-Керея¹. Кучум, конечно, не простил Шыгай-хану коварное убийство своего брата: вражда между ними еще более обострилась.

Став ханом, Кучум установил добрососедские отношения с Казанью. Хотя Казанское ханство и было уже захвачено Московской Русью, в глазах мусульман Сибири и Поволжья Казань по-прежнему оставалась главным оплотом веры, идейным вдохновителем борьбы за ислам. Поэтому через два-три года после прихода к власти Кучум совершил поездку в Казань, завязал отношения с тамошними сеидами и другими духовными лицами и получил, видимо, от них благословение на священную войну с неверными русскими. Итогом поездки стало бракосочетание Кучума с одной из дочерей последнего казанского хана Мурата.

Кучум пытался также установить тесные связи с крымскими ханами династии Гиреев — также потомками Чингиз-хана, а через них и с султанской Турцией. Крымское ханство в то время являлось главным военно-политическим центром тюрко-мусульманского мира, противостоявшего агрессивной политике Московской Руси, к этому времени сумевшей захватить Казань и Астрахань. Есть сведения, что Кучум просил у крымских ханов и огнестрельное оружие, и пушки для борьбы с русской агрессией². Но из-за дальности расстояний Кучуму не удалось наладить прочных связей с Крымом, заручиться его военной помощью. Однако свои отношения с Москвой он строил, исходя из политики Крыма, поддерживая нападения крымских ханов на Москву.

Взаимоотношения с Москвой

Первостепенное значение во внешней политике Кучума имели взаимоотношения с Москвой. Захват Русью в 1552 году Казани и в 1556 году Астрахани приблизил границы

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 201.

² Назаров В. Д. Зауральская эпопея XVI века.— Вопросы истории, 1969, № 12, с. 109.

Московского государства к Уралу, нависла угроза и над Сибирью. Это вызвало недовольство правителей Крыма и Бухары как двух оплотов исламского мира, выдвинуло перед ними задачу остановить дальнейшее продвижение Руси на Восток. Их надежды по решению этой задачи были связаны с Кучумом.

После прихода к власти Кучум поначалу выжидал, маневрировал, не шел на обострение отношений с Москвой, старался выиграть время для упрочения своих позиций в ханстве. Поэтому он всеми силами стремился сохранить мир, даже обратился с просьбой к ногайскому князю Исмаилу выступить посредником в переговорах с царем Иваном IV. Москва также была заинтересована в сохранении нормальных взаимоотношений с новым сибирским государем, в мире на восточных границах государства, пока шла тяжелая Ливонская война со Швецией и Польшей за выход к Балтийскому морю. В марте 1569 года Иван IV прислал Кучуму грамоту с призывом признать власть Москвы и платить дань, как прежде платил Жадигер.

1569 год был тяжелым для Московского царства. Весной крымский хан Даулет-Гирей, объединившись с турецкими войсками, совершил поход на Астрахань, обстановка на юге складывалась крайне напряженная¹. В этих условиях Иван IV предпочел сохранить мир с Ногайской Ордой и Сибирским ханством.

Трудное внутреннее положение удерживало Кучума от военной помощи Крыму, поэтому он тоже решил пока поддерживать мирные отношения с Москвой. В декабре 1569 года Кучум прислал свою первую грамоту Ивану IV, которая начиналась такими словами: "Бог богат! Вольный человек Кучум-царь, великий Князь — Белый царь". Далее хан предлагал царю помириться, начать переговоры о дружбе, как их отцы и деды, обещал освободить пленных, платить дань, выражал готовность признать Ивана IV "братом старейшим" (но не господином своим), сообщал, что ведет тяжелую войну с Казахским ханством.

Несмотря на свое нелегкое положение, Кучум вел себя с Иваном IV довольно высокомерно, в частности писал ему: "И ныне похощь миру — и мы помиримся, а похощь

¹ Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. — Исторические записки, — М., 1947, т. 22, с. 132—166.

воеватися — и мы воюемся”¹. Тем не менее прислал в Москву двух послов, Таймаса и Айсу, с грамотой, уплатил дань в 1000 соболей и даже обещал принять русское подданство. Посольство должно было подготовить текст присяги Кучума о верности Москве и уплате дани, ее размерах и сроках.

Перелом во взаимоотношениях с Москвой наступил в том же 1571 году. Кучум прислал свою вторую грамоту Ивану IV, которая начиналось такими словами: “Крестьянскому Белому Царю и великому князю всея Руси. Кучум-Богатырь, царь — слово наше”², — что было из ряда вон выходящим, как будто Иван IV являлся его подданным. Однако в Москве были вынуждены, скрепя сердце, смириться с подобным тоном грамоты: весной 1571 года Даулет-Гирей совершил неожиданный набег на Русь и в мае всего за три часа полностью сжег Москву; царь бежал из столицы. Далее Кучум подтверждал свое согласие быть под покровительством Москвы и уплачивать дань в прежнем объеме. Москва осталась довольна таким решением Сибири, было срочно снаряжено посольство к Кучуму с царской грамотой, в коей говорилось: “Сибирские земли начальнику Кучуму-царю милостивое слово”. Царь соглашался принять Сибирь под свое подданство; Москва хотела мирными, дипломатическими средствами присоединить ее к Руси, оградить от проникновения западных стран, поскольку в это время немцы, англичане, голландцы уже начали проявлять повышенный интерес к Сибири и ее богатствам, искать пути сближения с правителями Сибирского ханства. Из Москвы в Сибирь с грамотой, скрепленной золотой царской печатью, выехал посол Третьяк Чубуков.

Однако обстановка и планы Кучума изменились. Его послы, вернувшись из Москвы, сообщили о разорении русской столицы, бегстве царя, тяжелых поражениях и потерях в Ливонской войне, усилении агрессивности крымских татар, за спиной которых стояла Турция. Все это было в интересах Кучума, не желавшего усиления позиций Руси на Урале и в Сибири, искавшего повод освободиться от унижительной зависимости. К этому времени Кучум окончательно укрепил свое положение в ханстве, сломив сопротивление местной знати. Внутренняя и внеш-

¹ Небольсин П. Покорение Сибири. с. 39.

² Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 41.

ная обстановка благоприятствовали разрыву вассальных отношений с Москвой, и хан решил этим воспользоваться. Царский посол Третьяк Чубуков был убит, его посольство разграблено, грамота разорвана. Так началось открытое противостояние Сибири и Москвы.

Вначале Кучум стал подстрекать зависимых от Москвы черемисов, остяков и вогулов не платить дань, нападать на уральские городки Строгановых, толкать их на открытые вооруженные выступления. И это ему удалось. В 1572 году начался бунт черемисов против русского господства — они разгромили русские городки по рекам Кама и Чусовая.

Летом 1573 года Кучум перешел к открытым враждебным действиям против Москвы. Вооруженные отряды сибирских князей стали собираться у границ и в июле под командованием ханского племянника военачальника Мухаммед-кула вторглись в Зауралье, во владения купцов и промышленников Строгановых. Отряды Мухаммед-кула дошли до Перми, разграбили строгановские поселения по Чусовой и захватили много пленных. Кучум запретил московским данникам платить ясак в царскую казну; часть взрослого населения остяков и вогулов была привлечена в военные отряды хана. Начались набеги в Зауралье и других сибирских князей, зависимых от Кучума¹.

Затем в течение семи лет Кучум не совершал походов на Урал — наступило непрочное перемирие. Одной из причин этого, видимо, являлось поражение крымского хана Даулет-Гирея, которое он понес под Москвой летом 1572 года. Во всяком случае, на границах Сибири временно воцарилась тишина. С 1580 года вновь начались набеги зависимых от Кучума местных князей в Зауралье. Вогульский мурза Бегбелий Актаев разграбил русские селения по реке Чусовой. В 1581 году князь Кихек захватил и сжег Соликамск, разорил в Прикамье слободы и деревни, увел пленников. В том же году пелымский князь Аблай-Керей неожиданно напал на Пермь, а в 1582 году сын Кучума Али совершил длительный поход в Зауралье, во владения Строгановых.

Таким образом, хан Кучум полностью ликвидировал вассальные отношения Сибирского ханства с Москвой и стал суверенным и независимым государем Сибири. По-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. т. I, прил., с. 339; Сибирские летописи, с. 8.

пытки Руси мирными путями добиться прежней власти потерпели провал. Приближалась кровавая развязка.

Армия хана Кучума

Опорой суверенитету Сибири, ее независимости должны были стать собственные мощные и боеспособные вооруженные силы. И это хорошо понимал Кучум. После войны с тайбугинцами в 1563 году и взятия власти в Сибири сам Кучум в походы больше не ходил, оставив военное поприще. Государственными делами занимался главный ханский визирь Карача, духовными — бухарские шейхи и сеиды во главе с Дин-Аул-ходжой, а военные дела хан поручил своему сыну Али и любимому племяннику Мухаммед-кулу. Тем не менее Кучум уделял особое внимание укреплению своего государства.

Как уже говорилось, столица Искер со всех сторон прикрывалась целой системой городков и крепостей улусных мурз и беков. Но поскольку за всю историю Сибирского ханства до похода Ермака не было вторжений врага на его территорию, крепости эти были слабы в военном отношении, могли выдержать осаду кочевников, однако вряд ли могли противостоять сильному противнику. Что и показало позднейшее: почти все городки и укрепления ханства пали под натиском казаков.

Армия Кучума состояла как бы из двух частей. В ядро ее вошли собственно ханское войско, конница ногайской гвардии, бухарцы, огланы во главе с Мухаммед-кулом, есаулы, ханские слуги — все хорошо вооруженные и обученные, дисциплинированные, стойкие в бою. Но оно было сравнительно немногочисленным. Большую часть армии составляло феодальное ополчение улусных князей, мурз и беков. Сюда входили легковооруженные воины-кочевники во главе со своими племенными и родовыми вождями и батырами, отряды остяков и вогулов под началом князей с низкой воинской подготовкой и дисциплиной. Ненадежность этого войска проявилась позже при отражении нашествия Ермака¹.

¹ Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья.— Новосибирск, 1987, с. 110, 124.

Общая численность воинов Кучума при полной мобилизации всего населения достигала 10—15 тыс. человек. Эта армия могла успешно воевать с отрядами кочевников в степных условиях, нападать на мирных жителей, но, слабо организованная, пренебрегающая дисциплиной, она не могла противостоять немногочисленному, однако более сплоченному и лучше вооруженному противнику.

Основными тактическими приемами армии Кучума, как и у всех кочевников, являлись стремительная атака на открытом пространстве и в рассыпном строю, массовое поражение врага стрелами, охват с флангов, притворное отступление¹. Но ханские воины плохо сражались на ограниченном пространстве, в пешем строю и в рукопашном бою, где конница теряла свои преимущества, а численное превосходство не имело большого значения. Кочевники были храбрыми и мужественными на поле брани, об этом говорит, например, тот факт, что в сибирских боях погибла большая часть отряда Ермака (из 600 казаков уцелело примерно около 100 человек), были убиты сам Ермак и пять главных его атаманов.

Воины Кучума, особенно ханское войско, были хорошо вооружены всеми видами холодного оружия, традиционно для кочевников: саблями, мечами, луками со стрелами, копьями, кинжалами, шокпарами, боевыми топорами-айбалта и пр. Неплохо у Кучума было налажено производство такого вооружения. Хорошо поставленная металлообработка позволяла самим изготавливать необходимое, включая также и кольчуги, панцири, щиты, племени. Оружие производилось в мастерских в самом Искере, в городке Карачи и в местности Абалак; там же находились и ханские арсеналы.

Самым серьезным недостатком армии Кучума было отсутствие у воинского состава огнестрельного оружия. В 1577 году Кучум обращался к крымскому хану с просьбой прислать пушки и другое вооружение для борьбы с русскими отрядами, однако неизвестно, получил ли он его. Впрочем, у Кучума были две железные пушки, как они к нему попали — неясно. Но то ли пушки были неисправны, то ли с ними не умели обращаться, только в борьбе

¹ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986, с. 225, 226.

с казаками Ермака они не помогли и их просто сбросили за ненадобностью в Иртыш, когда Ермак предпринял штурм.

Конечно, сибирские воины были уже знакомы с огнестрельным оружием, но не знали, как от него защититься. Захваченный Ермаком в плен и затем отпущенный воин Кутугай рассказывал Кучуму: "Когда из луков своих стреляют, тогда пышет огонь и дым бывает великий и так стучит, как гром на небе, и ничем защититься нельзя: ни панцыри, ни кольчуги, ни щиты наши не выдерживают"¹. Преимуществом Ермака поэтому в первую очередь было наличие огнестрельного оружия и его массовое применение в боях, что давало огромный перевес над конным и пешим ополчением Кучума.

В целом, нужно признать относительную военную слабость Сибирского ханства. Наступательные возможности армии Кучума преобладали над оборонительными; привыкшие сами нападать на врага полководцы и воины хана не сумели должным образом организовать оборону городков и крепостей. На равных с казаками Ермака могли сражаться только воины-тюрки, но и они не в силах были решить исход войны в свою пользу. Наступавшие толпой, без должного порядка и организованности вогулы и остяки бросались в паническое бегство при первых же залпах пушек и пищалей. Военную мощь Кучума подрывали и межродовые распри, взаимная борьба улусных князей и беков, случаи измены и предательства близких.

Хан Кучум был энергичным и честолюбивым человеком, воинственным и властным правителем, стремившимся в Сибири создать централизованное и сильное ханство, сплоченное единой верой, армией, волей одного хана. И это ему в значительной мере удалось. При нем Сибирское ханство достигло кратковременного могущества и подъема, расцвета экономики, культуры и торговли, международного признания. Но удержать обширную Сибирь с разнообразным населением только с помощью военной силы было, конечно, невозможно. Все кочевые и полукочевые государства Дешт-и-Кыпчака существовали относительно недолго и распадались после первых же неудачных войн и внутренних междоусобиц. Более стабильным оказалось

¹ Сибирские летописи, с. 321.

только Казахское ханство, сумевшее удержать в рамках единого государства этнически близкие племенные и родовые группы на естественной территории Великой Степи, в зоне ее центра — Сарыарки.

Глава III

КУЧУМ И ЕРМАК: ПОБЕДЫ ОДНОГО И ПОРАЖЕНИЯ ДРУГОГО

О хане Кучуме мы выяснили почти все, что доступно нам из имеющейся исторической литературы и документальных источников. Перейдем теперь к его противнику Ермаку. Оба они, и чингизид Кучум, и казак Ермак, словно родные братья-близнецы, остались в памяти народа, и история одного из них будет неполной без судьбы другого.

Странно, точно по чьему-то заказу, складывается порой история: и о Ермаке мы знаем не так много — не больше, чем о Кучуме. Его биография, жизнь до завоевания Сибири, обстоятельства гибели и погребения содержат немало тайн. Историки прошлого и настоящего все еще ломают голову над многими загадками жизни и смерти не только Кучума, но и его противника.

Но вначале остановимся на предыстории похода Ермака в Сибирь; как получилось, что, по определению Н. М. Карамзина, «малочисленная шайка бродяг, подвижных грубой алчностью к корысти и благородной любовью к славе, приобрела новое Царство для России, открыла второй новый мир для Европы...»¹.

Сибирь не была для Руси, русских людей землей неизвестной. Новгородцы, например, торговали с угорскими племенами уже в XI в. Их неудержимо звали на восток — за Урал, в Сибирь — сокровища новой земли, морские промыслы и пушные богатства. И даже образование в Западной Сибири вначале Тюменского, а затем и Сибирского ханств не остановило этого движения. В 1465, 1472, 1483 годах русские воеводы не раз отправлялись в Приуралье и Зауралье

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IX, гл. VI, с. 217—218.

для сбора дани, заходили в глубь страны. Так, в 1483 году воевода Федор Курбский с отрядом воинских людей дошел до Тобола, Иртыша и Оби: его экспедиция длилась несколько месяцев¹. Однако это были эпизодические походы. Прошло еще 100 лет, прежде чем русские казаки и крестьяне вплотную подступили к границам Сибири, основали свои поселения на Урале, нижней Волге и Яике. Лишь после этого появились объективные возможности для захвата, колонизации и хозяйственного освоения сибирских земель. Например, в 1567 году по повелению царя Ивана Грозного ходили за Урал, в Сибирь казачьи атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев с грамотами к государям тех мест. Они добрались даже до Пекина и благополучно вернулись обратно.

После утверждения на сибирском троне хана Кучума начинается соперничество за власть в регионе между ним и Москвой. С 1572 года, как уже говорилось, Кучум переходит к открытым враждебным действиям. В июле 1573 года Мухаммед-кул с войском прошел через Уральские горы до реки Чусовая и опустошил всю округу. Кучум ставил далеко идущие цели: пользуясь занятостью Руси войной в Ливонии, военной слабостью в Приуралье, он хотел покончить с русским влиянием повсюду — от южного Урала и до низовьев Оби у океана. Войска хана и зависимых от него князьков постепенно прибирали к рукам местные племена, которые ориентировались на Русь и платили ей дань.

Начиная с 1574—1575 гг. известные пермские солепромышленники Строгановы (по преданию, их далекий предок был выходцем из Золотой Орды) стали активно готовиться к завоеванию Сибири, и поход Мухаммед-кула явился удобным предлогом для этого. Глава торгового дома Семен Строганов и его племянники Максим и Никита обратились к царю за разрешением идти в Зауралье, строить там городки для защиты от набегов Кучума. Московское правительство одобрило план Строгановых и фактически разрешило им начать войну с Сибирским ханством². 30 мая 1574 года царь Иван IV пожаловал Строгановым грамоту о том, что они могут идти за Урал, строить укрепления на Тоболе и вести войну с Кучумом для освобождения данников России, а также заниматься

¹ История Сибири, с. 95.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака.— Новосибирск, 1986, с. 102.

торговлей с Казахской степью и Бухарой. Для этого царь позволил создать крепости на Иртыше и Оби, держать там воинские гарнизоны с "огненным боем". С точки зрения международных отношений того времени это фактически означало завоевание суверенного Сибирского ханства, т. е. неприкрытую агрессию против соседнего государства, пусть даже и враждебного, но независимого и самостоятельного. Кучум, естественно, таких захватнических целей в отношении России не ставил, а стремился не допустить дальнейшего проникновения русских за Урал, в его собственные земли, поступая в соответствии с практикой того времени.

Иван Грозный, разрешая Строгановым присоединение новой территории, предложил ориентироваться на собственные воинские силы и средства, набирать добровольцев для похода из казаков, местных народов всех, кто пожелает идти в Сибирь. В грамоте царь писал: "А на сибирского Якову и Григорию збирая охочих людей, и остяков, и вогулич, и югрич, и самоеды, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевать, и в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити"¹.

В 1572 году купцы Строгановы имели в своем распоряжении, помимо вотчинных отрядов, вооруженных артиллерией, тысячу волжских казаков с пищальями, но тем не менее они не решились сразу же осуществить планы завоевания Сибири, так как наличных сил для такой грандиозной военной экспедиции было маловато. По некоторым данным, в 1572 или 1574—1575 годах царь Иван Грозный присылал в Сибирь полкового воеводу князя Афанасия Лыченицына с ратными людьми для разведки обстановки и войны с Кучумом. Однако поход этот оказался крайне неудачным. Отряд воеводы был наголову разбит кучумовыми войсками, а все снаряжение: пушки, ядра, порох, свинец, пищали — было захвачено противником. Многие ратники погибли и попали в плен, и только некоторые сумели спастись, бежав через горы обратно в русские земли².

Напуганные таким оборотом событий, Строгановы и не помышляли о завоевании Сибири, а больше думали об обороне, о том, как уберечься от набегов воинственного

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, прил., с. 339—340.

² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972, с. 23.

хана, одно имя которого наводило ужас на жителей зауральских владений.

Ясно было, что для длительного похода и покорения громадной территории нужны немалые воинские силы, причем опытные, хорошо обученные и вооруженные, т. е. беспощадные профессиональные наемники, воюющие за плату, не боящиеся трудностей возможной длительной и кровопролитной борьбы.

Для такой роли как нельзя лучше подходили вольные донские, волжские, яицкие и другие казаки, для которых война, набеги, грабежи были привычным, профессиональным занятием, средством для существования.

О невиданной жестокости и алчности казаков ходили легенды, которые, впрочем, опирались на реальные факты. Например, летом 1580 года отряд яицких казаков внезапным набегом захватил столицу Ногайской Орды город Сарайчик на Яике. Казаки подвергли город беспощадному разгрому и грабежу, перебили ни в чем не повинное мирное население, захватили богатую добычу. Ногайский князь Урус пожаловался царю на казаков, упомянув, что в поисках сокровищ они даже пошли на такое неслыханное злодейство, как осквернение могил умерших. Сарайчик был знаменит своим древним великолепным кладбищем, где были захоронены многие выдающиеся люди эпохи Золотой Орды, Ногайской Орды, Казахского ханства (там находился, в частности, мавзолей казахского хана Касыма, жившего в конце XV — начале XVI вв.). Н. М. Карамзин подтверждает факт захвата города казаками и сообщает, что они "не оставили камня на камне и вышли с знатною добычей, раскопав самые могилы, обнажив мертвых"¹.

В ответ на жалобу Уруса московские власти сообщили, что "воровать на Сарайчик приходили беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке, на море, на Яике, и на Волге, казаки донские, пришед с Дона, своровали..."². Но, впрочем, источники упоминают, что нападение казаков на Сарайчик было произведено по подсказке самих царских властей, которые таким образом хотели напугать ногайцев, держать их в покорности. Последствием разбоя стал уход ногайских племен из района Сарайчика ближе к устью Яика и в сторону Хивы, подальше от казачьих отрядов.

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. кн. III, т. IX, гл. VI, с. 224.

² Скрынников Р. Г. Указ. соч., с. 141.

Вот к этим самым вольным казакам решили обратиться за военной помощью Строгановы для реализации своих планов покорения Сибирского ханства.

Так кто же такие казаки? Попробуем вкратце ответить на этот вопрос, опираясь на доступные исторические сведения и исследования. В. В. Бартольд писал, что слово “казак” тюркского происхождения и означает “разбойник”, “мятежник”, “авантюрист”, хотя достоверного этимологического объяснения этого термина нет. Казаками также считали часть народа, отделившуюся от своего государя или соплеменников. Впервые термин “казак” появился в источниках XV века. В России он стал применяться в эпоху владычества татаро-монгол, был заимствован из тюркского языка и первоначально употреблялся во многих значениях, например, казаком считали человека “без семьи и имущества”, и только потом в военном смысле¹.

Дореволюционная военная энциклопедия также писала, что слово “казак” не русского происхождения, а, вероятно, тюрко-татарского, и значит “вольный”, “свободный”. Русские люди, бежавшие от своих помещиков, искавшие в южных степях свободы и простора, мешались с остатками живших здесь племен, татарами, и образовывали военные товарищества — общины².

Авторитетная энциклопедия Брокгауза и Эфрона утверждает: “Казачество — одно из оригинальных и крупных явлений исторической жизни двух главных племен русского народа: велико и малороссов... Казацкие общины долго имели серьезное значение в общем ходе истории народа, являясь защитниками и колонизаторами границ...” Далее энциклопедия сообщает, что слово “казак” татарского происхождения (т. е. тюркского) и татарские казаки в смысле вольных, не подчинявшихся ханской власти военных отрядов, известны раньше казаков русских. Так, уже в XV в. упоминаются казаки азовские, перекопские, аккерманские. И это породило аналогичное явление и в русском быту³.

Представители русской дореволюционной буржуазной историографии видели в казаках носителей смуты, анархии, беспорядка, противостоящих государственному началу в ус-

¹ Бартольд В. В. Сочинения, т. 5, с. 535.

² Энциклопедия военных и морских наук, т. IV, вып. I.— Спб., 1889, с. 58.

³ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона, т. 26, с. 882—894; т. 30, с. 581—591.

тройстве общества. С. М. Соловьев, например, писал, что казаки были "людьми безземельными, бродячими", жили за счет чужого труда, грабежа, походов и набегов¹.

Едва в начале XV века некогда величественная и единая Золотая Орда стала терять свое могущество и начала распадаться на ряд враждовавших между собой орд, улусов и ханств, усилился поток русских крестьян, бежавших от жестокого феодального гнета за пределы государства, в "Дикое поле" (так называли русские люди степь между Волгой, Доном и Днестром). Вольные степи манили их обилием свободных земель и угодий, богатыми рыбными и звериными промыслами, а также возможностью жить за счет войн и грабежа окрестных народов.

В то время могучие и бескрайние просторы степей были настоящей целиной, покрытой роскошным убором трав. Всадник полностью скрывался в этой траве, утопал в ней как в зеленом море. Под напором ветра степь струилась как живая с волнами ковыля. Вдоль рек росли дремучие, непроходимые леса, где скрывались хищные звери: медведи, барсы, рыси. В степи бродили стада непуганых зверей: проносились могучие тарпаны — дикие лошади, быстроногие и пугливые сайгаки, дикие козы, зайцы, лисицы, волки; реки и озера были заполнены разной птицей, не боявшейся человека. В этом диком степном раздолье искали спасения разные люди, бежавшие от нищеты, войн, от своих и чужих угнетателей.

Волна за волной сменяли население этой степи разноразличные племена и народы: скифы и сарматы, хазары, затем появились кочевые племена печенегов, кыпчаков (половцев по-русски), их вытеснили монголо-татары, а после крушения Золотой Орды в этих краях появились казаки.

Смелые, мужественные, закаленные люди приходили в степь с разных сторон искать счастья и привольной жизни. Они встречались тут с коренными жителями, соединялись, мешались с ними, в результате чего и было положено начало донскому казачеству. Переродившись со степняками, пришельцы и видом своим стали сильно отличаться от русских людей: черноволосые, черноглазые, с кривыми ногами и острыми глазами, с речью, в которой преобладали тюркские, а не русские слова. Так как местные

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1989, с. 380.

племена были кочевыми, то и первые казаки заимствовали их образ жизни, стали полукочевниками, обзавелись лошадьми, луком и стрелами, а позже и ружьями. Выбирали себе атаманов и ходили в широкую степь за добычей в неизведанные края. Многие они переняли от тюрков-кочевников: ловкость, смелость, умение обращаться с конем, скрываться в густой траве, "читать" следы в степи, ориентироваться по звездам, переправляться с конем через широкие реки, — и даже превзошли в этом своих учителей, ставших затем врагами.

Первоначально число русских переселенцев в южных степях было невелико, и они в основном присоединялись к аулам кочевников, таких же беглецов, оставших от своего рода и называвших себя "казаками", т. е. вольными, свободными людьми. Те охотно принимали в свои ряды пришельцев с севера, из Руси, как, впрочем, и отовсюду: с Кавказа, из Крыма, Польши, Украины, Литвы и других краев. Совместная жизнь, общая для всех угроза постоянных нападений врагов сплачивала их, вела к созданию своеобразных смешанных тюрко-славянских общин казаков.

На первых порах становления казачества в его среде преобладали выходцы из тюркской общины: ногайцы, крымские татары и пр. В 1538 году московские послы в Ногайской Орде отметили, что "на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные... а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят"¹. Поэтому прав дагестанский ученый-историк М.Аджиев, утверждающий, что в своей основе казаки — это вначале люди тюркского, т. е. половецкого, или кыпчакского происхождения, в т. ч. и кумыкского, — древние кочевники степи до эпохи Золотой Орды, которые затем постепенно, на протяжении веков, в результате смешения со славянами, превратились в русских казаков². Не все ученые принимают его точку зрения, но рациональное зерно в его рассуждениях, бесспорно, есть. Например, одним из первых известных атаманов донских казаков был некий Сары-Азман, чье имя говорит о его, безусловно, тюркском происхождении.

Но постепенно приток с севера усиливался и русские стали численно преобладать среди казаков — донских, волжских, терских, днепровских и других. Они стали все

¹ Скрынников Р. Г. Указ. соч., с. 117.

² Аджиев М. Не растерявшие себя. — Независимая газета, 1992, 10 января; Потомки половецкого народа. — Там же, 20 марта; Вокруг света, 1992, № 4—6, с. 46—53.

больше беспокоить окрестные народы и государства своими непрерывными войнами, набегами и грабежами. Турецкий султан, персидский шах, крымский хан и ногайские князья неоднократно жаловались русским царям на нападения казаков. Москва отвечала, что эта вольница им не подчиняется, также грабит и царских послов, купцов, торговцев, служилых людей и что с нею нужно поступать как с людьми воровскими. Тем не менее царские власти не раз использовали казаков для достижения своих военных и дипломатических целей и задач, как в случае с нападением яицких казаков на Сарайчик летом 1580 года.

Все это дало основание, например, Н. М. Карамзину сделать следующий “горделивый” вывод о деяниях казаков: “От Азова до Искера гремела слава их удалства, раздражая Султана, грозя Хану, смиряя Ногаев, утверждая власть Московских Венценосцев над севером Азии”¹.

Во второй половине XVI века особенно участились грабежи на Волге — главной торговой артерии государства после захвата Казани и Астрахани². Волга притягивала к себе жадные взоры казаков с Днепра, Дона, Терека и Яика богатыми купеческими караванами, прибрежными городами, возможностью поживиться добычей с берегов Персии и Азербайджана.

Одним из самых известных казачьих атаманов на Волге и Оке в то время был некий Ермак. Вот к этому самому Ермаку и решили обратиться Строгановы за помощью, призвать к себе на службу его казаков для последующего использования в завоевании Сибирского ханства Кучума. То ли по подсказке, то ли по прямому поручению московского правительства в апреле 1582 года прибыл на Волгу к казакам посланец от Строгановых с предложением поступить на службу к богатым купцам. Скорее всего правительство хотело разом убить двух зайцев: избавиться на Волге от шаек казаков и использовать их в Сибири против Кучума. И этот план удался.

На казачьем кругу, при впадении реки Самары в Волгу обсуждался вопрос — идти или не идти казакам к купцам Строгановым на службу. Строгановская летопись так передает атмосферу бурного обсуждения казачеством

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. т. X, гл. I, с. 43.

² Между прочим, в сказаниях донских казаков утверждается, что Ермак будто бы участвовал в захвате Казани.— См.: Тумилевич Г. И. Донские предания о взятии Ермаком Казани.— В кн.: Филологические этюды.— Ростов, 1972, с. 137—149.

этого предложения: "И собрався на устье матки Самары реки, на крутом на красном берегу, на желтом на сыпучем на песочку, не ратная труба протрубила, говорил атаман Ермак Тимофеевич: "О, есте, братцы атаманы и казаки донские, яицкие, волжские и терские, думайте думу, братцы, с цела ума, чтоб на не продуматца: на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону нам жить — казаками слыть, а на Яик итти — переход велик, а се добычи нет... И мы только ныне не поидем таким честным людям на поможание, и они на нас станут писать к Москве непослушание государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа России, и государь на нас раскручинитца, велит нас переимать и по городам разослать и по темницам росхажать, а меня, Ермака, велит государь царь повесить: потому что большому человеку большая и честь бывает. А только мы государю царю вину принесем, а таких честных людей послушаем и к ним на споможание поидем, и они об нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю... и государь царь до нас умилилтца и отдаст нам пеню великую вину"¹.

По существу, перед казаками стояла альтернатива: или идти на службу к Строгановым и тем самым заслужить себе прощение за все прошлые грехи, или оставаться на Волге, продолжать заниматься грабежом царских и купеческих караванов и рано или поздно попасться в руки царских отрядов и погибнуть. Сам Ермак, как видно из его аргументированной речи, склонялся к тому, чтобы принять предложение купцов и пойти на Урал. Большинство казаков во главе со своим атаманом решили все-таки отправиться в дальние края, к Строгановым, заслужить себе и царское прощение, и славу новую. Немаловажное значение в этом решении сыграло обещание купцов взять казаков на довольствие, т. е. обеспечить едой, обмундированием и оружием за верную службу.

Погодинская летопись сообщает, что перед уходом к Строгановым Ермак с казаками обитал на Яике при впадении в него реки Илек, на острове Кош-Яик, в казачьем Голубом городище. Согласно этой летописи, Ермак с Яика вышел к реке Ирғиз — левому притоку Волги, затем по Ирғизу добрался до Волги, по ней поднялся до Камы, а оттуда до городков Строгановых на реке Чусовой².

¹ Сибирские летописи, с. 55—56.

² Сибирские летописи, с. 276.

Купцы встретили их гостеприимно, устроили изобильный пир, не скупясь на угощения и обещания в обмен на верную службу. Так у Строгановых появились вольные казаки во главе с атаманом Ермаком. Рассказывают, что Ермак якобы даже женился на одной из внучек купца Аники Строганова. По большинству источников Ермак вообще не имел семьи.

"Родом неизвестный, душой знаменитый"?

Так назвала Ермака одна из сибирских летописей. Родом он точно был неизвестен, а вот насчет души его необходимо разобраться, действительно ли он был таким, каким его изображала российская буржуазная историография и изображает нынешняя: великодушным, мужественным патриотом родной земли, отдавшим жизнь за интересы русского народа, — или образ Ермака все-таки несколько другой. Ермак мифический и Ермак реальный — это два совершенно разных портрета.

Вообще в истории похода Ермака в Сибирь многое спорно и неясно. Кто он — Ермак, когда прибыл на службу к Строгановым, сколько времени находился у них, когда начался его поход и сколько времени он длился, какова была численность его отряда — все это вызывало и продолжает вызывать дискуссии среди ученых краеведов, писателей—"ермаковедов".

Прежде всего о самом атамане. Сведения о нем крайне скупы и противоречивы. Вызывают споры два основных вопроса: биография Ермака и оценка завоевания им Сибири.

Не сохранились документальные данные о месте и времени рождения Ермака. Ремезовская летопись сообщает, что родился он в 1550 году¹. Достоверно известно, что до похода в Сибирь он около 20 лет "полевал" в степи, т. е. вел обычную жизнь казака на Волге и Дону: воевал, ходил в походы, грабил купцов, в составе русских войск участвовал в войнах с поляками, шведами. Таким образом, получается, что Ермак чуть ли не с малых лет "казаковал", приобщился к воровскому ремеслу и всю свою сознательную жизнь занимался этим, поскольку не знал ничего другого. После смерти Ермака многие русские волости и деревни, казачьи станицы и городки, естественно, стали оспаривать честь считаться его родиной.

¹ Сибирские летописи, с. 367.

Многие сведения из родословной Ермака носили сказочный, фантастический характер, были вымышлены от начала до конца. Есиповская летопись передает, например, целое сказание о происхождении Ермака, якобы написанное им самим, о том, что он из рода суздальских посадских людей, зовут его Василий Тимофеевич Аленин, а Ермак его прозвище, данное ему казаками¹. Утверждение, что Ермак собственноручно написал свою родословную, звучит более чем сомнительно. В это время даже не все родовитые бояре имели родословные книги. А неграмотному и вольному казаку на Волге подробная генеалогия и вовсе была ни к чему. Ученые считают, что многие мифы о Ермаке были сочинены по заказу купцов Строгановых для собственного прославления и поэтому не заслуживают большого доверия².

Ермак — христианское это имя или прозвище? Историки приписывают атаману около десятка различных имен: Ермак, Ермолай, Ермил, Герман, Василий, Тимофей, Еремей и др. Но наречение Ермаком христианская церковь не практиковала. Многие считают, что атамана звали на самом деле Ермолаем, а для краткости — просто Ермаком.

Скорее всего, Ермак — не имя, данное ему от рождения, а прозвище, которое дали ему такие же, как и он сам, вольные казаки. По В. Далю “ермак” — это “малый жернов для ручных крестьянских мельниц”. По другой версии “ермак” означает артельный котел, или “таган” по-тюркски. Якобы после набегов Ермак как атаман всю добычу складывал в общий котел и затем делил между казаками. Отсюда будто бы и пошло его прозвище “таган”, которое затем трансформировалось в имевшее хождение в русском языке слово “ермак”³.

Хотя имя или прозвище Ермак довольно редкое и необычное, оно уже встречалось на Руси в то время. Даже среди людей Строгановых в их пермских владениях в те годы жили два человека с таким именем — Ермак Морок и Ермак Езовщик⁴. А известный историк Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаев, хорошо знавший документы

¹ Сибирские летописи, с. 305—306.

² Скрынников Р. Г. Указ. соч., с. 172—173.

³ Бузукашвили М. И. Ермак, с. 4—5.

⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в., с. 43; Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. — М., 1962, с. 89.

раннего периода завоевания края, считал, что в тот период одновременно действовали три атамана-тезки — Ермаки¹.

По летописным сведениям, Ермака в обиходе называли также и “токмаком”, словом явно тюркского происхождения: “токмачить” означало примерно “толочь”, “толкать”, “бить”, “колотить”. Такое прозвище могли дать человеку громадной физической силы, а Ермак и был таким, поэтому его и выбрали атаманом.

Прижизненных изображений Ермака не сохранилось, и вполне возможно, что их вообще не было. Казачьему атаману ни к чему было увековечивать свое изображение, да к тому же искусство портретной живописи на Руси в то время было еще не развито. А после завоевания Сибири, когда Ермак стал знаменитой личностью, он постоянно, до самой своей гибели, находился там, на завоеванной территории, и у него не было возможности заботиться о своих портретах, да и некому было запечатлеть его для потомков². Первые изображения Ермака на иконах и картинах появились лишь через сто лет после завоевания Сибири. Два таких портрета приведены в книге Д. И. Копылова³.

Наиболее близок к реальному Ермаку, считают ученые, портрет его, вернее описание внешности атамана, данное известным историком и географом С. У. Ремезовым со слов сподвижников Ермака: “вельми мужествен, и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и волосы прикурдяв, возраст средней, и плоск и плечист”⁴. Разумеется, казаки Ермака дали ему самые возвышенные и поэтические оценки, показав его как былинного богатыря. Не случайно в народных преданиях Ермака стали называть младшим братом знаменитого героя русских былин Ильи Муромца.

После публикации известной статьи А. И. Солженицына “Как нам обустроить Россию?” и разгоревшейся затем полемики вокруг нее, интерес к личности Ермака стали проявлять и казахстанские ученые. Появились об-

¹ Катанасев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии, вып. I.— СПб., 1909, с. 33.

² Колесников А. Д. Ермак.— Омск, 1983, с. 56.

³ Копылов Д. И. Ермак.— Свердловск, 1974.

⁴ Сибирские летописи, с. 344.

стоятельные материалы академика М. К. Козыбаева¹, и ученого краеведа С. Жаксыбаева², писателей и публицистов.

Я разделяю мнение академика М. К. Козыбаева о том, что Ермак вполне мог быть выходцем из какого-то тюркского племени, сбежавшим от наказания за тяжелое преступление подальше от родных мест и ставшего личностью отверженной. Мы уже говорили, что на начальном этапе становления казачества в нем преобладал тюркский элемент, так как тюркские кочевники в это время еще господствовали в южных степях. Не случайно первыми атаманами смешанных казачьих общин были представители местных племен. Русские беглецы в степи подчинялись на первых порах тюркским вождям. Уже упоминалось, что одним из первых атаманов донских казаков был некий Сары-Азман, человек, может быть, ногайского происхождения. Вообще, настоящими природными казаками по неписанной традиции считались те, в крови которых имелась примесь крови местных народов — крымских татар, ногайцев, турок, кавказцев и прочих. Такие казаки были наиболее авторитетными, так как знали язык, обычаи, традиции местных народов, умели общаться с ними. Их чаще всего и выбирали атаманами.

Например, документально установлено, что матерью знаменитого вождя крестьянского восстания XVII века Степана Разина была турчанка, захваченная в плен его отцом во время похода в Турцию. Не случайно турки называли С. Разина "тума", т. е. родственник, и явно симпатизировали ему. Есть сведения, что матерью другого известного лидера крестьянского бунта XVIII века Емельяна Пугачева также была турчанка. Да и позже подобное было нередким. Например, матерью одного из предводителей белого движения в период гражданской войны генерала Л. Г. Корнилова, родившегося в Каркаралинске, была крещеная казашка³.

На возможное тюркское или смешанное тюрко-славянское происхождение Ермака указывает и описание его внешности, где говорится, что он плосколиц, чернобород,

¹ Козыбаев М. К. Ермак: аңыз және ақиқат. — Казак әдебиеті, 1989, № 43—47; Истина и мифы. — Казахстанская правда, 1990, 26—28 июля.

² Жаксыбаев С. Тағы да Ермак хақында. — Егеменді Қазақстан, 1991, 26 қазан; Былал ли Ермак в павлодарском Прииртышье? — Казахстанская правда, 1992, 13 февраля.

³ Казак әдебиеті, 1991, 15 ноябрь.

телом коренаст, то есть явно степного вида. Ему вторит и описание, данное Н. М. Карамзиным: "Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, бороду черную, волосы темные, кудрявые..."¹. Да и в казачьем отряде Ермака было немало самого разного беглого сброда: русских, татар, литвы, немцев, ногайцев, украинцев, поляков, других людей без рода и племени, промышлявших на Волге, Дону, Яике и других местах грабежами, разбоем, убийствами послов и купцов, за что заочно царь приговорил их к смерти. Это были наемники своего времени, готовые за плату и пищу воевать где угодно и с кем угодно.

Лишь значительно позже, после покорения Сибири и присоединения ее к России, народная молва, церковь и официальная историография возвели их в ранг мучеников, погибших якобы за веру и родную землю, прославили как легендарных и романтических богатырей, защитников святой Руси. Вот с такими захватчиками предстояло биться хану Кучуму и его войнам, защищая Сибирь от непрошенных гостей.

Прав Н. М. Карамзин, утверждающий, что "завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеваниями Мексики и Перу", а атаман Ермак — это "Российский Пизарро"². П. И. Небольсин, хотя и восхищался подвигами Ермака и казаков, все же был вынужден отметить, что "высоких помыслов не могли разделять все пятьсот его товарищей: казачество, набеги, грабежи — были их стихиями. Не с чистыми целями товарищи его пошли в Сибирь, безчестно хотели бежать оттуда от Кучума, безчестно и убежали наконец, после смерти Ермака, все до одного — и тогда только царское войско покорило нам Сибирь"³.

Как и испанские, английские и другие европейские завоеватели, казаки огнем и мечом покоряли мирные народы, беспощадно истребляли всех, кто оказывал им сопротивление, защищая родной край. Тот же П. И. Небольсин указывал, что "улусники были в необходимости защищать ту землю, которая им принадлежит по праву"⁴. А. Н. Радищев также писал: "Сибирские татары искали защищения против России. Хотя Кучум был их завоева-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IX, гл. VI, с. 241.

² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IX, гл. VI, 226, 228.

³ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 72.

⁴ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 81.

тель, но был их единоплеменник, был единого с ними исповедания; был отрасль славного поколения; то хотя для Сибирских Татар и был чужестранец, но иго его легче могло казаться иго Россиян: они представлялися им ужасными... отвращение Татар к Россиянам должно было быть велико”¹.

Поход в Сибирь

Дискуссионным является и вопрос: кому принадлежала инициатива завоевания Сибири — московскому правительству Ивана IV, купцам Строгановым или самим казакам Ермака?.

К 1580—1582 гг. обстановка на международной арене изменилась, и не в пользу Руси. Затяжная Ливонская война подорвала окончательно все силы и ресурсы государства, требовались время и мир для восстановления страны. В этих условиях правительство Ивана Грозного проводило крайне осторожную политику на южных и восточных границах, чтобы не оказаться втянутым в войну на два фронта. Поэтому предпринимались все меры для того, чтобы избежать военных действий с Турцией, Крымским ханством, Ногайской Ордой и Сибирским царством.

Изменилась ситуация и для Строгановых, причем также в худшую сторону, чем в 1574—1575 годах. Сибирское ханство Кучума значительно окрепло и представляло собой опасную силу. Ногайская Орда также предпринимала враждебные действия против России. На территории бывшего Казанского ханства, в Поволжье и Прикамье началось восстание нерусских народов против царского гнета, которое длилось почти три года. В таких условиях Строгановым приходилось думать больше о сохранении своих прежних владений, а не о приобретении новых земель. Поэтому им пришлось на время отказаться от захватнических планов в отношении Сибири. К тому же они переживали немалые экономические трудности в связи с неудачным ходом Ливонской войны.

Об изменении восточной политики Москвы свидетельствовали и грамоты Ивана IV Строгановым. Летом 1581 года пелымский князь Аблай-Керей вторгся во владения

¹ Радишев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 161.

Строгановых, чем сильно напугал их. Они обратились к царю за разрешением нанимать для обороны казаков и других людей. Царь грамотами от 6 ноября и 20 декабря 1581 года разрешил им нанимать охочих людей для отражения набегов пелымских вогулов (или манси), повелев им стоять всем вместе против общего врага, в данном случае только против конкретного неприятеля — пелымского князя¹. О Кучуме в грамотах вообще нет речи, не говорилось и о проведении наступательных действий против Сибирского ханства. Ясно, что Москва не хотела в тех условиях втягиваться в войну с Кучумом. А сами Строгановы даже не имели сил не только для завоевания Сибирского ханства, но даже и для защиты от малочисленных племен вогулов, которые безнаказанно грабили их территории.

И даже позже, когда в Москве узнали о несанкционированном походе казаков Ермака в Сибирь, царь Иван Грозный 16 ноября 1582 года прислал Строгановым гневную грамоту, в которой осуждал их за самовольные действия, могущие привести к широкомасштабной войне с Кучумом, к которой тогда Москва не была готова ввиду отсутствия на Урале достаточных воинских сил. Царь обвинял купцов, что они сами виноваты, так как “зидирали вогулов, вотяков, пелымцев, ссорили нас с сибирским салтаном; а вольных атаманов к себе призывали, воров наняли без нашего указу”, которые раньше грабили ногайских послов. Царь требовал незамедлительного возвращения назад отряда Ермака².

Летом 1582 года старший сын хана Кучума султан Али во главе отрядов пелымского князя вторгся во владения Строгановых. Но здесь его ждали казаки Ермака, прибывшего на службу к купцам 28 июня. В середине августа на реке Чусовая прошли жестокие бои между казаками и войнами Али, в которых последние потерпели поражение. Для Али появление у Строгановых отрядов хорошо вооруженных, дисциплинированных и стойких бойцов было полной неожиданностью, расстроило его планы соединения с восставшими племенами черемисов. Потерпев неудачу в столкновении с казаками, Али обошел стороной укрепленные строгановские городки и неожиданно напал на незащищенный Соль-Камский (ныне Соликамск). Город

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 341—342,

² Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 75—76.

был захвачен, подвергнут разгрому и сожжен. От Соль-Камского отряда Али поднялись вверх по реке Кама и 1 сентября атаковали главную крепость Пермского края Чердынь, где надолго застряли.

Казаки после первых схваток с отрядами Али, убедились в своем превосходстве, в более низкой, чем предполагалось, боеспособности сибирских воинов, вооруженных только холодным оружием, оценили силу и выявили недостатки отборного ханского войска. Допросив пленных, Ермак и его атаманы узнали, что хан Кучум отправил с Али самых лучших своих воинов и огланов и в данный момент не располагает достаточными силами для обороны ханства и столицы. Исходя из этой конкретной ситуации, Ермак решил нанести неожиданный удар в самое сердце ханства и захватить Искер. Казаков воодушевлял и удачный набег 1580 года, когда они сумели так же неожиданно захватить столицу Ногайской Орды город Сарайчик на Яике. Многие воины Ермака участвовали в том набеге и были уверены в успехе и на этот раз. Таким образом, решение о походе в Сибирь было принято самими казаками, по собственной инициативе, а не Строгановыми, которые думали больше об обороне, а не о захвате Сибирского ханства. Мысли о внезапном набеге в Сибирь пришли к казакам именно после первых столкновений с воинами Али¹. Окончательное решение было принято по обычаю на казачьем кругу.

1 сентября 1582 года, пока отряды Али были заняты на Каме, 1650 человек (по другим данным 540) во главе с Ермаком и другими атаманами на свой страх и риск отправились завоевывать далекую и неизвестную страну — Сибирское ханство грозного царя Кучума². Момент для этого был самый подходящий, другой такой возможности могло и не быть. Только быстрое и внезапное нападение могло принести казакам победу.

Что из себя представляло воинство Ермака? В основном это были казаки: волжские, яицкие, донские и терские; их насчитывалось примерно 540 человек и 50 служилых людей Строгановых, остальные — разный гулящий сброд. Численность отряда, конечно же, была невелика, но зато это были закаленные в непрерывных войнах и набегах бойцы, умевшие переносить любые труд-

¹ Сибирские летописи, с. 275; Копылов Д. И. Ермак, с. 94.

² Каргалов В. В. Полководцы X—XVI вв.— М., 1987, с. 288.

ности, обладавшие большим военным опытом борьбы с кочевниками, хорошо вооруженные, с крепкой дисциплиной. Преимущество казаков состояло прежде всего в наличии мощного огнестрельного оружия, которого не было у воинов Кучума. В XVI веке в русской армии только пехоту вооружали пищалями, но "огнестрельный снаряд не уступал лучшему в Европе"¹.

Сам атаман Ермак до похода в Сибирь около 20 лет находился на ратной службе, пройдя путь от кашевара до признанного казачьего атамана, приобрел необходимые организаторские способности, огромный боевой опыт и известность среди казаков, готовых идти за ним в огонь и воду. В его отряде большое значение придавалось железной воинской дисциплине. По преданию, со времен Ермака у казаков установился обычай наказывать за измену и трусость приговором: "в куль да в воду". Провинившегося сажали в мешок, наполненный камнями или песком, опускали на веревке в воду и держали до тех пор, пока он не задыхался. Существовали и другие жестокие наказания за предательство: вешали за ноги на специальном якоре или выводили предателя за границу укрепления, разрубали его пополам, одну половину тела оставляли на своей стороне, другую перебрасывали на неприятельскую².

Приняв решение о набеге в Сибирь, казаки сразу же принялись за строительство стругов. Они разбились на артели, и каждая работала над сооружением своего корабля. Струги — это длинные, легкие, беспалубные одномачтовые лодки, борта которых обшивали пучками камыша для устойчивости и защиты от пуль. От 40 до 80 казаков садились в такие судна за весла и развивали большую скорость. На стругах устанавливались небольшого калибра огнестрельные орудия, имелись запасы пищи и воды. Хмельные напитки брать в поход запрещалось под страхом смертной казни.

Большие струги были построены за две, малые — за одну неделю. В речной флотилии Ермака насчитывалось около ста судов, преобладали легкие — на 20 человек с вооружением, боеприпасами и продовольственным запасом. Длина такого струга была 10—20 метров, ширина два-три,

¹ Военная история Российского государства, часть первая.— Спб., 1839, с. 136.

² Новак Л., Фрадкина Н. Как у нас-то на тихом Дону: Историко-этнографический очерк.— Ростов-на-Дону, 1985, с. 12—13.

осадка не превышала одного метра, что позволяло передвигаться по мелководным рекам.

Казаки были хорошо вооружены. Они прибыли к Строгановым со своим огнестрельным оружием, добытым в прежних боях или полученным во время службы в царских войсках. У них были самопалы, фитильные пищали, самострелы, аркебузы, холодное оружие: сабли, пики, рогатины, топоры, кистени, бердыши, чеканы, ножи, луки со стрелами. Помогли и Строгановы. К началу похода в отряде Ермака имелись, в придачу к названному, три полковые пушки, скорострельные семизарядные пищали (одна на 10 человек); на каждого казака Строгановы выдали по три фунта пороха и по три свинца. Самому атаману преподнесли именную пичаль¹.

Строгановы также снабдили каждого казака тремя пудами ржаной муки, выделили по два пуда крупы и толокна, по пуду сухарей, соли, масла и других продуктов. Кроме того, купцы доставили им различные товары и изделия для переговоров с местными жителями, полковые знамена с иконами, по одному на каждую сотню. Всего на экспедицию Ермака было потрачено Строгановыми от 10 до 20 тыс. рублей, сумма по тем временам немалая. Но хитрые и расчетливые купцы надеялись, что все затраты окупятся с лихвой.

Все это снаряжение казаки взяли в долг и обещали, что если вернутся живыми и невредимыми, то заплатят купцам по совести. Как передают летописи, они были уверены в успехе и надеялись вернуться обратно с богатой добычей².

Было избрано командование отряда. Главным походным атаманом стал Ермак, а его первым помощником — атаман Иван Кольцо, хорошо известный казакам еще по совместным грабегам на Волге. Атаманами также были выбраны Никита Пан, Матвей Мещеряк и Яков Михайлов. Эти пятеро составили руководство отряда. Атаман Богдан Брызга был назначен особым пятидесятником, видимо, кем-то вроде начальника штаба. Некоторые летописи сообщают, что вместе с Ермаком в Сибирь ходил и некий атаман Яргак (Арган, Аргун), но

¹ Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака. — Военно-исторический журнал, 1966, № 1, с. 38.

² Сибирские летописи, с. 315.

исследователи почему-то считают это известие не соответствующим действительности¹.

Дружина Ермака делилась на полки, сотни, полусотни и десятки. Были избраны четыре есаула — помощники атаманов, сотники, пятидесятники идесятники. В ходе боев на сибирской земле наиболее хорошо показавшие себя воины назначались на руководящие должности, сменяя прежних командиров, выдвигались в атаманы. С казаками в поход отправились также три попа и с ними старец-бродяга, исполнявшие обязанности священников, кашеваров, лекарей, однако владевших и оружием. Таким образом, наступательный отряд Ермака был прекрасно организован, имел четкую структуру управления, что в итоге и принесло успех.

Перед отплытием Ермак и Строгановы устроили смотр войска, и 1 сентября 1582 года после торжественного богослужения казачья дружина отправилась в Сибирь “сбить с куреня царя Кучума”. Как отмечал Н. М. Карамзин; “три купца и беглый атаман волжских разбойников дерзнули без царского повеления именем Иоанна завоевать Сибирь”².

Среди ученых было немало споров относительно времени начала похода. Назывались даты от 1577 до 1581 годов, причем последняя считалась наиболее вероятной. Не так давно историк Р. Г. Скрынников на основе более тщательного и всестороннего анализа имеющихся документов установил, что поход начался 1 сентября 1582 года³. Автор разделяет эту точку зрения и исходит из нее в изложении дальнейших событий.

Казакам предстояло пройти до столицы Сибирского ханства примерно 1500 км, из них 1200 — вниз по течению рек. До Уральских гор отряд двигался по 15—16 км в день, а за Уралом вниз по сибирским рекам Туре и Тоболу к Иртышу уже проходил по 35—40 км ежедневно. Такая скорость была вполне доступна для стругов, так как казаки имели опыт плавания по Волге, Яику, Каспийскому морю, были хорошими гребцами. На многоводных сибирских реках шли под парусами. По расчетам, за два-три месяца отряд намеревался достичь столицы Сибирского ханства. Выйдя из Чусовского городка Стро-

¹ Рукописное наследие Древней Руси.— Л., 1972, с. 79.

² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IX, гл. VI, с. 219.

³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 168.

гановых, казаки поплыли вверх по Чусовой до реки Серебряной, затем волоком тащили струги до реки Баранчук, потом по Баранчуку доплыли до Тагила, а с Тагила добрались до Туры, по ней спустились до Тобола и наконец по Тоболу доплыли до Иртыша¹. Ермаку удалось решить сложную задачу переброски через Уральские горы целой флотилии речных судов.

А что же в это время происходило в Сибирском ханстве Кучума, ожидал ли он нападения казаков на свою столицу? Какие воинские силы он мог противопоставить Ермаку?

Русские летописи сообщают, что незадолго до прихода Ермака Кучуму были странные видения, т. е., вероятно, сны. Один раз ему привиделся над Искером, над тем местом, где позже русские построили Тобольск, христианский город в воздухе, с церквями, звоном колоколов, вода в Иртыше казалась кровавой, а тобольский мыс выбрасывал золотые и серебряные искры. В другой раз хану привиделся бой между двумя зверями. Белый большой волк пришел со стороны Иртыша, а от Тобола явилась маленькая черная гончая собака, которые грызлись между собой. Победила черная собака, белый волк пал мертвым, долго лежал недвижный, затем ожил, бросился в Иртыш и утонул. Толкователи снов объяснили Кучуму, что белый волк — он сам, а черная собака — это враг, который придет из Руси и захватит его царство. По преданию, Кучум велел разорвать толкователей лошадьми².

Общая численность жителей Сибирского ханства неизвестна, однако сообщают, что у хана было около 30 тыс. данников, плативших ему ясак. По данным Посольского приказа, который занимался сбором сведений о вооруженных силах соседей, Кучум мог собрать армию в 10 тыс. человек. Цифра эта, возможно, преувеличенная, однако ясно, что в любом случае она значительно превосходила отряд Ермака.

Ядро войск Кучума составляли наиболее боеспособные отряды кочевников и ногайская гвардия. В случае военных действий к нему примыкали также зависимые от него беки, мурзы и князьки со своими ополчениями. Кучум мог собрать большую по численности армию, его лучшие

¹ Сибирские летописи, с. 276.

² Карамзин Н. М. Указ. соч., прил. к т. IX, с. 157.

воины были храбрыми и мужественными, в рукопашном бою не уступали казакам, однако эта армия не была сплоченной, профессиональной силой, подобно вражеской, для которой война являлась образом жизни, смыслом существования. Ханские воины чувствовали себя уверенно в степи, на открытом пространстве, в стремительной сабельной атаке, где они могли смять пеших противников, но это преимущество терялось на тесных реках, по которым двигались казаки.

Сибирские бойцы из ханской гвардии были знакомы с огнестрельным оружием: участвуя в набегах на Русь, за Уралом, они встречались с ним и уже не боялись ружейного огня. Однако основная масса кочевников, не воинов, а пастухов, скотоводов, охотников и рыболовов, бросалась в паническое бегство при первых же выстрелах пушек и пищалей. Собственного действующего огнестрельного оружия армия Кучума не имела. За несколько лет до прихода Ермака Кучум обратился к крымскому хану с просьбой прислать ему артиллерию для войны с московским царем, однако путь из Крыма до Сибири далек, и оружия хан так и не дождался. По преданиям, две пушки были все-таки привезены в Искер из Казани и установлены на горе у подступа к столице. Но орудия оказались, видимо, неисправными, или с ними не умели обращаться. Во время сражения их просто сбросили в Иртыш, чтобы не достались казакам.

Часть войска — отборные воины, мурзы, беки и огланы во главе с сыном хана Кучума Али — ушла за Урал на владения Строгановых и не сумела вернуться быстро, к тому же Али ничего не знал о неожиданном походе Ермака. Правда, рядом с Кучумом находился его племянник Мухаммед-кул, опытный военачальник и храбрый воин, однако и он оказался бессилем что-либо предпринять без лучших бойцов, ушедших походом на Русь. Еще раз следует подчеркнуть, что Ермак очень точно оценил ситуацию и боееспособность разношерстного кучумовского войска, которое могло безнаказанно нападать на мирных жителей, но не встречалось еще с настоящим противником, таким как казаки, к тому же гораздо лучше вооруженным.

Хан Кучум своевременно получил известие о вторжении русского отряда в его сибирские владения, но не придавал этому серьезного значения. Он прекрасно разбирался в русской политике на Урале и знал царский запрет

ходить походами в Сибирь, поэтому был уверен, что, как только отряды Али начнут громить уральские владения Строгановых, оставшиеся без военной защиты, русские воеводы должны будут немедленно отозвать своих воинов из сибирских пределов. Именно на это и рассчитывал хитрый и дальновидный хан. Одного не ведал Кучум, и в этом была его главная стратегическая ошибка, которая в итоге и привела ханство к гибели, того, что казаки во главе с Ермаком сами, по собственной инициативе, двинулись в Сибирь, а грозный царский указ о их возвращении опоздал — казаки уже слишком далеко углубились в территорию ханства и царские гонцы просто не могли их догнать.

На пути к Кашлыку у казаков не было крупных сражений с местными племенами, происходили в основном мелкие стычки. Прибрежное население пряталось или убегало, заведя бородатых чужеземцев с “огненными палками” в руках. Иногда казаки приходили в поселения за продовольствием, меняли свои нехитрые товары и изделия на мясо, рыбу, птицу и другую пищу. Ханты и манси были настроены миролюбиво и дружелюбно, и Ермак под страхом смерти запретил казакам отбирать у них необходимое продовольствие силой. Но не обходилось и без серьезных столкновений. Однажды передовой струг, находящийся в боевом охранении, из-за беспечности самой команды был неожиданно атакован местными аборигенами и захвачен. Все казаки попали в плен. Правда, пленных вскоре отбили, но эта история послужила для них хорошим уроком. В другой раз казакам на земле вогулов повстречался какой-то лесной великан — человекообразное существо ростом около двух метров, — который мог одновременно задушить десять человек. Пришлось застрелить его из пищалей¹. Скорее всего, это был т. н. “снежный человек”. Если и в наши дни местные жители в Западной Сибири не раз встречались с “лесным человеком”, то в те далекие времена их, наверное, бродило по тайге куда больше. Возможно, один из них и попался случайно в руки казаков и поплатился за это своей шкурой.

Первая крупная схватка казаков с сибирскими воинами произошла на реке Тура у поселения, которым владел

¹ Садовников Д. Наши землепроходцы: Рассказы о заселении Сибири (1581—1712 гг.).— М., 1905, с. 31.

местный князек Жапанша. Бой был упорным, казаки заставили противника отступить. Ермак велел сжечь городок для поднятия боевого духа отряда. Однако в этой первой схватке атаман тем не менее потерпел неудачу, так как не сумел пленить врагов. Бежавшие воины без сомнения известили хана о приближающемся неприятеле. Казаки уже вошли в пределы ханства, но не имели пока достаточных сведений о войске Кучума, его укреплениях, не знали, готовится ли он к отпору. Элемент внезапности был упущен, и казакам необходимо было теперь готовиться к ожесточенным боям.

Кучум, получив известие о вторжении русского отряда, который упорно продвигался вперед и не собирался возвращаться, принял срочные меры по организации обороны. Во все улусы после срочного ханского совета были разосланы гонцы с золочеными стрелами, что по древней степной традиции означало требование немедленно прибыть в ставку хана с боевым отрядом для отражения вражеского нападения. Сбор войска и его организацию хан поручил Мухаммед-кулу и его есаулам.

Чем ближе подходили казаки к столице ханства, тем ожесточеннее становилось сопротивление, но до серьезных схваток не доходило. Противники как бы присматривались друг к другу, оценивали воинские силы, выжидали удобный момент. В нижнем течении Тобола казакам пришлось идти сквозь сплошные кочевые улусы, постоянно вступая в бой. Наконец у реки Тавды им удалось взять в плен одного воина по имени Таузак. Его привели к Ермаку на личный допрос, и, чтобы показать силу русских, тот приказал повесить на дереве железную кольчугу и сделать по ней залп из пищалей. Затем Таузаку показали продырявленную кольчугу и отправили к Кучуму. Ошеломленный Таузак рассказал хану о врагах, об их страшном оружии с невидимыми стрелами, перед которыми бессильна даже стальная кольчуга¹.

Следующее сражение произошло в урочище Бабасан, где располагались кочевья местного бека. Здесь казаков поджидал сам Мухаммед-кул с собранными наспех отрядами. Это была первая встреча на поле боя двух военачальников: атамана Ермака и царевича Мухаммед-кула. Ермак с частью казаков вышел на берег и укрыл их в окопах. Мухаммед-кул бросил на них конницу, чтобы

¹ Сибирские летописи, с. 16, 126, 276.

растоптать незванных пришельцев. Сибирские воины уже привыкли к грому пушек и пищалей и не боялись идти вперед. Они засыпали противника тучами стрел и пустили в ход длинные и острые копья, нанеся ему немалый урон. Казаки ответили ураганным огнем из всех видов огнестрельного оружия: самопалов, пушек, пищалей, мушкетов и аркебузов. Огонь велся как со стругов у берега, так и из окопов. Отряд Мухаммед-кула превосходил врага по численности и не уступил. И хотя сражение не принесло победы Ермаку, он решил продолжить свой путь к столице ханства. Воины Мухаммед-кула преследовали казачьи струги по берегу, осыпая их дождем стрел.

Близ устья Туры и Тавды при впадении в Тобол казаки вступили во владения ближайшего мурзы Кучума Карачи. Произошла новая схватка, более серьезная, чем прежние. Воины Карачи перегородили реку цепями, устраивали по берегам засады, неожиданно обстреливали плывущие струги. И тогда Ермак пошел на хитрость. Из веток и хвороста приказал сделать фигуры людей, обрядить в одежду и выставить их на виду, а самим поспрятаться за бортами. Ханские воины осыпали судна тучами стрел, но "казаки" стояли как ни в чем не бывало. Это поражало лучников, к тому же они сами из-за сильного огня несли потери. Поползли слухи о неуязвимости чужеземцев, их непобедимости, силе и храбрости, что подрывало боевой дух воинов, особенно тех, кто раньше не встречался с русскими. В городке Карачи казаки захватили оружейную мастерскую, много разного добра, хлебные запасы, рыбу, мед и перенесли всю эту добычу на свои струги и плоты.

Битва у Искера

Решающие сражения произошли на подступах к столице, у Чувашева мыса, с 22 по 26 октября. Здесь Кучум и Мухаммед-кул собрали все наличные силы, устроили засеку из поваленных деревьев, за которыми надеялись укрыться от оружейного огня. Весь берег был заполнен ханскими воинами, горевшими желанием побыстрее сразиться с непрошенными гостями.

На разгоряченных полудиких конях сидели всадники в кожаных доспехах, с железными панцирями и в коль-

чугах. Круглые кожаные щиты были отделаны железными и бронзовыми пластинами с изображением хищных зверей и птиц. На широких поясах воинов висели мечи и кривые сабли, острые кинжалы, руки сжимали длинные копья и сверкающие топоры-айбалта. Специальные отряды воинов-лучников с тугими луками и полными дальнебойных закаленных стрел колчанами ожидали сигнала и были готовы засыпать чужеземцев, посмевших вторгнуться в самое сердце ханства. Своими меткими стрелами на близком расстоянии они насквозь пробивали человека. Впереди отрядов выступали огланы и суровые батыры в ярких сверкающих доспехах. Они командовали улусными ополчениями.

Все, кого мог собрать Кучум за короткое время, стояли здесь под ханскими знаменами и боевыми родовыми тотемами. Ханский фирман грозил смертной казнью всем послушникам его указа. Отовсюду: с верховьев Иртыша, Тобола и Есиля, из широкой барабинской степи — прибыли отряды воинов-кочевников, задубевших на степных ветрах и обожженных горячим солнцем. С севера во главе со своими князьками пришли остяки и вогулы, вооруженные луками и костяными стрелами. Они имели воинственный вид, но были нестойки в рукопашном бою.

Вокруг Искера в кольце телег и повозок раскинулись сотни шатров и юрт, воздух был наполнен ржаньем коней, ревом верблюдов, лаем свирепых сторожевых собак. Все предвещало жестокую и кровавую сечу.

Сам Кучум в окружении ближайших мурз и сеидов величественно восседал на белом арабском аргамеке, подарке богатых бухарских купцов. По бокам расположились телохранители-нукеры и взрослые сыновья хана. Все с тревогой смотрели вниз, на берег реки, где за засекой сгрудились воины, ожидая врага. По Иртышу медленно шли казачьи струги, приближаясь к месту схватки.

Мухаммед-кул на громадном вороном жеребце в окружении огланов осуществлял непосредственное руководство сражением. Военачальник Кучума, не раз воевавший с русскими, выглядел грозным и неприступным. На нем был железный шлем, его боевой панцирь был украшен золотыми и серебряными пластинами, каждая из которых изображала барса, орла, кабана или изюбра и в строгой последовательности передавала сцену охоты. Колчан со стрелами был инкрустирован золотыми и костяными фигурами зверей и птиц, ножны кривой сабли из булатной

дамасской стали тоже отделаны золотом. Богатство доспехов и оружия выделяло Мухаммед-кула среди воинов. Кровь воинственного чингизида играла в нем. Могучий и сильный, он всем своим видом воодушевлял остальных, вселял в них уверенность и стойкость.

Казаки, конечно, знали, что их впереди ждут жестокие сражения с превосходящими силами противника, неизбежные потери, гибель, возможно, даже плен и бесславный конец. Но картина, увиденная ими на Чувашевом мысу, потрясла казаков, вселила в их сердца страх. Они посчитали, что попали в ловушку Кучума, что теперь им не справиться с его несметным воинством и лучше всего бежать обратно, пока не настигла их смерть. Ермак в такой обстановке не решился атаковать. Казачья флотилия прошла мимо мыса и расположилась на ночлег напротив урочища Аттик-мурзы, в его городке.

Ночью собрался казачий круг. Некоторые бойцы, подавшись панике, предлагали этой же ночью бежать¹. Дружина Ермака поредела, были убитые и раненые, казаки заметно пали духом.

Решение круга довели до Ермака и атаманов самые старые воины, не раз ходившие вместе в походы и набеги. "Батюшка наш Ермак Тимофеич,— говорили они ему,— видишь, Татар-то сила какая — несметное множество рати! А наших-то всего пятьсот человек: так царь-то Кучум нас лоском положит, живой души не оставит, завтра же всех перебьет! Что же пользы из этого будет? Сибирь не возьмем; сами погибнем; добычи лишимся; родной земли не увидим и сгинем, как псы какие-нибудь, без креста и молитвы... Нынче и осень на исходе, и снег уже идет, и зима на дворе, и река скоро станет: на стругах уже не проберешься... Мы зазимуем в степях без хлеба, без теплой одежды, и тогда или сами погибнем с голоду в снежных сугробах, или нас окружают Татары кучумовы, будут теснить нас и утомонят нас ни за что ни про что! Так убежим-ка, покуда мы целы: благо уйдем не с пустыми руками!"².

Ермак решительно отверг все эти доводы и убедил казаков, что, наоборот, беспорядочное отступление и бегство приведет к гибели всего отряда. Ханские воины без труда расправятся с казаками, охваченными страхом и

¹ Сибирские летописи, с. 21, 129.

² Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 86.

паникой. Лишь смелость, стойкость и атака принесут победу, говорил Ермак, а отступать уже некогда и некуда. В своей речи атаман сыграл и на патриотических чувствах казаков, напомнив про нападения сибирских воинов на уральские владения Строгановых, грабежи и захват русских пленных, призвал стоять насмерть, отомстить за вражеские набеги. “Бог поможет,— говорил Ермак,— то и по смерти нашей память наша не оскудеет в тех странах и слава наша вечна будет”.

Выдержка и спокойная решимость атамана передались казакам, которые заявили, что “готовы умереть за святых божия церкви и за истинную православную веру пострадать, а благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси послужим и постоим противу поганных твердо до крови и до самой смерти.. и вси единодушно на том станем непоколебими”¹.

Утром 23 октября с восходом солнца разгорелся кровавый и жестокий бой, который длился три дня. Непокойно было на душе у хана Кучума. Лучшее отборное войско еще не вернулось из набега, нынешние бойцы, наспех собранные со всех концов ханства, ненадежны, особенно остяки и вогулы. Неужели оправдаются тревожные сны и он потеряет свое царство, которое создавал столько лет, и все это рухнет в один день, думал старый хан и призывал на помощь всемогущего Аллаха. Мухаммед-кул, наоборот, в радостном возбуждении деятельно готовился к сражению, расставлял воинов, думал, как выгоднее начать сражение. Битва на Чувашевом мысу великолепно изображена на картине художника В. И. Сурикова “Покорение Сибири Ермаком”.

Ермак разделил отряд на две части: одна сотня осталась на стругах и должна была огнем подавлять противника; другая, большая часть, высадилась на берег, чтобы в рукопашной схватке разгромить врага. В конечном итоге его тактика оправдала себя. Комбинированное использование ружейного огня и пешего боя, сухопутного отряда и тылового, со стругов, принесло успех.

Казачьи струги медленно вышли на середину Иртыша, развернулись и на всех парусах устремились к берегу. Мухаммед-кул позволил противнику высадиться на берег, надеясь на суше превосходящими силами разбить его. Казаки сразу же открыли ураганный огонь, но сибирские

¹ Сибирские летописи, с. 21, 23.

воины, укрытые за засекой, не понесли существенных потерь. Несколько раз ермаковские отряды пытались под прикрытием огня со стругов атаковать засеку, но безуспешно. Наступило замешательство среди нападавших, не знавших, что делать дальше.

В это время Мухаммед-кул решил использовать сложившееся положение и велел расчистить в трех местах засеки проходы и немедленно атаковать русских. Этого как раз и ждали казаки, не знавшие, как выманить врагов из укрытия. Ермак тут же воспользовался серьезным тактическим просчетом Мухаммеда-кула. Нападавших встретили сильным огнем со стругов и с суши, в результате чего они понесли ощутимые потери. На этот раз казацкие пищади были заряжены не обычными пулями, а железными болванками "жеребья" со свинцовыми насечками, которые оставляли на теле страшные, рваные раны и повергали сибиряков в ужас. Сражение перешло в рукопашный бой на узком берегу реки, где казаки стояли стеной, а воины Кучума, наступая беспорядочной толпой, не могли использовать свое численное преимущество.

Постепенно начало сказываться превосходство казаков в дисциплине, организации боя и в вооружении, ход битвы стал склоняться в пользу казаков. Первыми столь длительного и ожесточенного сражения не выдержали низкорослые остяки и вогулы, насильно согнанные на оборону Искера. Они покинули позиции сразу же после первых ружейных и пушечных залпов. Одни кочевники не могли долго сопротивляться. В разгар сражения был ранен Мухаммед-кул, принявший личное участие в битве. Его едва успели переправить на другой берег Иртыша нукеры. После потери военачальника воины стали постепенно сдавать позиции и вскоре их отступление превратилось в бегство с поля боя. Казаки во главе с Ермаком и Иваном Кольцо водрузили свои знамена на брошенной засеке, и это окончательно деморализовало воинов хана.

Кучум, наблюдавший за битвой, был поражен таким исходом, но уже никак не мог повлиять на события. Вместе с ближайшими мурзами он также обратился в бегство, с горечью воскликнув: "Покры срамота лице мое: кто мя победи и царства моего лиши. Простых людей послаша на меня Строгановы из своих острогов, атаманов и казаков Ермака с товарищи... Нам зла сотвори: воинство

мое избиша и сына моего уязвиша, и мене самого посрами и от царства моего отгна..."¹

Но не следует считать, что воины хана Кучума не умели воевать и плохо защищали свою родную землю. Н. М. Карамзин писал: "Независимость отечества мила и варварам: сибирские защитники изъявили неустрашимость и твердость..."² П. И. Небольсин также отмечал, что сибирские татары "дорожа родным клочком земли... бьются жестоко с казаками"³. Исход сражения решили пушки и пищали, внезапность нападения, отсутствие ханской гвардии. В битве под Искером казаки потеряли 107 человек убитыми. Учитывая отсутствие огнестрельного оружия у сибиряков, это говорит о кровопролитном характере боев на подступах к столице.

Путь на Искер, таким образом, был открыт. Утром 26 октября 1582 года казаки, выждав некоторое время и убедившись, что город пуст, вошли в него. Все его население вместе с Кучумом ушло из Искера на юг, в степи. В городе казаков ждала богатая добыча — прежде всего бесценные меха соболей, чернобурых лисиц, куниц, бобров, белок, изделия из золота и серебра, разные драгоценности, камни необычайной красоты — практически вся казна хана, которую он собирал много лет и в спешке не успел унести с собой. Кучум бросил даже свой боевой железный шлем и ханскую шапку. Позже они были отправлены в Москву в дар царю Ивану Грозному. По законам вольных казаков вся добыча была поровну разделена между победителями.

Старинные предания гласят, что не все сокровища "сибирского Креза" достались казакам. Якобы перед бегством хан велел недалеко от столицы устроить тайники, где и спрятал большую часть своих несметных богатств. После завоевания сибирского края Россией русские крестьяне, ученые и путешественники, просто искатели сокровищ предпринимали неоднократные попытки найти их, расспрашивали местных жителей, но безуспешно. В окрестностях Искера, среди непроходимых болот действительно находили какие-то заброшенные подземелья, старинные здания, тайники на островах, глубокие колодцы, каменные стены которых уходили далеко под землю, но никаких

¹ Сибирские летописи, с. 25.

² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IX, гл. VI, с. 228.

³ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 82.

следов сокровищ Кучума так и не нашли¹. Может быть, они до сих пор лежат там, ждут своего часа, пока кто-нибудь случайно не наткнется на них. Вполне возможно, что хан Кучум, бежав из Искера, зарыл часть богатств в укромном месте, надеясь на скорое возвращение, но так и не сумел воспользоваться ими, затем погиб и унес свою тайну в могилу. И возможно, сокровища грозного повелителя Сибири безвозвратно потеряны для потомков.

Так неожиданно для всех царь Кучум потерял свою ставку в результате стремительного и внезапного набега небольшого отряда казаков и вследствие собственных просчетов. По словам К. Маркса, “последний монгольский царь Кучум был разбит Ермаком” и этим “была заложена основа Азиатской России”². Однако с потерей столицы Искера он еще не потерял своего государства. Казаки захватили только один город, но остальная Сибирь все еще подчинялась хану. Начиналась длительная борьба. Кучум не оставлял надежды отвоевать ханство, Ермак был полон решимости удержать Сибирь в своих руках.

¹ Галязимов Б. Легенды седого Итыша.— Свердловск, 1987, с. 38.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, М., 1946, с. 166.

Глава IV

"Я СИБИРЬ САМ НЕ ОТДАВАЛ..."

С потерей Искера борьба за Сибирь не закончилась, наоборот, она только начиналась и длилась долгих 17 лет, вплоть до полного поражения хана Кучума. Все это время было заполнено непрерывными сражениями, взаимными нападениями, гибелью атаманов и казаков, покорением местных народов, строительством русских городов и крепостей, изменой и предательством приближенных Кучума. Этот период характерен двумя событиями, которые внесли перелом в ход борьбы и привели к окончательному завоеванию Сибири: гибелью в 1585 году Ермака, после чего началось широкое наступление царизма на Сибирь, и гибелью в 1598 году Кучума, после которой у его потомков не осталось надежд на возрождение Сибирского ханства.

Борьба за Ибирь-Сибирь

С Кучумом из Искера бежало в степь около тысячи человек, в основном это были близкие ему мурзы, беки, огланы, духовные лица, все те, кто пришел с ним в свое время в Сибирь из Ногайской Орды и Бухары, Хивы и Казахской степи. Свою семью Кучум заблаговременно, еще до сдачи Искера, отправил из города в заранее укрепленное место у озера Абалак, примерно в 15—20 км от столицы.

Кучум выжидал, когда наступит зима, реки покроются льдом и казаки останутся зимовать без достаточных запасов продовольствия — силы их начнут таять, и тогда он сможет без особого труда вновь захватить свою столицу. К тому же вернутся отряды сына Али из набега на Русь, которые значительно усилят его войско.

Вначале все шло по плану Кучума. Через несколько недель после бегства из Искера подошли отряды Али, но джигиты, уставшие от дальнего перехода, понесшие потери в сражениях за Уралом, не рвались в бой с казаками, силу которых они впервые почувствовали еще в боях на Чусовой в августе. Прошел месяц после взятия казаками Искера, а Кучум не предпринимал никаких решительных действий.

Казаки осмелели, в поисках продовольствия стали выходить из города, заниматься рыбной ловлей, охотой, сбором дани с местных племен. 5 декабря 1582 года отряд из 20 казаков во главе с атаманом Богданом Брызгой направился на лов рыбы на озеро Абалак. Озеро находилось недалеко от Искера под высоким берегом Иртыша и соединялось с рекой длинной узкой протокой. Но по пути отряд подстерег оправившийся от ран отважный Мухаммед-кул. Когда возвратился Али, хан Кучум после долгих размышлений общее командование всеми отрядами снова поручил своему племяннику, как более опытному в военных делах, не раз ходившему в походы за Урал на русские владения и храбро воевавшему с казаками Ермака на подступах к Искеру.

Итак, Мухаммед-кул неожиданно напал на потерявших бдительность казаков и перебил всех до одного, в том числе и самого Б. Брызгу. Интересно отметить, что в Сибири погибли все видные атаманы, руководители набега на ханство Кучума, и первой жертвой стал есаул Брызга. Этот факт — еще одно доказательство ожесточенного характера схваток между казаками и ханом.

Кучум праздновал победу — это было первое серьезное поражение казаков в Сибири, и оно значительно подняло боевой дух ханских воинов. Мухаммед-кул рассчитывал начать осаду Искера и запереть казаков в городе, надеясь на долгую зиму: у казаков мало шансов уцелеть, без пищи, топлива они долго не продержатся. Но даже если они сумеют вырваться из Искера, то по

глубокому снегу, в сильные морозы и бураны далеко не уйдут. Все вроде бы верно рассчитали Кучум и Мухамед-кул, кроме одного: это были казаки, а не регулярные войска русских. Им нечего было терять, и они решили первыми нанести удар по отрядам хана.

Получив известие о гибели казаков во главе с Б. Брызгой, Ермак с дружиной выступил из Искера и быстро направился в сторону ставки Кучума, к озеру Абалак. Хан укрепился в городище на высоком берегу Иртыша, окруженном земляными валами. Вокруг располагались зимовки его близких мурз и беков, охранные отряды. Нападения Ермака никто не ждал, поскольку хан сам предполагал начать осаду Искера и не думал, что атаман рискнет выйти из города в поле. Сражение длилось целый день, до самого вечера, и носило ожесточенный характер. Перед Ермаком предстало не прежнее ополчение, наспех собранное для обороны Искера, а гораздо более дисциплинированное и лучше организованное войско. Оно не боялось огнестрельного оружия, не разбегалось при выстрелах пушек и пищалей, стремилось навязать казакам ближний бой, чтобы использовать свое численное превосходство. Это был самый упорный и кровопролитный бой за всю историю сибирской экспедиции Ермака, здесь лицом к лицу сошлись лучшие, отборные воины Кучума и дружина казаков, которая должна была или победить, или умереть.

Битва не принесла победы ни одной стороне. Казаки сумели выстоять до вечера, и после наступления темноты обе стороны отступили с поля боя. В сражении русские понесли большие по тем временам потери — погибло 37 человек. Казаки подобрали тела погибших, вернулись в Искер и похоронили их на ханском кладбище на Саусканском мысу.

Кучум не сумел уничтожить небольшой отряд Ермака, несмотря на численное превосходство. Стало ясно, что не удастся легко и быстро расправиться с казаками и вернуть столицу. Предстояло готовиться к долгой и затяжной войне, мобилизовать все силы ханства. И Кучум решил отступить на юг, в есильские степи, чтобы собрать подкрепление, дать отдых войнам, дожидаться весны и, изматывая казаков постоянными набегами, в конце концов истребить их.

Хан отправился на юг, туда, где располагались аулы казахов-кочевников, в междуречье Тобола, Есиля и Ир-

тыша, надеясь набрать новых воинов. Ермак же решил укрепить власть, расширить пределы своего влияния на север, подчинить местные племена, обложить их данью, пополнить запасы продовольствия.

Вниз по Иртышу к месту слияния с Обью направились 50 казаков во главе с атаманом Никитой Паном. Им поручалось покорить местных правителей, собрать с них ясак и привезти продовольствие. Некоторые князьки сами приходили к Ермаку с данью, приносили присягу на верность, заверяли в своей дружбе. Но многие прииртышские племена выжидали, не торопясь с изъявлением покорности.

На пути казаков подстерегали засады, неожиданные нападения местных воинов. В ответ применялась тактика террора и запугивания. Так, один из городков на реке Аремзянка оказал особенно упорное сопротивление. Взяв крепость штурмом, атаманы расстреляли и повесили вождей племени, лучших воинов-мергенов и стрелков из лука. Охваченные ужасом, жители покорились, клялись быть подданными Руси. Согласно летописи, атаман положил на стол свою окровавленную саблю и велел "целовати за государя царя, чтобы им служити и ясак платити по вся годы, а не изменити"¹.

После взятия городка на Аремзянке казаки послали в Искер к Ермаку хлеб и рыбу и двинулись дальше. Некоторые улусы сдавались без боя, а некоторые начинали войну. В Туртасских юртах казакам пришлось выдержать бой с местными жителями. На земле остяков и вогулов князь Нимьян собрал две тысячи человек, укрепился в городке на вершине горы, запаса продовольствием и отверг все предложения казаков о добровольной сдаче. В течение трех дней отряд предпринимал отчаянные попытки взять городок штурмом, но безуспешно. Некоторые бойцы предлагали отступить, не терять зря людей и время. Но идти дальше, оставив в тылу непокорный городок, казаки не могли. После долгого обсуждения решили все-таки пойти на последний штурм, который удался. Нимьян оставил городок и отступил в тайгу, однако в плен попал местный князек Роман Славный, храбро бившийся с казаками.

¹ Сибирские летописи, с. 333, 338. По преданию, атаман велел повесить за ногу самых лучших и храбрых воинов-мергенов и расстрелять их для острастки другим. В сибирском походе казаки часто практиковали такой вид казни.

К этому времени наступила весна, Иртыш очистился ото льда. Отряд Никиты Пана построил несколько легких стругов и отправился дальше, вниз по реке, где с боем, а где без боя приводя к присяге местные племена.

На речке Рача, притоке Иртыша, казакам вновь пришлось вступить в сражение. Вогулы загородили речку поваленными деревьями и, когда казачьи струги неожиданно наткнулись на них и остановились, выскочили из укрытий и стали цеплять лодки крюками. Опомнившиеся казаки дали залп из пищалей, после чего нападавшие сразу же разбежались.

Следующее испытание ожидало отряд возле деревни Сотников, где в священной роще находились идолы вогулов. Три часа бились казаки, прежде чем сломили сопротивление аборигенов и собрали ясак.

Затем, при впадении Иртыша в Обь, посланцы Ермака ступили на землю знатного остяцкого князя Самара, который собрал ополчение восьми местных вождей. Самара заранее предупредили о приближении казачьего отряда, и он готовился к отпору. На случай осады Самар на вершине высокой горы оборудовал укрепление, практически неприступное, где всего несколько бойцов могли отражать атаки целого отряда. Сам Самар с оставшимися воинами, ожидая казаков, расположился у подножия горы. Казачья флотилия на рассвете бесшумно подошла к самому берегу, где беспечно спали караульные и воины во главе с князем. Казаки дали залп; поднялась страшная паника, Самар и остальные вожди были сразу же убиты, бойцы разбежались и попрятались по лесам. Отряд простоял в городке неделю, собрал ясак и решил вернуться в Искер.

По пути, спускаясь по Иртышу до впадения реки в Обь, казаки покорили еще несколько местных князей, собрали дань, запаслись продовольствием, разведали водные и сухопутные дороги. Нелегко дался им этот поход: было убито около 15 человек, при штурме Назым-городка погиб и их лидер — известный атаман Никита Пан¹.

Оставшийся в столице Ермак тоже не терял времени даром. Самой большой военной его удачей явилось неожиданное пленение племянника хана военачальника Мухаммед-кула. Произошло это в результате предательства близких Кучуму людей. Некий мурза Сенбахта Тагин, ненавидевший и хана, и его близкого родственника, в

¹ Сибирские летописи, с. 29.

феврале 1583 года сообщил Ермаку, что Мухаммед-кул со своими кочевьями находится у реки Вагай в 100 верстах от Искера. Людей с ним мало, и он не ожидает нападения. Ермак решил воспользоваться удобным случаем и захватить главного полководца хана. Были отобраны 60 самых лучших и храбрых воинов, которые и направились к Вагаю. Они получили приказ Ермака взять Мухаммед-кула во что бы то ни стало живым и доставить к нему.

Казакам удалось незамеченными добраться до озера Кулары, где расположился Мухаммед-кул. Среди ночи они неожиданно напали на спящих воинов, перебили всех и захватили ханского племянника¹. 28 февраля 1583 года пленного доставили к Ермаку. "Сибирских стран богатырь" Мухаммед-кул ожидал расправы за свои набег, однако Ермак принял его хорошо, показал свое уважение к знатному пленнику и поместил его в отдельном жилище под крепким караулом. По преданию, между ними состоялось единоборство, где оба оказались равны. Атаман был рад, что избавился от самого опытного и грозного военачальника Кучума и думал через Мухаммед-кула вступить в переговоры и попытаться воздействовать на хана, дабы тот прекратил сопротивление. Однако из этого ничего не вышло. Кучум ужаснулся вести о пленении Мухаммед-кула, но он и не думал о прекращении борьбы. Ханское войско возглавил его старший сын Али. В ноябре 1583 года Ермак отправил Мухаммед-кула в Москву, к царю Ивану IV Грозному по его требованию. О дальнейшей судьбе Мухаммед-кула мы расскажем в следующей главе.

Потеря крупного военачальника значительно осложнила положение хана Кучума. Его враги немедленно подняли голову, начались разногласия в среде самых близких мурз, которые стали разбегаться в разные стороны: кто в Ногайскую Орду, кто в Бухару и Хиву, а кто просто откочевал от хана до лучших времен, выжидая, чем закончится противостояние Кучума и Ермака. Хан получил известие, что племянник убитого им Жадигера, сын Бек-Булата Сейтек пришел из Бухары и намерен вернуть свое царство. Кучума оставил даже его самый близкий придворный — Карача, вместе с ним создававший ханство, до этого верно служивший ему и получавший от него богатые дары. Карача ушел вверх по Иртышу, к Чулымскому озеру, и стал кочевать в районе рек Тара и Омь.

¹ Сибирские летописи, с. 27, 139, 338.

Однако хан не сдался, а повел военные действия против Ермака, добиваясь возвращения своего улуса под Искером. От Кучума стали уходить и другие вожди местных племен, некоторые из них добровольно присягали Ермаку на верность.

После серии побед на казачьем кругу было решено послать в Москву к царю Ивану IV Грозному известие о взятии казаками Сибирского царства, заслужить его милость этим сообщением и просить о помощи, ибо невозможно столь малыми силами удерживать завоеванный край. С наступлением лета 1583 года из Кашлыка в Москву с "сеунчем"¹ выехала казачья делегация в составе 25 человек, возглавляемая атаманами Черкасом Александровым и Саввой Болдырем. Отправились на двух стругах, захватив в дар царю богатства сибирской земли: пушнину, драгоценности, золото, серебро и т. п.

Гонцы привезли в Москву донесение Ермака, в котором сообщалось: "Писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу, что... царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели... по их верам на том, что им быть под его царскую высокую рукою до веку... стояти, и ясак им государю давати по вся годы, а на русских людей зла никакого не мыслить"².

В Москве неожиданную весть о завоевании Сибирского царства приняли с огромной радостью, звонили во все колокола, в церквях и храмах пели благодарственные молебны, восхваляли подвиги казаков. Сам атаман стал национальным героем. После захвата Казанского и Астраханского ханств это было действительно счастливое известие о приобретении нового края, к тому же сказочно богатого. Иван Грозный всем казакам даровал прощение прежних грехов, пожаловал атаманам по "золотому", а гонцам деньги, одежду, оружие и разрешил им на обратном пути набирать в деревнях охотников идти с ними вместе в Сибирь. По преданиям, царь отправил Ермаку шубу со своего плеча, два стальных панциря, серебряный кубок, даровал ему кусок английского сукна и звание "сибирского князя". Строгановы

¹ "Сеунч" — радостная, победная весть. От казахского "суюнши".

² Сибирские летописи. с. 281—282.

как организаторы экспедиции получили во владение значительные территории. Атаману велено было прибыть в столицу. "А Ермаку указал государь быть в Москве"¹. Иван Грозный, видимо, считал, что казаки справились с первоначальной задачей завоевания Сибири, а окончательно присоединить новый край к метрополии должны были уже правительственные отряды. В Сибирь направлялся отряд из 300 стрельцов во главе с воеводой князем Семеном Болховским.

Между тем положение казаков в Сибири становилось все труднее. Экспедиция затягивалась, силы ее постепенно таяли, росли потери, были израсходованы почти все боеприпасы, что лишало казаков главного преимущества в сражениях. В этих условиях Ермак решил сам искать пути возвращения на Русь. Участились и стычки с сибирскими кочевниками. Разведка доносила Кучуму, что положение врага ухудшается, Ермак теряет людей, в отряде распространились болезни, что ружья казаков скоро замолкнут и тогда можно будет всех уничтожить.

С Иртыша флотилия Ермака спустилась к Тоболу и поднялась вверх по его притоку Тавде к владениям пелымского князя Аблай-Керея. Сразу же начались стычки с вогулами. Вначале казаки разбили отряды местного князька Лабуты. Кровавое сражение разыгралось с воинами князя Печенега; все озеро, где оно происходило, было завалено трупами убитых вогулов и позже его прозвали Поганым из-за обилия в нем человеческих костей². Путь преграждал теперь лишь опытный вогульский вождь Аблай-Керей, не раз ходивший набегами на Русь через Урал. Ермак рассчитывал через его владения вернуться на родину. Но многочисленные отряды вогульского князя уже ожидали казаков и хорошо укрепились. После долгих раздумий атаман решил прервать поход, так как из-за немалых потерь каждый воин в отряде был на счету, а что ждало их впереди, никто не ведал. Захваченные в плен враги утверждали, что отсюда нет путей на Русь, не помогли и вогульские шаманы, к которым обратился за советом Ермак³. Собрав с вогулов ясак, хлеб, мясо, рыбу, казаки вернулись обратно в Кашлык.

¹ Сибирские летописи, с. 283.

² Сибирские летописи, с. 325, 326, 339. Карамзин Н. М. Указ соч., т. IX, гл. VI, с. 236; прим. к т. IX, гл. VI, с. 160.

³ Сибирские летописи, с. 326.

В это же время возвратились и гонцы атамана, посланные в Москву, вместе с ними прибыл отряд воеводы С. Болховского. Ермак встретил их с большой надеждой, однако вскоре проявились непредвиденные трудности. Запасов продовольствия было заготовлено в расчете только на казаков, Болховский же с собой никакой провизии не привез, думая обзавестись ею в Сибири. Кроме того, Кашлык оказался слишком тесен для такого большого отряда, не хватало теплых помещений. Поэтому пришлось оставить город и перебраться на остров в устье Тобола, которым ранее владел приближенный Кучума мурза Карача. Там отряд и встретил зиму 1584—1585 гг. Суровая сибирская зима с жестокими морозами, голод, холод, болезни, цинга стали косить казаков и стрельцов. Голод был настолько сильным, что казаки начали поедать трупы умерших товарищей. Вскоре умер и сам Болховский, сообщивший Ермаку о повелении царя прибыть в Москву и о назначении его Сибирским воеводой. К весне отряд Болховского практически перестал существовать, часть оставшихся ушла обратно в Москву под предлогом сопровождения пленного Мухаммед-кула. Ряды казаков тоже поредели, у Ермака оставалось человек 100—200¹.

Этой ситуацией решил воспользоваться приближенный Кучума мурза Карача, взявший инициативу борьбы с казаками в свои руки после пленения Мухаммед-кула. Прикинувшись союзником Ермака, он попросил у него помощи якобы против Кучума, а чтобы атаман поверил ему, доставлял иногда в отряд продовольствие, сообщал вести о Кучуме — в общем, вел себя мирно. После совещания на кругу Ермак решил направить на помощь Караче 40 человек во главе с атаманом Иваном Кольцо, самым опытным и искушенным среди казаков, который не даст себя обмануть и сумеет избежать ловушки. Отряд Кольца прибыл на реку Тара, в улус Карачи. Но Карача перехитрил всех: и Кучума, и Ермака, и Ивана Кольцо. Едва доверчивые казаки расположились на отдых, как были сразу же окружены воинами Карачи и все до единого перебиты. Так Ермак потерял своих самых боеспособных воинов во главе с опытным атаманом.

Когда весть о гибели отряда Кольца облетела все улусы, началось массовое восстание против русских. Казачьи отряды, находившиеся на сборе ясака, методично

¹ Сибирские летописи, с. 284.

уничтожались местными племенами. В одной из таких стычек погиб атаман Яков Михайлов¹. В матре 1585 года воины Карачи, других мурз и князей плотным кольцом окружили Кашлык и держали его в осаде до самого лета. Положение казаков становилось все более трудным, начался голод и коварный Карача торжествовал в предвкушении победы. Однако русские все-таки нашли выход. Ночью 12 июня отряд казаков во главе с атаманом Матвеем Мещеряком неожиданно напал на спящий лагерь сибиряков на Саусканском мысу вблизи Искера и в жестоком бою разбил его. Погибли многие воины, в том числе два сына самого Карачи, сам он едва успел спастись бегством в есильских степях.

Для казаков наступила передышка. Карача же, бежав с поля боя, вернулся к Кучуму и помирился с ним; стали строить совместные планы, как расправиться с Ермаком. Новое сражение произошло в улусе мурзы Бегиша, при впадении реки Вагай в Иртыш. Здесь собралось многочисленное ополчение казахов, пришедших на помощь к Бегишу, якобы были доставлены даже две пушки, но и они не помогли, и Ермаку удалось разбить отряды Бегиша. Казаки никого не оставили в живых, всех истребили до единого. Затем ожесточенная битва разыгралась в урочище Тебенди, близ впадения Есиля в Иртыш. Этот улус назывался Есиль-томак, и правили им потомки легендарного хана Сары-Каска. В жестоком рукопашном бою казаки лишились пяти человек. С каждой новой схваткой Ермак терял все больше людей, в то время как число воинов Кучума росло, поскольку в южных улусах проживало многочисленное кочевое население, поддерживавшее его. Двигаясь дальше в юго-восточном направлении, Ермак достиг крайней кучумовой крепости Кулары, защищавшей ханство от набегов калмыков. Пять дней казаки штурмовали Кулары, но не смогли взять городок. Сняв осаду, отряд Ермака отправился назад, в Кашлык.

Последний бой Ермака

На обратном пути Ермак попался в ловушку, расставленную ему Кучумом. Атаману сообщили ложные вести о

¹ Сибирские летописи, с. 34, 144, 145.

том, что с юга, со стороны реки Вагай, к Кашлыку движется богатый бухарский караван, который якобы не пропускает Кучум. Это звучало вполне правдоподобно. Хотя война за Сибирь длилась уже третий год, торговые связи Бухары, Хивы, Саурана, Ташкента с Сибирью и Русью не прерывались, по-прежнему ходили купеческие караваны. Гонцы сообщали, что бухарские торговые люди просят атамана о помощи и выручке. Заранее расставленные на пути следования Ермака люди Кучума в один голос уверяли, что видели караван в верховьях Вагая¹. Хитрость удалось, и Ермак со своим отрядом в 108 человек повернул с Иртыша на Вагай. Целый день плыли казаки по реке, приставали к берегу, смотрели, не идет ли караван, так они доплыли до урочища Атбас и, не найдя следов бухарского каравана, вернулись обратно, к устью Вагая. Все это время параллельно реке, за лесами, шли отряды Кучума, наблюдая за врагом, выжидая удобного момента для нападения.

Ночь с 5 на 6 августа 1585 года казаки провели на небольшом острове в устье Вагая. Шел проливной дождь, ермаковцы, уставшие от долгого перехода, легли спать, выставив караулы, хотя надеялись, что в такую ночь кочевники и не помыслят о нападении. Они жестоко поплатились за эту ошибку, попав в западню, расставленную Кучумом. Хан зорко следил за каждым шагом казаков, которые и не подозревали о засаде. Дозорные, решив, что в такую темную, дождливую ночь они находятся на острове в полной безопасности, видимо, беспечно уснули. Хан расположился со своими воинами за рекой, в лесу, среди болот, где их никто не видел.

Дождавшись полуночи, когда усилился шум от дождя и ветра, а казаки уже давно спали, Кучум решил действовать. Вначале на разведку в лагерь был направлен один воин, приговоренный к смерти за какое-то нарушение. Он нашел брод и тихо перебрался на остров, обнаружил казаков крепко спящими и вернулся с известием к хану. Кучум не поверил этому, так как хорошо изучил противника и не мог себе представить, что Ермак может допустить подобную ошибку. Воин снова ушел в глухую ночь и вернулся с тремя пищалями и тремя сумками для

¹ Вагай — приток Иртыша между Тоболом и Есилем. Казахи называли реку Багай.

боеприпасов, взятыми у сонных врагов. Только после этого Кучум решил напасть на лагерь Ермака¹.

Ночной атакой командовал старший сын Али. Воины бесшумно перешли через протоку на остров, сначала сняли четырех караульных, а после началась массовая резня спящих казаков. Почти весь отряд погиб. Увидев убитых и поняв, что оборону не удастся организовать, Ермак и оставшиеся в живых казаки устремились к стругам, намереваясь отплыть от берега. Летописи по-разному передают последний бой атамана. Ермак, обладавший богатырской силой и воинской сноровкой, выхватил саблю и отбивался от наседавших воинов, пробираясь к стругу, который покачивался на волнах Вагая у самого берега. Спасение, казалось, было близким. Кучум же, видимо, хотел взять Ермака живым, чтобы самому увидеть грозного казачьего атамана.

По казахскому преданию, в схватку с Ермаком вступил прославленный батыр Кутугай. Он и раньше не раз встречался в битвах с казаками, был даже в плену у Ермака и знал его в лицо². Теперь Кутугай горел желанием смыть позор пленения и расквитаться с атаманом. С коротким копьем в руке он бросился в единоборство с Ермаком. Атаман, по-видимому, прикрывал отступление казаков в струги и поэтому сражался до конца. Он был вооружен саблей и постепенно начал одолевать Кутугая. Схватка переместилась на борт струга. Неожиданно у Ермака развязался ремень шлема и открылось горло. Воспользовавшись этим, Кутугай ударил атамана в горло, тот упал за борт и утонул.

Русские летописи со слов оставшихся в живых казаков и попавших позже в плен кочевников — участников того памятного ночного боя — передают, что Ермак бросился в Вагай с целью доплыть до стругов, но не сумел и утонул под тяжестью царских панцирей. По другой версии, Ермак успел вскочить на борт судна, но струг покачнулся под набежавшей волной и атаман сорвался в воду. Еще одна легенда гласит, что Ермак поскользнулся на доске, переброшенной с берега на борт струга, упал в воду и утонул³.

Разумеется, сколько очевидцев — столько и версий гибели атамана. Картина обстоятельств его смерти выри-

¹ Сибирские летописи, с. 310, 343.

² Сибирские летописи, с. 321.

³ Сибирские летописи, с. 38, 148, 344.

совывается приблизительная, так как оставшиеся в живых казаки кратко и неохотно вспоминали этот скоротечный последний бой¹. К тому же некоторые летописи сообщают, что после ночного сражения на острове спасся всего один воин². Ясно только, что Ермак нашел свою смерть в волнах Вагая, а не Иртыша.

После завоевания Сибири официальная историография пересмотрела свое отношение к казачьему атаману, Ермака даже хотели причислить к лику святых, погибших мученической смертью за Русь. Отсюда и героические варианты его гибели, которые возвышали атамана, а не принижали его. Одни исследователи утверждают, что Ермак не мог бежать, как низкий трус, в такую минуту, когда убивали его спящих братьев, поэтому он должен был пасть как герой, в неравной схватке прикрывая своих товарищей. Другим представлялось более правдоподобной гибель в пучине реки, чем бесславная кончина от ножа убийцы, то есть атаман должен был принять более достойную смерть³.

Мне все-таки представляется более достоверным, что Ермак погиб в ночном бою и уже мертвым свалился в реку, где его позже и нашли.

Несмотря на победу, понесли потери и воины хана. Погибло 67 человек, в том числе знатный мурза Булат и брат жены самого Кучума. Хан повелел найти Ермака, обещая нашедшему столько серебра, сколько весит тело атамана. Обыскали весь остров, обшарили дно реки, но безуспешно. Ермак как в воду канул. Ремезовская летопись так передает слова хана: "Найду его — его тело на части разрежу и сам мясо его с родителями своими стану есть, как разорителя моего царства"⁴. Здесь видна вся глубина ненависти Кучума к казачьему атаману, как к своему самому смертельному врагу, лишившему его ханства.

Смерть Ермака потрясла оставшихся в Искере казаков. На кругу было принято решение немедленно бежать в Россию ввиду невозможности удержать Сибирь. 15 августа казаки и оставшиеся в живых стрельцы Болховского, всего около 100 человек, сели в струги и направились по Иртышу к Оби, а оттуда Печорским путем вернулись домой. Искер был оставлен. Через несколько дней в брошенную

1 Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 262.

2 Сибирские летописи, с. 37—38.

3 Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 99.

4 Сибирские летописи, с. 367.

столицу вошел со своими отрядами Али, наблюдавший за бегством казаков. Позднее прибыл и сам Кучум, занявшийся наведением порядка в своем ханстве. Так гибелью Ермака и бегством остатков его отряда завершился первый этап борьбы за Сибирь.

Через восемь дней после кровопролитного сражения на острове, 13 августа, на Иртыше, в 40 верстах ниже устья Вагая внук местного князя Бегиша по имени Жаныш ловил рыбу и заметил в воде утопленника. В те дни течением к берегу прибывало много погибших, но этот труп был в богатой одежде. Накинув петлю на ногу, Жаныш вытащил тело на берег. На погибшем казаке были железная кольчуга, латы с медной оправой, с изображением золотого орла на груди, дорогая сабля. На крик мальчика сбежались люди, и мурза Кайдаул признал в утопленнике атамана Ермака¹.

Эта весть мгновенно облетела все окрестные аулы, и многие пришли посмотреть на грозного и жестокого атамана, пролившего реки человеческой крови при завоевании Сибири, одно имя которого вызывало смертельный ужас и ненависть у местных жителей. Академик А. П. Окладников писал, что "Ермак явился объектом туземного культа как дух самого высокого ранга"². Сибирские кочевники наделяли Ермака еще при жизни сверхъестественной силой, мифическими чертами, считали его за бич божий, посланный для наказания живых. Летописи упоминают, что один человек даже сошел с ума при виде мертвого тела Ермака. В преданиях сибирских татар, казахов, других народов, казачий атаман, конечно, остался как жестокий завоеватель, превзошедший всех других своими беспощадными расправами над мирными жителями края. И в такой роли он остался в памяти коренных жителей Сибири.

Обнаженное тело Ермака положили на высокий помост, чтобы люди могли увидеть своего врага; совершая обряд, они пускали в него стрелы. Так продолжалось, по летописным сведениям, шесть недель. К телу мертвого врага прибыл и сам хан Кучум с близкими мурзами и также вонзил стрелу в труп. Оружие и одежду Ермака

¹ С точки зрения современной судебной экспертизы тело Ермака в железной кольчуге могло всплыть на 3—4 день и за последующие дни вполне могло быть отнесено течением реки за 40 верст.

² Окладников А. П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнографической интерпретации).— Сибирские огни, 1981, № 12, с. 133.

поделили между собой победители, так как считали, что они обладают чудодейственной силой. Кафтан взял себе Сейтек, пояс с саблей достался хитрому Караче, верхний панцирь отдали мурзе Кайдаулу, а нижний отправили в дар белогорскому шаману.

Лишь один Кучум не взял себе ничего от Ермака, чтобы ничто не напоминало ему о враге. Но он отдал должное своему противнику, похоронив его со всеми почестями. Даже мертвый, Ермак вызывал суеверный страх у кочевников: "Нарекоша его богом и погребоша по своему закону"¹.

Тело Ермака предали земле на Баишевом кладбище, недалеко от места находки, под "кудрявою сосною". Здесь хоронили ранее убитых за веру духовных лиц, шейхов, распространявших в Сибири ислам, над могилами которых были построены мавзолеи. Это кладбище превратилось в некрополь мусульманских святых, самых почитаемых в Сибири. Оно находилось возле аула Баиш, у устья реки Вагай².

В честь гибели Ермака Кучум дал большой ас, было забито 30 быков и 10 баранов, устроены скачки, борьба, стрельба из лука, другие воинские состязания. Кочевники, следуя своим древним традициям, чтит память выдающихся людей, в том числе и своих врагов. Это возвышало и самих кочевников, одержавших победу над грозным противником. Так хан Кучум отметил смерть своего самого кровного врага. Но и после среди жителей распространялись разного рода слухи о Ермаке как о человеке необыкновенном. Мусульманское духовенство решило тайно перезахоронить атамана, чтобы память о нем навсегда исчезла из сознания людей. И могила Ермака затерялась на сибирской земле.

Н. М. Карамзин следующим образом подвел итог жизни и деятельности атамана Ермака: "Конец горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили его: Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память!"³ Разумеется, с точки зрения официальной российской историографии, как прошлой, так и нынешней,

¹ Сибирские летописи, с. 346.

² Фиалков Д. Н. О месте гибели и захоронения Ермака.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Сибирь периода феодализма, вып. 2.— Новосибирск, 1965, с. 281—282.

³ Карамзин Н. М. Указ. соч., т. IX, гл. VI, с. 240.

Ермак — национальный герой, с горсткой казаков покрывший целое царство и преподнесший его России. Но изложенное выше показывает, что завоевание Сибири происходило “огнем и мечом”, истреблялись народы, погибали мирные люди, уничтожались поселения. Подчинялись Ермаку и приносили ему дань больше из страха перед человеком, бывшим сильнее Кучума; в большинстве же случаев местные жители оказывали казакам ожесточенное сопротивление. Практически все походы Ермака и его атаманов в Сибири: вниз по Иртышу до Оби, по Тавде, вверх по Иртышу сопровождались упорными боями и кровопролитными сражениями, в которых захватчики понесли большие потери, при этом погибли все пять главных атаманов. При завоевании Сибирского ханства пало куда больше, чем при покорении остальной части Сибири. Поэтому несостоятельны утверждения о мирном присоединении Сибири и цивилизаторской роли атамана Ермака.

У казахского народа сохранилось немало преданий и легенд, исторических поэм, связанных с фигурой Ермака. В одной из них — “Дастем-нама” — описываются кровавые “подвиги” казаков, сражения и гибель атамана в последнем бою:

Тірі ұста деп Жармақты,
Көшім хан айтты жарлығын.
Көрсетем деді жауызға
Кек дүниенің тарлығын.

Татар, казак, естектер,
Жармақтың қолын қырады.
Құтылтпай тірі ешбірін,
Қылышпен бәрін турады.

Кетпесің деп тіріліп,
Қанжармен ішін жарады.
Жармақтың бес жүз жендеті
Түгел қаза табады.

Бізді қыр деп мұсылман,
Шақырған жоқ Жармақты.
Қайта олардан Көшім хан
Бейбіт жұртын қорғайды.

Взять живым Ермака
Повелел хан Кучум.
Воздадим ему по заслугам
За кровавые злодеяния.

Татары, казахи и остяки
Уничтожили отряд Ермака.
Никто не спасся
От их острого меча.

Чтоб не ожили вдруг враги,
Вспарывали им животы.
Все пятьсот казаков Ермака
Нашли свою погибель.

Никто не звал их сюда
Сжигать наши мирные аулы.
И поэтому Кучум-хан
Защищал от них родную землю¹.

¹ Подстрочный перевод автора (прим. редактора).

В другом жyre, "Сатбек-батыр", рассказывается об истреблении Ермаком семьи главного героя. Батыр в это время отсутствовал дома. Вернувшись, он увидел чужих коней у юрты и понял, что это казаки. Сатбек отвязал коней и с топором в руках стал поодиночке убивать казаков, выходявших из юрты. Последним вышел сам Ермак. Завязалась схватка, и в этот момент оставшаяся в живых дочь батыра Батиш натравила на Ермака могучего волкодава, который и загрыз насмерть атамана.

Второе завоевание Сибири

Так назвал Н. М. Карамзин события, последовавшие вслед за гибелью Ермака, и это завоевание произошло уже силами вооруженных отрядов русского правительства. После занятия Искера в окружении Кучума вновь начались разногласия, некоторые мурзы, в том числе и Карача, переметнулись на сторону появившегося здесь Сейтека, вместе с которым пришли из степи казахские воины во главе с племянником хана Тауекеля Ораз-Мухаммед-султаном. Кучум и Али потерпели поражение и вынуждены были бежать из города. Сейтек занял столицу и восстановил власть тайбугинцев над сибирским юртом. Есиповская летопись сообщает, что при этом якобы Сейтек убил семь сыновей хана, что звучит неправдоподобно¹. Кучум, опережая события, заблаговременно покинул столицу и откочевал на юг, в верховья Есиля.

Между тем в Сибирь¹ прибыло новое царское войско во главе с воеводой Иваном Мансуровым, всего 700 человек. Подойдя к Искеру, воевода не решился штурмовать город и поплыл вниз по Иртышу и в месте слияния его с Обью основал осенью 1585 года Обский городок, где и зазимовал. На городок то и дело нападали местные князьки, но Мансуров отразил все атаки и вскоре вернулся обратно за Урал. Вслед за Обским городком в 1586 году на берегу реки Тура, на том месте, где была древняя столица Тюменского ханства Чимги-Тура, воевода Василий Сукин основал городок Тюмень. Место было выбрано очень удачно, городок встал на старинном торговом пути

¹ Сибирские летописи, с. 39, 84, 144, 223, 295.

с Урала в Сибирь и Среднюю Азию. На следующий 1587 год недалеко от Искера, в 15 верстах, при впадении Тобола в Иртыш воевода Данила Чулков построил Тобольский городок, где разместился сильный гарнизон. Такое соседство сильно беспокоило Сейтека, и он решил уничтожить новое поселение. Летописи по-разному передают события. По одной из версий, Сейтек решил пойти на хитрость: днем торговать в городке, укрыв воинов, чтобы усыпить бдительность русских, а ночью неожиданно напасть и захватить крепость. Однако русские разгадали его план, ранили Сейтека и взяли его в плен.

По другой версии, более достоверной, Сейтек и его гости охотились недалеко от Тобольска. Воевода Чулков пригласил их в гости, те посовещались и решили принять приглашение. С ними вошли в город около ста воинов охраны. Во время пира, когда воевода предложил гостям выпить за здоровье царя по полной чаше вина, непривыкшие к такому напитку гости не смогли осушить чашу до дна. Произошла ссора, переросшая затем в драку и вооруженную схватку. Сейтека, Ораз-Мухаммед-султана и сопровождавшего их придворного Кадыргали-бий Жалаири захватили в плен и позже отправили в Москву¹. Так, по замечанию историка П. И. Небольсина, "чарка вина сгубила Сибирь"². Оставшиеся за воротами крепости джигиты предприняли попытку освободить пленников, штурмовали городок, но безуспешно. Во время этого сражения погиб последний из атаманов Ермака Матвей Мещеряк. Случилось это событие летом 1588 года. Спутники Сейтека и Ораз-Мухаммед-султана покинули Искер и ушли в казахские степи.

Хан Кучум и его сын Али вновь заняли столицу, но ненадолго. Соседство с Тобольском представляло постоянную опасность, и вскоре Кучум навсегда покинул Искер, переселившись в барабинские степи за Иртышом. Город постепенно пришел в разрушение и позже частично был смыт водами бурного Иртыша. Там, где некогда была кучумова столица, наступило запустение, и только остатки древних валов и зданий напоминали о том, что здесь находился центр Сибири, ставка грозного царя Кучума.

¹ Сибирские летописи, с. 39, 90, 293, 294.

² Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 107.

Сегодня от Искера остались развалины только части городища размером 30×30 метров¹.

Тем не менее неустрашимый Кучум не примирился с потерей своего государства и бывшего могущества. После гибели Ермака и бегства казаков у него появилась надежда на восстановление своего господства в Сибири. Но появился откуда-то бродяга Сейтек и отнял у него Искер. Теперь нет и его, зато русские понастроили в Сибири у главных рек города и крепости и, похоже, основательно устраиваются в краю. Кучум решил не сдаваться и на протяжении еще почти десяти лет оставался единственным непримиримым противником русских в Сибири, продолжая сражаться с царскими воеводами.

Кучум прибегал к разным уловкам, то вступал в переговоры с воеводами, то вновь начинал нападения на крепости, обращался с грамотами к сибирским начальникам, и потом снова начинал военные действия. Терпя одно поражение за другим, упорный и нестигаемый, ставшим седым стариком Кучум все еще мечтал о возвращении власти в Сибири. Царь Федор Иванович звал его на русскую службу, требовал прекратить бесполезное сопротивление, изъявить покорность и добровольно сдаться в плен, но Кучум отвергал такие предложения. Он хотел быть независимым государем Сибири, как и прежде, но это не устраивало Москву.

Уже почти вся Сибирь принадлежала русским. Граница России проходила с севера по Оби, далее по Иртышу и Тоболу. Жители края были обложены данью в "тысячу-тысяч белок". Началась колонизация края. В 1590 году царь Федор Иванович издал указ о направлении первой партии крестьян в Сибирь: "Выбрати на житье в Сибирь тридцать человек крестьян с женами, детьми и со всеми их животы. А у всякого человека было бы по три мерина, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пять овец, да по двое гусей, да по пятеру кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь, да на подмогу им дати по двадцати рублей человеку"¹.

Летом 1590 года Кучум с отрядами напал на окрестности Тобольска, захватил в плен местных жителей, ко-

¹ Фялков Д. М. Отображение исторических памятников Западной Сибири на аэроснимках.— В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем, вып. I, с. 155—157.

Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 110.

торые платили дань русским, увел их в свои кочевья. Следующий набег он совершил на волости по Иртышу и снова захватил в плен русских данников, заставив их платить ясак себе. В ответ в августе 1591 года воевода Кольцов-Масальский неожиданно напал на кочевья Кучума у озера Шиели-Куль близ реки Есиль и взял в плен двух жен Кучума и сына Абулхайра.

Укрепившись на севере Сибири, царские отряды двинулись в южные степи, бывшие главной базой Кучума. В 1594 году воевода А. Елецкий с отрядом в 1500 человек при впадении в Иртыш реки Тары, на самой границе со степью основал Тарский городок, где оставил гарнизон из 500 стрельцов и казаков. Кучум стал нападать на окрестности городка и грабить жителей, уводить их в плен. Воеводы по приказу из Москвы вновь пригласили хана на русскую службу, просили дать в аманаты любого сына, взамен обещали вернуть из Москвы Абулхайра, но Кучум не соглашался. Он направил в Москву к царю своего посла Мухаммеда с грамотой, в которой требовал вернуть Сибирский юрт и племянника Мухаммед-кула. В этой просьбе ему отказали, так как понимали, что с ним Кучум сразу же развернет широкие военные действия по освобождению Сибири.

В барабинских степях Кучум значительно усилился за счет местных тюркоязычных кочевников, были в его отрядах и казахские воины. Рядом с ним неотлучно находились старший сын Али, батыры Суюндик и Улгули, есаулы Мамык и Сейткул. Кочуя в районе современного Омска, хан регулярно совершал набеги на сибирские земли, городки и крепости русских.

Кучум неоднократно обращался за помощью к ногайским мурзам и бухарскому хану Абдулле, прося вооруженной поддержки для совместной борьбы с Московской Русью. Абдулла отказал ему, ссылаясь на занятость борьбой с Хивой. Ногайские мурзы иногда присылали воинов и пригоняли коней, но эта помощь была незначительной. Своими же силами Кучум, разумеется, уже не мог изгнать русских из Сибири. Военное превосходство было на их стороне.

В 1595 году продолжались обоюдные сражения и взаимные набеги отрядов хана и царских воевод. Али и его 200 воинов стояли на Иртыше, на Черном острове, где поставили городок и зимовали. Сам же Кучум находился еще выше по Иртышу, в пяти-шести днях пути от стана

Али став табором из телег и повозок. Воевода Б. Доможиров, узнав об этом, во главе отряда из 267 человек, внезапно напал на Али, разбил его, захватил 60 человек и сжег городок.

Несмотря на такие потери, воинственный хан продолжал воевать с русскими и другими соседями. Так, в 1596 году Кучум имел бой с калмыками у озера Ик-куль. Вскоре в Тару поступили сведения, что хан зимует в двадцати днях пути от города. В поход снова направился воевода Б. Доможиров с 483 стрельцами и казаками. Ему удалось неожиданно напасть на кучумов городок Тыныс, сжечь его, обложить непокорные волости ясаком. Сам хан успел спастись¹.

По мере роста неудач Кучума росли и разногласия среди его близких родственников и мурз. Этому в немалой степени способствовали и царские власти, приглашая их на русскую службу, обещая взамен милости и награды. Тем самым они вносили раскол в его окружение. Первой стала отходить от него местная знать, потомки тайбугинцев, затем ногайские мурзы и беки, а в 1595 году к своему сыну в Москву выехала мать Мухаммед-кула с близкими родственниками и мурзами, всего 38 человек.

Другие же ушли с согласия хана вместе с женами и детьми в составе торгового каравана в города Средней Азии и Южного Казахстана, на службу к бухарскому хану шейбаниду Абдулле². Нужно отметить, что, несмотря на войну с Русью, связи Кучума с Бухарой и Ногайской Ордой не прерывались, к нему в иртышские и есильские степи регулярно приходили купеческие караваны, вели торговлю в его кочевьях, зимовали у него и шли дальше в зауральские города русских³.

Одна из старых жен Кучума по имени Симбуле, мать его сына Каная, из знатного бухарского рода, переселилась в город Сауран близ Туркестана. Победенный Кучум испытал все, что влечет за собой превратное воинское счастье. Хана покинули 300 мурз и беков с семьями, разочаровавшиеся в нем, понявшие, видимо, бесперспективность дальнейшего сопротивления. Пока Кучум был на вершине власти, они старались приблизиться к нему, заслужить его милость, а теперь торопились покинуть его.

¹ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 120—121.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, часть I.— Л., 1933, с. 298.

³ Бахрушин С. В. Научные труды, т. IV, с. 197.

Даже сын Канай после ухода матери и брат Симбуле Елитен отделились от хана и стали кочевать вдали от него.

Тем не менее Кучум продолжал оставаться серьезным соперником Руси в Сибири. И, пока он был жив и на свободе, Москва не могла оставаться спокойной за свои сибирские владения. Поэтому было решено вновь попытаться привлечь его на царскую службу и таким образом закончить войну, приняться за мирное хозяйственное освоение нового края. Эта идея принадлежала близкому к государю Федору Ивановичу боярину Борису Годунову, будущему царю России.

В 1596 году Кучуму была направлена пространная и длинная по содержанию царская грамота. Начиналась она с экскурса в историю, царь напоминал, что бывшие до него сибирские владетели тайбугинцы платили государю дань, и он, Кучум, вначале тоже платил, а затем “непослушником учинился”, на Пермь ходил много раз, сына боярского, царского посла Третьяка Чубукова убил, “многие грубости и неправды чинил”. Далее царь хвастался своей силой, говоря, что даже гордая Казань и богатая Астрахань подчинились ему, не то что Сибирь, и напоминал о победах сибирских воевод и поражениях Кучума: “Ты стал казак, изгнанник, одинокий, оставлен всеми; жизнь твоя висит на волоске...” Царь приглашал Кучума в Москву на службу, сулил большие земельные владения, обещал вернуть ему власть в Сибири, если он признает себя российским поданным: “Я готов хоть и в Сибирь тебя отправить, готов пожаловать тебе юрт, сделать тебя царем Сибири... но прежде покорись”. В грамоте приводились примеры с Мухаммед-кулом и его матерью, их близким родственником Шын-Мурзой Жусуповым, которые поступили на царскую службу, живут в Москве и ни в чем не нуждаются, хотя и попали в плен и были достойны сурового наказания. Послание заканчивалось словами: “На твои прежние грубости и неправды не смотря... наше царское, жаловальное слово тебе объявляем, чтобы ты, Кучум царь, ехал к нашему царскому величеству служить... А как у нашего царского величества будешь и наши царские очи увидишь — и мы тебя пожалуем своим царским великим жалованьем. И похочешь... быти здесь, в нашем государстве московском, при наших царских очех — и мы тебя пожалуем своим царским жалованьем, устроим велим города и волостями и

денежным жалованьем, по твоему достоинству, также как и иных Царей и Царевичей жалуюм, которые служат нашему Царскому Величеству. А будет, быв у нас, и наши царские очи увидев, похочешь быти на прежнем своем Юрте, в Сибири, и мы, великий государь, тебя, Кучума царя, пожалуем на сибирской земле царем и в нашем царском жалованьи учнем тебя держати милостиво”¹. Ответа от Кучума на это послание не последовало.

В 1597 году проживавшие в Москве сын Кучума Абул-хаир и его племянник Мухаммед-кул по приказу царского правительства написали новую грамоту Кучуму. В ней они рассказывали о своей жизни, о том, что они приближены к царю и обласканы им, удостоены царских милостей и наград, призывали Кучума в знак доброй воли прислать в Москву в аманаты одного из сыновей, “покрыть свои вины”. От имени царя и правительства ему снова были предложены две возможности — приехать добровольно в Москву и поступить на царскую службу, или, если он признает русское подданство, царь вернет ему сибирское владение: “...будет похочешь быти при царском величестве, при его пресветлых очах и великий государь и царь и великий князь Федор Иванович всея Руси самодержец тебя пожалует своим царским жалованьем, города и волостями и денежным жалованьем по твоему достоинству... А похочешь быти на своем юрте, в Сибири, и царское величество тебя своим жалованьем пожалует — в сибирской земле царем велит быти”².

Хану от имени царя Федора Ивановича составили грамоту, гарантировавшую безопасный проезд и царскую милость. Однако эти послания, по мнению ученого Р. Г. Скрынникова, видимо, не дошли до Кучума³. Можно только предполагать, отчего произошло такое. Возможно, планы московского правительства расходились с намерениями сибирских воевод. Если в Москве надеялись мирными средствами склонить Кучума к русскому подданству и даже оставить его на ханском троне в Сибири как своего вассала, то сибирские воеводы, наверное, не питали таких надежд в отношении Кучума, зная его характер и неуступчивость в вопросах власти. Да им, наверно, и просто не хотелось иметь под боком в Сибири такого вассала,

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 278; Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 122—124.

² Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 125.

³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака, с. 275.

как Кучум. Поэтому они склонялись к военному разрешению “проблемы Кучума” и сумели подстроить так, что царские грамоты не попали в руки старого, доживавшего свой век хана.

В 1597 году Кучум сам обратился с грамотой к тарским воеводам, где интересовался, нет ли насчет него каких-нибудь решений из Москвы. В грамоте он по-прежнему называет себя царем: “Бог богат! От вольного человека, от Кучума царя, боярам, а слово то: что есте хотели со мною поговорити? Вам от государя своего, от Белого Князя, о том указ есть ли? И будет указ есть — и мы поговорим, и его слово приятно учиним...” Далее Кучум просил вернуть ему некоторые из захваченных его вещей и предоставить пастбища близ Иртыша: “Желая мира, требую Иртышского берега”. Потеряв к старости зрение, почти слепой, хан просил также тарских воевод оказать ему милость и возратить перехваченную воеводами мазь для глаз, “выюк с лекарством”, который вез в бухарском караване посол Саин от хана Абдуллы: “Очи у меня были больны и с Послы были зелья, да и роспись тем зельем с ними ж была”. Хан писал, что если воеводы выполнят эти три его просьбы, то он им поверит, “слово ваше будет истинно”, и тогда разрешал прислать для переговоров послов Суюндика и Бахты-Ораза и переводчика Богдана. В заключение хан выражал неопределенную надежду о возможном примирении с русскими: “А от Ермакова приходу и по ся места пытался встречно стояти! А Сибирь не сам отдал, сами взяли! И ныне попытаем миритца — либо будет на конце лутче. И яз хочу правдою помириться, а для миру на всякое дело снисходительство учиню”¹.

Судя по тексту кучумовой грамоты, старый хан был готов к какому-то компромиссу, фактически признавал свое поражение и безнадежность дальнейшего сопротивления, но не мог просто так сложить оружие и капитулировать. Неписанный этикет чингизида не позволял этого сделать, иначе Кучум потерял бы всякий авторитет в глазах своих подданных и других государей. Поэтому он и спрашивал, не пришла ли из Москвы царская грамота насчет него с какими-нибудь мирными предложениями и вариантами переговоров,

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 477; Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 121—122.

которые устроили бы его. Но воеводы, видимо, утаили от него царские послания и сообщили правительству о неуступчивости Кучума и необходимости его военного разгрома¹.

Последний бой Кучума

Кучум, изгнанный русскими отрядами в степной район, в междуречье Иртыша и Оби, по-прежнему оставался главным противником Московского государства в Сибири. Со своими сторонниками он продолжал нападать на укрепления царских войск, на волости, где проживало местное население, платившее ясак русским властям. Попытки склонить хана к русскому подданству не увенчались успехом и, уступая настойчивым требованиям сибирских воевод, правительство приняло решение об уничтожении Кучума.

Поход против Кучума состоялся в августе 1598 года по приказу нового государя Бориса Годунова. Царская грамота была привезена в Тару 1 августа, а уже 4 августа воинский отряд выступил в поход. Грамота предписывала тарскому воеводе Андрею Воейкову возглавить отряд и вернуть в русское подданство волости, платившие ранее ясак в Тару. Подготовка к походу в степь велась заранее, и к моменту прибытия царской грамоты все было уже готово. Отряд состоял из 405 хорошо вооруженных воинов, опытных и закаленных стрельцов и казаков. Вместе с воеводой А. Воейковым отряд возглавляли три атамана казачьих, три "сына боярских" и предводитель местного ополчения. Почти половину войска составляли тарские, тобольские и тюменские служилые люди. Кучум своими постоянными нападениями на местные волости нажил себе немало врагов в среде местного населения, поэтому оно активно участвовало в походе против вчера еще грозного сибирского правителя, а сегодня кочующего с остатками своего улуса вдаль от русских крепостей.

¹ Каргалов В. В. пишет, что Кучум якобы "слезно молил Москву принять сибирский юрт "под царскую высокую руку", но коварному хану не поверили" (Полководцы..., с. 305). Характер переписки показывает, что инициатором примирения выступала Москва, а хан до конца вел себя с достоинством и не уронил своего звания.

Отряд воеводы А. Воейкова 4 августа 1598 года выступил из Тары и быстрым маршем направился в юго-восточном направлении, в сторону Убинского озера (ныне это территория Новосибирской области). 10 августа к воеводе пришли перебежчики из Турашской волости и сообщили ему, что Кучум велел им находиться у озера, а сам кочует в долине реки Карасуык. Всего с ним около 500 человек и 50 бухарских торговцев. О походе против него он не знает. Получив ценные сведения, Воейков 15 августа прибыл к озеру Уби и здесь узнал, что Кучум с людьми ушел к Оби, где у него были пашни, поспевал хлеб.

Вскоре царский отряд сумел захватить в плен несколько воинов, которые под страшными пытками показали, что Кучум собирается напасть на Ялыньскую и Каурдацкую волости у Тары. Кроме того, они также сообщили, что за два дня пути до ставки самого хана, у озера Ик, находятся 30 семей кучумовых людей. Туда направился отряд из 40 конных казаков и 60 тобольских служилых во главе с боярскими детьми Моисеем Глебовым и Федором Лопухиным, с ними отправился и глава местного ополчения Черкас Олександров. Они внезапно напали на кучумовых людей у озера Ик и уничтожили их. Пять человек были доставлены к воеводе Воейкову и после пыток сообщили, что около 20 семей сторонников Кучума кочуют на расстоянии одно-двухдневного пути от лагеря хана. Воейков решил совершить неожиданное нападение на лагерь Кучума, не дав ему возможности подготовиться к бою, учитывая, что у него больше людей и они продолжают прибывать к нему для набега на окрестности Тары. Для обеспечения внезапности нападения отряд двигался с большой скоростью и с хорошо налаженной разведкой, роль которой выполняли авангардные группы, шедшие впереди основных сил. При этом опытный воевода удачно использовал конные отряды казаков для нанесения неожиданных ударов по ничему не подозревавшему противнику. От озера Ик Воейков направил тарских конных казаков и служилых людей во главе с Глебовым и Лопухиным, приказав им ночью напасть на кочевья, расположенные вблизи ставки хана, с тем чтобы те не успели сообщить Кучуму о приближении отряда. Глебов и Лопухин успешно справились со своей задачей, перебив всех людей хана, находившихся на подступах к лагерю. Теперь ничего не

мешало тарскому отряду скрытно подобраться к ставке самого Кучума.

Место, где произошло последнее сражение между Кучумом и царским отрядом воеводы А. Воейкова, установлено совершенно точно. Воевода писал позже в донесении царю о результатах похода: "А сам я холоп твой, покиня кош свой на Ике озере, и пришел на Кучума царя, наспех, и день, и ночь, и спол Кучума царя на Оби на реке, выше Чат три днища, на лугу Ормени, от калмаков в дву днищах"¹. Это место расположено в долине Оби, на берегу реки Ереймен, левом притоке Оби (недалеко от современного города Новосибирска).

Ранним утром 20 августа отряд А. Воейкова неожиданно напал на спящие аулы Кучума. Для хана и его воинов это явилось полной неожиданностью. Они не могли себе представить, что так далеко от Тары и Тобольска, на берегу Оби, где они считали себя в безопасности, могли появиться русские отряды. Кучум, много лет воевавший с казаками и стрельцами, царскими отрядами сибирских воевод, хорошо знавший их, казалось, должен был быть всегда начеку, понимая, что имеет дело с жестоким и хитрым врагом, многому научившимся у самого хана. Но, к сожалению, на этот раз Кучум оказался в роли Ермака, который также в свое время потерял бдительность и погиб в неравном ночном бою.

Вооруженные пищалями, луками со стрелами и пиками, конные и пешие воины отряда воеводы Воейкова начали избиение не ожидавших нападения кучумовых людей, стараясь не дать им возможности вырваться из окружения и уйти за реку Ереймен или за Обь.

Чем выше поднималось северное солнце, тем жарче разгоралась битва, в которой с обеих сторон участвовало почти тысяча человек. Это было последнее сражение Кучума с царскими отрядами. Воейков стремился взять в плен самого непокорного хана Кучума, его семью и приближенных, так как это имело бы большое политическое значение в правительственных планах окончательного завоевания Сибири. Рядовых воинов хана не щадили, их в кровопролитном бою погибло 150 человек. Около ста воинов Кучума бросилось в Обь, надеясь найти спасение на другом берегу реки. Большинство из них утонуло, остальных расстреляли в воде из ружей и луков. Около 50

¹ Синяев В. С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г.— В кн.: Вопросы географии Сибири. Сборник второй.— Томск, 1951, с. 146.

воинов хана с боем прорвались сквозь строй казаков и стрельцов и поскакали на север вдоль Оби. В погоню за ними направились боярские дети Моисей Глебов и атаман Третьяк Жареный с 40 тарскими конными казаками и 30 пешими стрельцами, которые через два дня догнали их и всех до одного уничтожили. В битве было взято в плен 50 рядовых воинов хана, но их всех по приказу воеводы расстреляли и повесили. В бою погибли брат жены хана Елитен, два сына Али, внуки Кучума, 6 князей, 10 мурз и 5 аталыков. Всего погибло 370 воинов Кучума.

Более 30 человек, членов ханской семьи, взяты в плен, в том числе пять сыновей Кучума: Асманак 30 лет, Шаим 20 лет, Бипатша 8 лет, Молла 4 лет и Кумис, которому было всего один год. Попали в плен также восемь жен и восемь дочерей хана. Среди них старшая жена Кучума по имени Салтаным с дочерью Тулунбек 3 лет; вторая жена Суйдимжан с дочерьми Дерпатша 10 лет, Молдир 6 лет и Каражан трех лет; жена Жан-Даулет без детей; Актулун с дочерью Гулсыфат 14 лет; Аксуйрик с дочерью Акханым трех лет; Шеулели с дочерью Азеп-Салтан 11 лет; Кабыл-царица; Шапшан-ханым, мать попавшего в плен еще в 1591 году Абулхайра. В плену очутилась также еще одна дочь Кучума по имени Кумис, 14 лет.

Были взяты в плен жена Али Ханзада с сыном Хансюрером четырех лет и жена другого сына хана — Каная по имени Данай с дочерью Наурыз-бек. Захватили также детей Кучумова зятя, ногайского князя Бек-мурзы, убитого в бою, сына Жиен-Мухаммеда с сестрой Лалтоты, то есть внуков хана. Были взяты в плен и некоторые из ближайших мурз Кучума — Байтерек, Тока, Есенгельды и Караулды¹. К обеду сражение закончилось полным разгромом ставки хана и пленением его близких.

Но самого хана Кучума не оказалось ни среди убитых, ни среди пленных. Некоторые говорили, что он якобы утонул в Оби, другие утверждали, что он уплыл в лодке на другую сторону реки. Воейков направил людей на правый берег реки, но ни на островах, ни в прибрежных лесах Кучума не нашли. Хитрый хан и на этот раз сумел ускользнуть из русских рук, правда, потеряв при этом почти всю семью. После неудачных поисков Воейков привел к присяге приближенного хана по имени Тул-Маметсеид и поручил ему разыскать Кучума, сообщить ему, что

¹ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 129.

в Москве новый царь Борис Годунов, он готов его простить, пожаловать царским жалованьем, вернуть детей и жен, если Кучум сдастся и поступит на русскую службу.

Простояв на Оби пять дней, 25 августа воевода А. Воейков со своим отрядом, пленными и добычей двинулся в обратный путь к Тарскому городку, куда прибыл в начале сентября. За этот кровавый поход воеводу наградили золотой медалью, а всех участников — деньгами. В Москве по случаю победы над ханом звонили все колокола, служили торжественные молебны в церквях и храмах. Посланный на поиски бежавшего Кучума Тул-Мамет-сеид нашел хана за Обью, в лесу, в двух днях пути от места сражения. Вместе с ним были сыновья Али, Канай и Азим, человек тридцать людей, спасшихся от истребления казаками и стрельцами. Оказалось, что в самом начале битвы, пользуясь наступившей суматохой, хан с двумя слугами сумел добраться до реки и на лодке скрыться на другой стороне Оби.

На предложение Тул-Мамет-сеида перейти на службу к русскому царю, гордый хан непреклонно ответил: "Не поехал я сам к государю, по государственной грамоте, по государеву зову, пока я еще был человеком, так уже теперь мне идти на верную смерть что за неволя? Я уже и стар, и глух, и слеп, и совсем пропал! Отняли вы у меня, старика, и последнюю опору, сына моего кормильца Асманака-царевича. Лучше бы вы у меня всех моих детей поотняли, да Асманака мне одного оставили. Ну, что я без него теперь? Пойду к ногаям, а сын пускай идет в Бухары..."¹ Таким образом, чингизид Кучум-хан посчитал для себя унижительным сдаваться в плен после военного поражения от царского отряда, отказался капитулировать и прекратить вооруженную борьбу.

Такой поступок старого хана вызывал уважение и у его врагов. Так, историк П. И. Небольсин отмечал: "Кучум неуступчиво боролся с Ермаком; в борьбе этой он никогда не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, не падал ниц перед покорителем, мстил ему, сообразно с духом времени, и тайно и явно, сколько позволяли силы и возможность, и наконец, семнадцать лет скитаясь по степям, он, в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольною передачею к тем, кого считал своими притесни-

¹ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 129.

телями и врагами... Кучум действовал сознательно... он был враг сильный и опасный..."¹.

Возможно, Кучум надеялся в Ногайской орде и Бухарском ханстве найти помощь, набрать воинов и снова начать войну за возвращение своего сибирского владения. Об этом говорит тот факт, что хан, отправляя Каная в Бухару, сильно сожалел о потере другого сына Асманака, говоря, что лучше бы все его дети попали в плен, но остался бы цел Асманак, и он еще бы прожил с ним. Еще недавно могущественный сибирский хан, из славной династии шейбанидов, которая владела Бухарским, Сибирским и Хивинским ханствами, не желал признавать своего окончательного поражения.

Вместе с Тул-Маметом Кучум вернулся на поле битвы и в течение двух дней хоронил своих погибших воинов, затем вместе с уцелевшими близкими ушел вверх по Оби, в кочевья калмыков.

В результате похода тарского воеводы Андрея Воейкова и сражения на Оби 20 августа 1598 года ханство Кучума было окончательно уничтожено и никогда уже больше не возродилось. Продолжавшие после его смерти борьбу дети и внуки не представляли серьезной угрозы для русского господства в Сибири. В состав России вошли оседлые и полuosедлые тюркоязычные племена под названием "барабинские татары", которые становились отныне подданными царя. По северу барабинской степи стала проходить граница Русского государства. Южнее нее располагались кочевья калмыков, ставших после разгрома Кучума главными противниками царизма в Сибири, между Иртышом и Обью. Междуречье Иртыша, Есиля и Тобола до Уральских гор вошло в состав Казахского ханства, которое вплотную приблизилось к русским владениям в Сибири.

Н. М. Карамзин так написал об этом событии: "Истребление Кучума, первого и последнего Царя Сибирского, если не могуществом, то непреклонною твердостью в злощастии достопамятного, как бы запечатлело для нас господство над полунощною Азией"². Россия твердой ногой стояла в Зауралье, продвигаясь все дальше в Сибирь и

¹ Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 136.

² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. XI, гл. I, с. 17.

захватывая все новые и новые территории у местных народов.

Разгром Кучума и окончательное вхождение Сибирского ханства в состав России произвели огромное впечатление и в Европе, которая, затаив дыхание, следила за неравным поединком двух стран и государей. Например, германский император Рудольф в грамоте от 1600 года поздравил Бориса Годунова с этой победой: "Да похваляем и радуемся, что Ваша любовь победили Тотарское Сибирское царство"¹.

Обескровленное и потерявшее лучших воинов и батыров, мудрых биев, Сибирское ханство на рубеже XVI—XVII веков окончательно стало легкой добычей набиравшего грозную силу Московского государства. Сибирское царство Кучума разделило трагическую судьбу Казанского и Астраханского ханств, Ногайской Орды, позже и Крымского ханства, которые были проглочены ненасытной Россией, превратившейся в евроазиатскую Великую колониальную империю.

¹ Пресображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в., с. 53.

Глава V

СУДЬБА КУЧУМА. БОРЬБА ЕГО ПОТОМКОВ ПРОТИВ РОССИИ

Какова дальнейшая судьба бывшего хана Сибири Кучума; куда пошел наш герой после битвы у Оби; кто был с ним рядом в последние дни его жизни; где он погиб и каким образом; где похоронен Кучум — все это представляет для нас загадку. Достоверных документов нет, кроме отрывочных и неопределенных сведений, свидетелей его смерти тоже нет, конец его жизни покрыт мраком неизвестности, и тайну своей смерти Кучум унес с собой¹. Как начало, так и конец почти 80-летней жизни Кучума останутся для историков неразрешимой загадкой.

После поражения на берегу Оби Кучум, по свидетельству русских летописей, направился вверх по реке Тура, где находились кочевья племени калмык. Калмыки его хорошо приняли и Кучум некоторое время кочевал у озера Нор-Зайсан. Дети его оставались у Тобола и Есиля. Затем Кучум решил вернуться в есильские степи, где надеялся соединиться с семьей и найти новых людей. Потеряв в бесконечных сражениях все имущество, оставшись даже без лошадей, Кучум и его спутники, словно степные барымтачи, угнали у калмыков коней, нарушив тем самым степной закон гостеприимства. Обнаружив пропажу лучших лошадей из табуна, причем от Кучума,

¹ Хан Кучум не единственный, могила которого до сих пор неизвестна. Например, неизвестно место гибели и захоронения хана Золотой Орды Токтамыса и его противника — основателя Ногайской Орды Едыге и др.

оскорбленные калмыки пустились в погоню и догнали его у озера Коргалжин¹. В происшедшей стычке многие люди Кучума были убиты и захвачены в плен. Сам он бежал к ногаям, видимо, надеясь, что, благодаря родственным связям, те его приютят, дадут кров и спасение, и полагая, что сможет отсидеться у них до лучших времен, а может быть, престарелый хан смирился со своей судьбой и решил остаток своей жизни спокойно провести где-нибудь вдали от шумных городов, в степных кочевьях, затерянных в бескрайних просторах Сары-Арки.

Почему же Кучум не бежал в Бухару, к своим родственникам шейбанидам? Две причины мешали этому. Во-первых, правящие круги Бухары были крайне недовольны им как не оправдавшим их доверия ханом, бесславно потерявшим свое ханство и тем самым лишившим бухарским торговцев притока мехов, охотничьих соколов и кречетов, а также рабов и пленников из сказочно богатой Сибири. Кому был нужен в Бухаре старый человек, пусть даже ханского звания, но без царства, без имущества, без воинов? В Бухаре ценили сильных, богатых и удачливых людей, а неудачников там и своих хватало. Во-вторых, Бухаре в это время было не до него. В августе 1598 года, когда Кучум потерпел окончательное поражение на Оби, казахский хан Тауекель и его брат султан Есим, узнав о смерти последнего шейбанидского хана Бухары Абд ал-Мумина и о наступивших вслед за этим безвластии, смуте и беспорядках, об отсутствии достойных претендентов на ханский трон, с огромным войском в 100 тыс. человек выступили из района Алатау на юг, для завоевания Мавераннахра. В короткий срок братья захватили почти весь Туркестан, взяли города Ташкент, Самарканд, штурмовали столицу ханства Бухару². Естественно, в такой ситуации Кучум не мог пойти туда, поскольку все дороги были перекрыты его давними противниками — казахскими ханами и султанами, с которыми Кучум враждовал всю свою жизнь.

Кучуму не оставалось ничего другого, как идти к ногаям или калмыкам. Но и там его не ждали, и никому он в Ногайской и Калмыцкой Орде не был нужен, да и попросту был опасен для них. Есиповская летопись сооб-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 299.

² Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. — Алма-Ата, 1985, с. 84—85.

щает, что ногаи убили Кучума, опасаясь, как бы русские, узнав, где скрывается Кучум, не пришли к ним и не сделали с ними то же, что и с Кучумом. А Ремизовская летопись сообщает, что ногаи убили Кучума за то, что отец его Муртаза и он сам в свое время причинили немало зла ногаям, убили много безвинных людей и пролили их кровь¹. Сын же Кучума Канай утверждал, что бухарцы обманом заманили его к калмыкам предложением быть у них ханом, и как только Кучум прибыл к ним, вероломно убили его сразу же по прибытии. Это случилось вроде бы в 1601 году². Но большинство источников и исследователей сообщают, что Кучум погиб все-таки в Ногайской Орде, где-то в верховьях рек Нуры и Есиля³.

О чем думал Кучум перед смертью, можно только предполагать. Может быть, о бескрайних, зеленых просторах Сибири, о широком Иртыше, о своей столице Искере, о любимых женах и сыновьях, которым он завещал мстить за свою жизнь. Но, скорее всего, призрак Ермака стоял у него перед глазами и последними словами в жизни неукротимого старца хана Кучума были проклятья своему смертельному врагу, лишившему его всего: и ханства, и богатства, и власти, и близких ему людей.

Так окончилась трагическая и бурная жизнь последнего хана Сибири, жизнь, полная приключений, борьбы, сражений и битв, измены и коварства, невозвратных потерь, жизнь, которой хватило бы на нескольких людей.

Неизвестно точное место гибели и захоронения Кучума, и вообще — был ли он похоронен по мусульманскому обычаю? Можно предполагать, что Кучум — высокородный чингизид, прямой потомок самого Чингиз-хана, Джучи и Шейбана, представитель династии шейбанидов — завоевателей Средней Азии, конечно же, должен был быть захоронен с почестями, подобающими человеку его происхождения.

Выскажу свое предположение. Конечно, к концу своей жизни Кучум был уже дряхлым стариком, полуслепым, скитавшимся по степи без войска. В какой-то мере Кучум повторил судьбу уже упоминавшихся могущественных людей своего времени, управлявших Золотой Ордой, этой гигант-

¹ Сибирские летописи, с. 146, 161, 352.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 28.

³ Краткий очерк завоевания и заселения Сибири. с. 9.

ской евроазиатской империей,— эмира Ногай, темника Мамай, хана Токтамыса и бия Едыге, также к концу жизни потерявших власть, силу и погибших в неизвестности.

Но по древней степной традиции чингизиды пользовались огромным авторитетом, влиянием и властью, а в XVI веке культ Чингиза был еще очень высок и его потомки считались верховными правителями всех степных государств. Например, в Бухарском ханстве после событий 1598 года и падения династии чингизидов-шейбанидов на трон сели другие чингизиды — ханы из потомков Джучи — аштарханиды (или джаниды), прибывшие в Среднюю Азию из захваченной русскими войсками Астрахани, откуда они вначале бежали на полуостров Мынкыстау, а затем уже пришли в Бухару занять опустевший ханский трон. Таковы были неписанные традиции того времени.

Известный казахстанский историк В. П. Юдин с полным основанием утверждал, что “чингизизм” явился глубочайшей идейно-психологической революцией в сознании кочевников, своеобразной новой религией, сформировав совершенно новое представление у своих современников и поэтому был живуч даже до XIX—XX вв.¹ Так, казахскими ханами вплоть до первой половины XIX века были только прямые потомки внука Чингиз-хана, тринадцатого сына Джучи Тука-Тимура. По неписаной степной традиции отцовское наследство всегда остается младшему сыну. Опираясь на эту древнюю традицию всех кочевников, казахские ханы поэтому считали себя законными владельцами улуса Джучи — территории от Иртыша на востоке и на запад, до самой Волги.

Вернемся к Кучуму. Он, хотя уже и мертвый, имел к тому же славу бесстрашного хана, который в одиночку в течение 15 лет оказывал сопротивление Русскому государству, успевшему незадолго до этого покорить некогда грозную Казань и захватить богатую Астрахань. А это не могло не вызывать уважения и восхищения у его современников. Поэтому Кучум, несмотря на все обстоятельства и свою трагическую судьбу, должен был быть захоронен со всеми почестями, как и подобает чингизиду, человеку знатного происхождения, погибшему за веру в кровопро-

¹ Казахстан: Средняя и Центральная Азия в XV—XVIII веках, с. 108—109; см. также: Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории).— Алма-Ата, 1981, с. 143—144.

литной войне с христианами и защищавшему весь мусульманский мир, а не только свою Сибирь.

Где же может находиться могила Кучума? Археологическими раскопками установлено, что родовое кладбище шейбанидских ханов находилось в степи недалеко от современной станции Варна Южно-Уральской железной дороги в Челябинской области, в 180 км. от города Рудного, между озерами Большой и Малый Кесене. Археологические раскопки показали, что на этом месте находился гигантский некрополь эпохи Золотой Орды, где были захоронения золотоордынской знати. До нашего времени сохранился единственный памятник той эпохи под названием "Башня Тамерлана" или "Мавзолей Кесене".

Памятник расположен на возвышенном месте среди степи, при впадении речки Тогузак в реку Уй, сложен из обожженного красного кирпича. На квадратном основании возведен высокий двадцатигранный барабан с пирамидой почти 20-метровой высоты. В южной ее части расположен вход, имеющий форму стрельчатой арки. С восточной стороны имеются два небольших окна. Ученые и археологи считают эту башню очень интересным и важным в историко-архитектурном отношении памятником далекого прошлого Казахстана. Так, известный казахский историк и теоретик архитектуры, зодчий М. М. Мендыкулов считал, что это надгробное сооружение, мавзолей золотоордынской знати¹. Народные легенды связывали историю этого памятника с именем грозного завоевателя средневековья Тимура, который со своим войском проходил здесь в конце XIV века, направляясь походом против хана Золотой Орды Тохтамыша. Однако, ученые считают, что мавзолей воздвигнут во второй половине XVI века, когда Тимура уже давно не было в живых.

Таким образом, истинное назначение памятника пока еще не известно. В 1889 году впервые были произведены археологические раскопки внутри мавзолея. На метровой глубине удалось обнаружить женский скелет, рядом лежали золотые серьги с жемчужинами и яхонтами, а на руках золотые перстни с зеленовато-голубыми камнями восточного происхож-

¹ Новожилов Г. Архитектурные памятники Казахстана.— Алма-Ата, 1968, с. 11—14.

дения. Череп носил ясные черты монгольского типа. Недалеко от этого скелета были найдены два других человеческих черепа, также монгольского типа, бараньи кости и деревянный шокпар¹.

Таким образом, можно предположить, что некогда грозный хан Сибири шейбанид Кучум мог быть захоронен на своем родовом кладбище, неподалеку от мавзолея Кесене, там, где находились в то время другие могилы представителей этой династии.

Оставшиеся в живых родственники Кучума похоронили его и бежали от ногаев. Около 300 мурз и других людей вернулись в Сибирь, пришли в Тобольск, сдались русским властям, крестились и поступили на царскую службу, получая за это 15 руб². Но не все родственники Кучума пошли служить сибирским воеводам. Оставшиеся на свободе потомки хана, его сыновья и внуки, продолжали бороться против царских отрядов, захватов территории, строительства новых крепостей и поселений, переселения крестьян из России в Сибирь. Практически всю первую половину XVII века кучумовичи продолжали бороться за восстановление своего государства, не мирясь с потерей Сибирского ханства.

Главной опорой детей Кучума стали теперь казахские племена, а также ногаи, калмыки, башкиры-табынцы и башкиры-зырянцы, другие сибирские народы, которые видели в них по-прежнему законных владетелей Сибири. Все недовольные русским завоеванием бежали к ним, у них искали защиты и поддержки.

Некоторые из детей Кучума породнились с ногайскими мурзами и калмыцкими тайшами, вместе совершали нашествия на пограничные русские волости, укрепления, деревни и села, захватывали пленных и угоняли скот. Так, сын Кучума султан Есим женился на дочери влиятельного тайши Урлюка (который позже во главе калмыков-торгоутов перешел на Волгу). От этого брака родился богатырь Аблай-Керей, в свое время также воевавший с царскими отрядами. Сам Есим в 1601 году добровольно приехал в Уфу и перешел на русскую службу, где его хорошо приняли. Он даже написал своим братьям, чтобы

¹ Токтабаев Ахмет. Кесене мазары.— Казах адабиети, 1988, 2 декабря.

² Сибирские летописи, с. 353.

те прекратили сопротивление и пришли к русским. Братья в это время стояли на реке Тобол, у местности Ара-Карагай. Однако сам Есим, отправленный поначалу в Москву, а через несколько лет вернувшийся в Сибирь, вскоре снова включился в борьбу с сибирскими воеводами и умер в 1624 году¹.

Кочевья детей Кучума располагались на территории современного северного Казахстана, по рекам Тобол, Есиль и Иртыш, доходили до Яика и Уфимского уезда. Так, в 1600 году четыре сына Кучума — Али, Канай, Азим и Кубей-Мурат находились в верховьях Есиля, с ними было около 250 табынцев и зырянцев, бежавших из Тюменского и Уфимского уездов. Двое из них, Канай и Азим, кочевали между реками Есиль и Обаган со 150 табынцами, а старший сын Кучума Али с 300 башкирами-зырянцами оставался на Есиле, затем кочевал у озера Шубар-коль, между реками Обаган и Тобол, возле устья реки Уй. В 1603 году кочевье Али переместилось в район озера Шортанды у подножья гор Кокшетау, в пяти днях пути от Тюмени; с ним было много аулов башкир-зырянцев. Отсюда они совершали набеги на сибирские земли.

Весь 1600 год шли переговоры между детьми Кучума и русскими властями об условиях подчинения России. Али отправил своего младшего брата Кубей-Мурата в Тобольск для переговоров, но его там задержали и отправили в Москву².

Борьбу вначале возглавил старший сын Кучума султан Али. В 1601 году он был провозглашен ханом, но многие его не признали, так как его мать была незнатного происхождения. Хотели избрать ханом другого сына Кучума Каная, мать которого была как раз знатного бухарского рода, но тот отказался. Каная приглашали также ханствовать в казахский город Сауран, где жила его мать, но Канай вновь отказался, опасаясь измены и гибели от рук врагов³. Пример отца был у него перед глазами и Канай не хотел повторить его судьбу. Дальнейшая жизнь Каная неизвестна.

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. т. II, с. 579.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 27.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 28, 168, 178.

В 1603 году Али объединился с ногайским князем Урусом и во главе отряда из 1100 человек стал совершать нападения на волости Тюменского уезда. В том же году Али вернули из Москвы его сына Хансюера, надеясь, что Али прекратит борьбу. Но в Москву взамен был отправлен его другой сын Арслан. В 1603—1606 годах в Сибири очень боялись нападений кучумовичей и ногаев¹. Али временно прекратил борьбу, пока из Москвы возвращали его родственников, в том числе и сына Арслана. В это время Али находился у озера Шортанды, а Азим с 300 чел. у Тобола, в устье речки Сиыр.

В 1607 году произошло восстание березовских остяков, вогулов и самоедов против царского ясака. В том же году, весной, в Тюменский уезд вторгся большой отряд кучумовичей во главе с султанами Азимом, Есимом и Хансюером и разграбил Кынырский городок на реке Тура. Канай в это время вместе с ногаями во главе отряда из 200 человек ходил воевать в тобольские волости. Али в это время находился у озера Шортанды и собирался совершить нападения на уфимские, тобольские и тюменские волости².

Такие внезапные нападения совершались часто и сильно беспокоили власти, нагоняли страх на население. Сибирские воеводы с разрешения Москвы стали ходить походами в глубь степи, нападая на кочевья кучумовичей и захватывая пленных. Нередко такие неожиданные набеги приносили успех. Так, 5 июля 1607 года туринский воевода Назарий Изъединов вышел из Тюмени и 24 июля неожиданно напал на улус Али у реки Есиль возле бора Шамши и разгромил его кочевье. Сам Али в это время отсутствовал, ходил в набег под Тару и Тюмень. Были захвачены в плен мать Али, его жена с двумя детьми, две жены и две дочери Азима, сестра Али, которых доставили в Тюмень 6 августа (в декабре 1608 года они были переправлены в Москву). Вернувшись в кочевья, Али нашел разграбленные аулы и бросился в погоню, догнав русский отряд у озера Кибирлы. Два дня шла битва с утра и до ночи. Храбрый Али безуспешно пытался отбить своих близких, затем еще три дня преследовал отряд, после чего вынужден был повер-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 29, 190.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 197, 202.

нуть обратно¹. В следующем, 1608 году и сам Али был захвачен русскими и вывезен в Москву, где и прожил до глубокой старости в почетном плену до самого вступления на престол царя Алексея Михайловича (1645 г.). На выручку Али ходил ногайский князь Урус с 2 тыс. воинов под Тюмень, но его отряд был разбит казачьим атаманом Дружиной Юрьевым².

С пленением Али вооруженное сопротивление русскому завоеванию Сибири не прекратилось. В борьбу вступило новое поколение детей и внуков Кучума, которых у него было немало. После Али ханом был провозглашен Есим, объявленный наследником Кучума. Есим продолжил вооруженную борьбу против колонизации Сибири русскими отрядами, хотя временами и склонялся к достижению мира, выражал желание выехать вновь в Россию³.

Тем не менее Есим был вынужден считаться с настроением потомков Кучума, жаждавших борьбы с сибирскими воеводами, возвращения былого господства над Сибирью. В этой борьбе он опирался на калмыцких тайшей, своих родственников. Так, в 1616 году Есим с двумя тайшами кочевал по Иртышу, в районе Семи палат, собираясь идти войной на сибирские города. В 1618 году тобольский воевода Алексей Вельяминов совершил удачный поход против Есима и калмыков, нанес им тяжелое поражение, убив многих и захватив в плен людей, а кроме того и 75 верблюдов, невиданных в Сибири диких животных, которые были вскоре отправлены в Москву. В 1620 году Есим находился на озере Шортанды в горах Кокшетау, ушел от калмыков, совершал нападения на служилых сибирских людей. В 1622 году Есим кочевал у Тобыла, в местности Хан-Карагай, в семи днях пути от Тюмени, на следующий год Есим находился в местности Аман-Карагай. Дальнейшая судьба Есима неизвестна. Г. Ф. Миллер в одном месте пишет, что он умер в 1624 году, а в другом сообщает, что в 1631 году Есим напал на тарские волюсти⁴.

Оказывали сопротивление русскому проникновению в Сибирь и другие казахские племена, как отдельно, так и вместе с потомками Кучума. Например, в 1628 году

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 181, 199—200, 546.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 207.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 35—36.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 93, 94, 257, 298, 385, 579.

казахские джигиты из рода аргын совершили нападение на окрестности города Красноярска¹. В 1628—1629 годах произошли массовые выступления тарских и томских “татар”, при поддержке кучумовичей и калмыков они напали на деревни по Иртышу, у Тары, после преследования ушли в степь².

1628—1631 годы были периодом первого массового выступления коренных жителей Сибири против царского гнета. Крайне тяжелое положение толкнуло их на стихийный антиколониальный протест против крепостнической политики русского правительства. Значительно вырос ясак: с 6 соболей в 1594 году до 12 в 1601 году на одного человека. Колониальная администрация, пытаясь выжать как можно больше пушнины из населения, чинила произвол, чиновники и сборщики налогов злоупотребляли властью. Все это вызвало взрыв недовольства среди жителей края, началось широкое восстание. Его целью было отказ от русского подданства, уничтожение царских опорно-сторожевых пунктов и изгнание русских из Сибири, восстановление дорусских порядков.

Восставшие сибирские жители уничтожили Барабинский острог с 30 казаками и стрельцами и обратились за помощью к кучумовичам. Внуки Кучума Аблай-Керей, Даулет-Керей и Тауке возглавили восстание. Летом 1628 года отряды восставших осадили Тарский городок, разорили округу, сожгли деревни переселенцев, захватили в плен людей. В районе озера Чаны Аблай-Керей принял титул сибирского хана и решил восстановить господство в Сибири династии Кучума. Но в июле 1629 года ханская ставка была разгромлена отрядами тобольских и тарских стрельцов, многие мирные люди захвачены в плен.

В ответ тарские воины и калмыки во главе с Аблай-Кереем снова осадили Тарский городок, но не сумели его захватить. Множество защитников городка погибло, попали в плен, скот был отогнан в степь. Аблай-Керей снял осаду Тары и начал готовиться к походу на Томский городок, подверг грабежу волости вокруг городка. В 1630 году происходили взаимные схватки кучумовичей, татар и калмыков с царскими отрядами и служилыми людьми.

¹ Словцов П. Историческое обозрение Сибири.— М., 1838, с. 65—66.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 97—98, 102, 381—384, 394.

Осенью 1631 года Аблай-Керей снова окружил Тару, потребовал от воевод: "Разорите город и уйдите, мы будем кочевать здесь, это земля наша". Нападение кучумовичей было отбито, однако многие русские поселенцы, кто не успел укрыться за стенами крепости, были захвачены, деревни сожжены, скот угнан, поля опустошены. Нападения на Тарский и Томский уезды продолжались вплоть до 1634 года, положение было крайне тяжелым для воевод, нависла серьезная угроза над всеми сибирскими городами. Только путем переговоров с калмыцкими тайшами удалось подавить восстание¹.

Затем на арену борьбы выдвинулись два внука Кучума: сын Есима султан Аблай-Керей и сын Шуака султан Даулет-Керей. В 1630 году Аблай-Керей с 2 тыс. человек напал на Томский округ, сжег деревни и захватил 20 человек; в 1631 году уже Даулет-Керей вместе с калмыками, всего 150 человек, разгромили Саргачскую, Тебендинскую и Коурдацкую волости Тарского округа на Иртыше. В ноябре 1632 года Аблай-Керей совершил набег на Тюменский уезд, на татарскую деревню Алибаевы юрты у реки Есет, недалеко от впадения ее в Тобыл, увел с собой в степь ее жителей. Летом 1633 года против него во главе отряда из 1380 чел. вышел уфимский воевода Иван Чернинов, но не нашел в степи следы Аблай-Керея и вернулся обратно. В октябре 1633 года Даулет-Керей с 60 воинами пришел на реку Есет, разграбил Катайскую волость Уфимского уезда и деревню Баишевы юрты Тюменского уезда. На следующий год кучумовичи разорили Каскаринскую волость Тюменского уезда и увели с собой группу служилых людей. В 1635 году Аблай-Керей вновь совершил набег за реку Есет, подверг разгрому две слободы, захватил 24 пленника и ушел назад за Тобыл, в местность Кош-Карагай у Есиля². В этих набегах активно участвовали и казахские воины из родов аргын, кыпчак, жалаир и других.

В 1636 году уфимский воевода Никита Вельяминов совершил поход в степь за Яик и сумел захватить в плен

¹ Волкова К. В. Восстание татар Тарского уезда 1628—1631 гг.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Сибирь периода феодализма. Вып. 2, с. 112—127; Касымбаев Ж. Под надежную защиту России.— А.-А., 1986, с. 12—16.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 105, 358, 423.

Аблай-Керей с братом Тауке, доставив обоих в Уфу¹. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Затем вооруженную борьбу кучумовичей возглавил султан Даулет-Керей. В 1636 году он вместе с калмыками, всего 2 тыс. человек, собирался идти на сибирские города. На следующий, 1637 год, Даулет-Керей посылает послов в Тару, изъявляет желание служить Москве, прекращает набеги и мирно кочует у Нор-Ишима. Перемирие длилось несколько лет. С 1640 года набеги кучумовичей на Сибирь возобновляются. Даулет-Керей во главе отряда из 1000 человек нападает на Тарханский острог у Тобольска. В 1641 году он и дети тайши Урлюка, всего 600 человек, собирались идти войной на Сибирь. В 1642 году Даулет-Керей кочевал у Есиля, ходил набегом под Тюмень, а в 1643 году с 3-х тыс. отрядом совершил поход вниз по Иртышу, на Тару и Тобольск. В апреле 1645 года в степи был жестокий бой Даулет-Керея с русским отрядом, вышедшим из Тюмени; в конце того же года Даулет-Керей обосновался на Тобыле, у реки Алабуга, прекратил воевать с царскими воеводами, изъявил желание жить в мире с властями².

С 1646 года в борьбу с Россией в Сибири включается новое поколение кучумовичей: брат Аблай-Керея и сын Есима Бука-султан и сын Аблай-Керея, внук Есима Кушик-султан. Они собирались воевать окрестности Тюмени, Туринска и близлежащих слобод. Весной 1648 года оба они напали на уфимские волости, захватили 20 человек и увели с собой. В это время Даулет-Керей уже окончательно отошел от войны, жаловался царским воеводам, что племянники не слушают его и еще более враждебны России, чем был он сам в свое время³.

Нападения кучумовичей продолжались и позже. В 1661 году Даулет-Керей с 200 человек собирался воевать, но его взяли в плен. Бука и Кушик также не прекращали своих враждебных действий, появились новые кучумовичи: брат Бука-султана Шошалы и Качюяр Аблаев грозились идти воевать сибирские волости⁴.

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 108, 447, 586

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 109, 112, 439, 444, 477, 491, 497, 508.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 114, 516, 546.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, с. 115, 527, 546.

Такова история вооруженного сопротивления потомков хана Кучума русским властям Сибири. Как видим, борьба эта длилась довольно долго и кучумовичи держали в напряжении сибирские уезды и волости.

Дореволюционные русские историки писали, что это якобы были грабительские нападения потомков Кучума и их союзников на русские поселения, на самом же деле это была справедливая борьба местных народов, в том числе и казахов, за возвращение отнятых у них земель. Эта борьба не прошла безрезультатно. Она не позволила в 20-х годах XVII века царским отрядам основать на Иртыше Омскую крепость, которая была заложена только спустя сто лет, в начале XVIII века. Дореволюционный исследователь истории Сибири Ф. Усов был вынужден отметить: "Киргизы (т. е. казахи) не смотрели равнодушно на попытки русских землеискателей приобретать у них земли, а напротив, жестоко мстили за это постоянными набегами и опустошениями пограничных селений"¹. Сыновья и внуки Кучума почти весь XVII век с Оби, Иртыша, Есиля и Тобола беспокоили русские владения в Западной Сибири. Среди местного населения долго жила надежда на восстановление независимого Сибирского ханства под главенством одного из потомков Кучум-хана.

Стоило только внуку Кучума Даулет-Керею в 1662 году вновь подняться на борьбу с Русью, как его сразу же поддержали башкиры, татары, ханты и манси². В 1662—1664 годах во время башкирского восстания кучумовичи пытались собрать вокруг себя всех недовольных и совместно выступить против русских. 1662—1665 годы были периодом последнего выступления потомков кучума в Сибири. На реке Ница царские солдаты и рейтары окружили и разбили остатки их людей, после чего они, побросав все имущество, одежду, котлы, топоры, седла и пр., ушли за реку, в непроходимые болота, где и погибли. Так закончилась героическая и одновременно трагическая борьба потомков хана Кучума за свою родную землю.

¹ Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска.— Спб., 1879, с. 5—6.

² Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, часть первая.— М., 1955, с. 146.

Героическая борьба потомков хана Кучума, местных народов, в том числе казахских племен, не позволила царской России надежно закрепиться на юге Сибири. Казачьи отряды, воеводы и землепроходцы двинулись на восток, к Тихому океану, через земли, где не встретили такого организованного и ожесточенного сопротивления, как в казахской степи, и поэтому остальная часть Сибири была покорена значительно быстрее.

Глава VI

ПОТОМКИ КУЧУМА НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Судьба многих членов семьи хана Кучума после падения Сибирского юрта оказывается тесно связанной с историей Русского государства. В то время как одни представители династии Кучума продолжали упорно сопротивляться русскому завоеванию Сибири, не смирились перед своим кровным врагом, другие, попав в плен и оказавшись в Москве, встретив при дворе царские милости и заботу о своей дальнейшей судьбе, а не суровое наказание за дела хана Кучума, стали верными слугами царей, честно служили государству и правительству. И за это их нельзя осуждать.

“С пленниками царь поступил милостиво,— писал П. И. Небольсин.— Сибирских Абд-эль-Кадеров¹ у нас не сажали по крепостям и по тюрьмам. Государи России принимали их с ласкою, утешали их тоску по родине своим милосердием, заставляя их забывать прежнюю, дикую свободу, награждая их землями, богатыми поместьями, принимали их в службу, доверчиво приближали их к своей особе; но, наделяя их почестями, тогдашние владыки России не упускали случая изливать на них свой гнев, когда пленники забывали ничтожность свою перед новым властелином”². Московское правительство проводило в отношении царственных особ восточного происхождения тонкую политику: приближая их к себе, осыпая царскими почестями, оно тем самым оказывало огромное

¹ Абд-эль-Кадер — вождь национально-освободительного движения в Алжире в середине XIX в. против французских колонизаторов.

² Небольсин П. И. Покорение Сибири, с. 109.

влияние на тех, кто еще сопротивлялся, показывая, что самое лучшее для них — покориться новому государю и служить ему. И немало выходцев из тюркской знати приезжали на службу к московским князьям и царям. Примерно 150 фамилий высшей российской знати в прошлом веке вели свое происхождение от разных мурз Золотой Орды.

Также поступили и те кучумовичи, кто попал в Москву в разные годы. Одни из них стали при поддержке царей даже Касимовскими ханами, другие — приближенными царей, полководцами, получив в награду дворянские звания и многие деревни и волости с крепостными крестьянами, а третьи попали на Русь еще в младенческом возрасте, не помнили своей далекой родины Сибири и для них Россия стала новым Отечеством.

Рассказ о дальнейшей судьбе близких Кучума начнем с его племянника Мухаммед-кула, попавшего в плен еще к Ермаку в 1583 году. Военачальник хана, фактически командующий его армией в сражениях с казаками Ермака, храбро сражавшийся с ними, он по требованию царя Ивана Грозного в марте 1584 года был доставлен в Москву. Еще в пути Мухаммед-кул узнал о смерти царя и прибыл ко двору уже нового государя — его сына Федора Ивановича (1584—1598 гг.). Добавим, что через десять лет, в 1595 году, поссорившись с Кучумом, в Москву добровольно приехала и его мать с другими родственниками. Вместе с ней на службу России пришел и ее приближенный Шын-мурза Жусупов со своей семьей и 38 близкими слугами¹.

В Москве Мухаммед-кула встречал сам царь Федор Иванович в Грановитой палате Кремля со всеми знатными боярами и духовными лицами. Мухаммед-кул вскоре присягнул ему в своей вечной преданности и изъявил желание служить в царской армии. Царь своим указом оставил за Мухаммед-кулом звание “сибирского царевича”. Ему было пожаловано поместье из пяти деревень, “жил он в хорошем уважении со сторон царя и знати”, как писали летописцы.

В недавнем прошлом крупный военачальник, которого ценил хан Кучум, уважал сам атаман Ермак, мужественный воин, о чем говорили его многочисленные раны, он

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 297—298, 369, 501—502.

сразу же был привлечен царскими правительством к воинской службе. Разрядные книги Московского государства подтверждают его службу Руси. Так, в ноябре 1595 г. Мухаммед-кул значится среди командного состава полка "левой руки", причем он записан первым, выше воеводы князя Василия Черкасского и окольного князя Федора Хворостинина, а также князей Василия Тюменского и Ивана Бярятинского. В 1586 году "сибирский царевич Маметкул" возглавлял сторожевой полк, опередив по служебной лестнице Ивана Ивановича Голицына¹.

В русских документах того периода отмечается его неоднократное участие в военных походах. Так, в 1590 году Мухаммед-кул в составе передового полка (авангарда) русской армии находился в походе против шведов вместе с царем Федором Ивановичем. В 1592 году в новом походе против шведов он уже возглавляет передовой полк русской армии. Командующим авангардом назначался, как правило, самый опытный военачальник, от которого во многом зависел успех всей кампании. Видимо, за годы пребывания на Руси и участия в ее войнах Мухаммед-кул завоевал славу удачливого полководца².

За военные успехи и верную службу Мухаммед-кул был приближен к царю и пользовался его особым доверием. Например, 22 мая 1597 года он присутствовал на торжественном приеме в Грановитой палате Кремля посла Римского императора, причем сидел справа от царя, а слева сидел Ораз-Мухаммед, племянник казахского хана Тауекеля, в то время Касимовский царь. В 1598 году Мухаммед-кул вновь в составе передового полка русской армии вместе с царевичами: казахским Ораз-Мухаммед-султаном, хивинским Мухаммед-султаном, шемахинским Шихимом, кабардинским Арсланом³ участвует в степном

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972, с. 50.

² Следует подчеркнуть, что выходцы из Золотой Орды, Сибирского и Казахского ханств, Ногайской Орды и Кавказа на Руси всегда служили в армии, командовали войсками, участвовали во всех военных кампаниях и редко занимались гражданскими делами. Видимо, на Руси в это время высоко ценили воинское мастерство, храбрость и преданность престолу восточных князей и султанов. Об этом говорят военные биографии князей Урусовых, Юсуповых и многих других.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского, кн. III, т. XI, с. 10—11.

походе нового царя на русском троне Бориса Годунова (1598—1605 гг.) против крымских татар¹. Он участвовал во многих сражениях и войнах России и, умножая славу русского оружия, дослужился до звания полкового воеводы. Но если раньше волевой, решительный, крутой характером Мухаммед-кул вызывал страх у самого Кучума и его придворного окружения, то теперь он, видимо, был на подозрении у московского правительства. Несмотря на то, что он верой и правдой служил двум русским царям, однако Касимовским ханом Мухаммед-кул так и не стал, хотя, казалось бы, имел для этого все основания. Что это было за ханство на Руси, почему оно называлось Касимовским?

Касимовское ханство (русские называли его царством) — это небольшое удельное княжество, созданное московскими царями для тюркской знати, перешедшей в разное время на службу Москве. Использовалось для борьбы вначале с Золотой Ордой, затем с Казанским ханством, агрессивно относившимся к Москве. Занимало территорию по реке Оке, в северо-восточной части Рязанского княжества. Впервые было пожаловано великим князем Московским Василием II Васильевичем по прозвищу “Темный” (1425—1462 гг.) казанскому царевичу Касыму примерно в 1450 году. По имени первого “царя” главный городок ханства Городец Мещерский стал называться Касимовым, а царство — Касимовским. Касым — первый царь этого ханства внутри Руси — являлся сыном золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда и братом враждебного Москве казанского хана Мухаммед-бека. В 1446 году он перешел на службу к московскому великому князю Василию Темному и получил от него в удел этот городок с уездом и деревнями. Касимовские цари и царевичи назначались по усмотрению московского правительства из числа тюркской знати, принявшей русское подданство. Некоторые из них играли заметную роль в политической жизни Московского государства. Так, царь Шах-Али постоянно участвовал в походах русских войск против Казани, не раз занимал трон в Казанском ханстве, являясь ставленником Москвы.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть II. — Спб., 1864, с. 103—105.

Другой касимовский князь Симеон Бекбулатович был даже провозглашен Иваном IV Васильевичем Грозным "царем и великим князем всея Руси". С присоединением Казанского ханства к Москве в 1552 году значение Касимовского царства падает. Фактически всеми делами в этом царстве стали ведать московские воеводы и бояре, а касимовские цари и царевичи перешли на положение служилых землевладельцев. В 1681 году Касимовское царство перестало существовать и формально.

Вот в это самое Касимовское владение царем в 1592 году (по другим сведениям в 1600 году) был назначен казахский султан Ораз-Мухаммед, внук казахского хана Шигаю и племянник, как уже отмечалось, казахского хана Тауекеля, бывший в русском плену с 1588 года (т. е. позже Мухаммед-кула). По древней степной традиции Ораз-Мухаммеда подняли на золотой кошме и провозгласили ханом, а по новой русской традиции все присутствующие затем пили мед и водку¹.

Так на русской службе в Москве встретились вчерашние соперники в борьбе за власть в Сарыарке — племянник Тауекель-хана Ораз-Мухаммед и племянник Кучум-хана Мухаммед-кул, казахский султан и сибирский царевич, братья по крови, но непримиримые политические противники, как и их известные родственники. Отныне их жизнь и судьба были тесно связаны службой русскому царю, они вместе участвовали в одних войнах, ходили в одни походы, сидели рядом с царем на одних торжественных приемах при дворе.

О дальнейшей судьбе Мухаммед-кула нет никаких достоверных известий. Известно только, что жил он постоянно в небольшом городке Бежицкий Верх. Погиб ли он в походе или благополучно прожил до старости вместе со своей любимой красавицей-казашкой Сузге; когда он умер, где похоронен, кто был с ним рядом в последний час; остались ли после него дети — все это покрыто мраком неизвестности. Но жизнь и дела сибирского царевича, племянника Кучум-хана Мухаммед-кула достойны пера писателей и поэтов.

А об Ораз-Мухаммеде известно, что он царствовал в Касимове вплоть до 1610 года. Затем вместе с другими

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, часть II, с. 402—405.

боярами перешел на сторону самозванца Лжедмитрия II и польского короля Сигизмунда. Был убит Лжедмитрием по доносу своего сына якобы за измену и брошен в Оку. Тело его потом было найдено и предано земле по мусульманскому обычаю. Могила Ораз-Мухаммеда была найдена на Старопосадском кладбище в Касимово в 1860 году. Надгробный памятник лежал на земле, разбитый на два куска.

Приведем полностью эпитафию на могиле казахского султана Ораз-Мухаммед-хана, лежащего в далекой от родины земле: "Сказал Господь преблагословенный и всевышний: пред Богом Иисус то же что Адам; Адама он создал из мрака, потом сказал ему: будь, и тот был. Сказал Господь преславный и всевышний: всякая душа должна вкусить смерти; затем вы к нам возвратитесь. Сказал Господь преславный и всевышний: не ведает никто в какой стране он умрет; всеведущ и всезнающ — Бог. Сказал пророк, да будет над ним мир: жизнь человеческая скоропреходяща: употребляй ее на дела, угодные Богу. Сказал пророк, да будет над ним мир: мир сей есть поле, на котором сеются семена для будущей жизни. Сказал пророк, да будет над ним мир: мир сей падаль, а ищущие его — собаки. Истину сказал пророк Божий. В 1019 году, месяца рамазана в 16 день (22 ноября 1610 года) скончался сын Ондан-султана, Ураз Мухаммед-хан. Господь всевышний да помилует его".

С левого края памятника изречения из Корана и хадисы: "Мир земной должен рушиться. Оставаться вечным он не может. Мы чувствуем, что мир весь погибнет. Всегда не будет длиться; прочности в нем нет"¹.

Историк В. В. Вельяминов-Зернов, нашедший могилу и надгробный памятник Ораз-Мухаммед-хана, в своем сочинении (часть I) приводит фотолитографический снимок с памятника Ораз Мухаммед-хану (таблица III, первый рисунок слева)². По всей видимости, до наших времен могила и памятник не сохранились. А вообще-то Обществу охраны памятников истории и культуры следовало бы организовать его поиски. За смерть своего друга Ораз-Мухаммеда отомстил князь Петр Урусов, выходец из старин-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, часть II, с. 402—403, 486—488.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть I.— В кн.: Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Часть IX.— Спб., 1863.

ной ногайской знати. Он убил Лжедмитрия II, хотел казнить и сына-предателя, но по ошибке убил другого человека. Князья Урусовы, как и другие тюркские князья, беки, мурзы и огланы, верно служили новой родине — Руси, московским царям¹.

Главная причина, из-за которой Мухаммед-кул не стал Касимовским царем, заключается в том, что он являлся племянником врага Русского государства Кучум-хана, в то время как Ораз-Мухаммед являлся племянником Таукель-хана, союзника Руси, друга Москвы, собиравшегося еще в 1594—1595 гг. заключить военный союз с Москвой против Кучума и даже принять русское подданство².

Вернемся теперь к другим детям Кучума, которых у него было немало. Кучум, проживший на свете почти 80 лет, по традициям того времени, кроме жен, имел также и рабынь-наложниц. По свидетельству Кунгурской летописи, что-то около 100 жен и наложниц, что вполне вероятно, так как Кучум во всем старался подражать бухарскому хану Абдулле, и поскольку он был одним из богатейших и могущественных государей своего времени, то его положению должен был соответствовать такой же ханский гарем. И потомство у Кучума было весьма многочисленным, одних сыновей у него насчитывалось по одним данным — 17, а также много дочерей, внуков, правнуков. Жен законных было у него девять, из них 8 — самые любимые. Среди них были узбечки, ногайки, ханты, калмычки, дочь казанского хана Мурата и другие. Старшая жена Кучума Гулзипа умерла рано и была похоронена на кладбище у Искера. На ее могильной плите по велению хана выбили изречение из Корана: “Аллах вечен и бессмертен, тогда как все умрет...”

Сузге

По преданию, самой любимой женой хана Кучума была черноокая Сузге — дочь казахского султана, юная красавица из степи, “красотой с которой могла спорить

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. XII, гл. IV, с. 161.

² Абусейтова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века, с. 81—82; История Казахской ССР, т. 2, с. 292.

лишь утренняя звезда — Шолпан". Но, как часто бывает и в жизни, и в сказках, она безумно любила молодого царевича, удалого наездника и богатыря, ханского племянника Мухаммед-кула. Он тоже отвечал ей пылкой взаимной любовью, но, боясь гнева своего дяди, скрывал свои чувства и не приближался к ней.

Для всех жен Кучум недалеко от столицы велел построить небольшие городки, где они и жили весь год в окружении своих приближенных, детей, слуг, воинов, под надежной охраной. Примерно в 5—10 км. от современного города Тобольска высится сопка, где находился деревянный городок — Сузге-Тура и где жила юная супруга великого хана. Городок располагался на берегу Иртыша, с двух сторон его защищала река с крутыми берегами, а с третьей — глубокий овраг, через который был переброшен мост. Городок был обнесен высоким деревянным забором с бойницами для наблюдения и стрельбы, стража несла круглосуточную охрану. Внутри городка находился высокий деревянный терем, в нем — покои Сузге. Каждый раз после пятничной молитвы хан приезжал к ней, привозил богатые дары, наряды, украшения, сладкие кушанья из далекой Бухары, проводил с ней время... До нас дошли только легенды о жизни и дальнейшей судьбе казахской красавицы Сузге после падения Сибирского ханства.

По одной из них Сузге была захвачена в плен на Оби в августе 1598 года и вместе с другими женами, детьми и близкими Кучума была отправлена в Москву. Там она некоторое время жила в Хан-Кырмане — столице Касимовского ханства, затем уехала к Мухаммед-кулу, который в это время уже находился в Москве и служил русскому царю. Сузге до конца своей жизни была рядом со своим любимым султаном, нашла свое счастье на далекой чужбине и больше не расставалась с Мухаммед-кулом.

По другой легенде царица Сузге после гибели ханства укрепила свой городок, обнесла его глубоким рвом, наполнив его водой, собрала воинов, запаслась продуктами на случай долгой осады. Казачий атаман Иван Гроза со своим отрядом три недели штурмовал городок Сузге-Тура, но безуспешно. Не помогли ему ни пушки, которых не было у осажденных, ни угрозы и обещания милости, если те прекратят сопротивление. Но силы таяли и у воинов Сузге, помощи ждать было неоткуда. Дошли известия, что пал Искер, Кучум бежал из столицы, а ее надежная опора

Мухаммед-кул тяжело ранен и скрывается от врагов в ишимских степях, далеко от ее городка. Тогда Сузге, чтобы прекратить бесполезное кровопролитие, поставила казакам условие: "Если русские отпустят защитников крепости на волю, она сдаст им свой городок". Атаман Гроза принял ее условие, но выдвинул свое требование: "Она сама должна оставаться в городке и сдаться в плен". Чтобы спасти людей, красавица Сузге решила принять условие это и, хотя воины отговаривали ее, клялись биться до последнего, она была непреклонна. Утром по ее велению все защитники крепости вышли из городка, погрузились на судно и поплыли по реке. Одинокая Сузге на высоком крепостном валу стояла до тех пор, пока корабль не скрылся за поворотом Иртыша. Казаки ворвались в пустой городок и увидели мертвую Сузге под высоким кедром. На ней были самые лучшие, нарядные одежды, а в руке она сжимала острый кинжал. Так ушла из жизни казахская красавица Сузге, предпочтя смерть позорному плену, спасла честь и достоинство своего народа и свое собственное. Казаки были поражены ее мужеством, похоронили ее с почестями на высоком берегу Иртыша. Отдавая дань гордой хозяйке городка, ее тело нес к могиле сам атаман Иван Гроза. Казаки подожгли крепость и ушли обратно. Осталась на высоком мысу над Иртышом только могила красавицы Сузге — дочери казахского султана, любимой жены грозного хана Кучума. Так гласит старинная легенда.

В прошлом веке тобольский поэт Петр Ершов под впечатлением этой легенды написал поэму "Сузге. Сибирское предание". В 1838 году поэма была опубликована в журнале "Современник". В 1889 году пьеса "Сузге" была поставлена на сцене тобольского театра, а в 1922 году она впервые прозвучала на казахском языке в одной из деревень Тобольского уезда. Позднее пьеса шла на сцене Тобольского учительского института и Тобольского окружного театра. В 1896 году по мотивам древней легенды тобольский композитор И. Корнилов написал музыкальную пьесу "Сузге". Так красавица Сузге обрела вторую жизнь в памяти народной. Хотелось бы надеяться, что казахские поэты, писатели, драматургии и композиторы не останутся в стороне и создадут художественные произведения, достойные памяти прекрасной казашки Сузге. Приведем несколько отрывков из поэмы П. Ершова.

Царь Кучум один владеет
Всей сибирскою землею;
Обь, Иртыш, Тобол с Вагаем
Одному ему подаластаны;
Он берет со многих дани,
Сам не платит никому.

Царь Кучум, сидя в Искере,
С утра раннего до ночи
Пишет царские приказы,
Рассылает повеленья
От Урала до Алтая,
По сибирской всей земле.

Много силы у Кучума,
Много всякого богатства:
Драгоценные камни
Из монистов ожерелья,
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро.

Царь Кучум живет в палатах,
Ест с серебряного блюда,
Из ковша пьет золотого,
Спит под шелковым навесом,
На пуховых на постелях,
Ходит мягко по коврам...

Но на всей земле сибирской
Нет прекраснее Сузгуна,
Где живет луна-царица,
Черноглазая Сузге.

На коврах лежат узорных,
Приклонив к руке головку,
То ли розою Востока,
То ли гурией пророка,
Так казалась Сузге!¹

Сибирские царицы в Москве

Расскажем теперь о других детях Кучума, других его женах и их жизни в России. Семнадцать сыновей было у него, зрелых мужей и юных богатырей, бесстрашных воинов, защитников родной земли. Их имена: Али (по некоторым источникам Али-Арслан), Алтынай, Абулхаир, Азим, Асманах, Берды-Мурат, Бипатша, Есим, Канай, Кедей, Кубей-Мурат, Молла, Шаим, Шуак, имена двух других неизвестны. Некоторые из них погибли в борьбе с

¹ Ерипов П. Сузге (Сибирское предание). — Иркутск, 1984.

Ермаком и царскими отрядами, другие попали в русский плен, третьи и после гибели Кучума продолжали оказывать вооруженное сопротивление сибирским воеводам, стремясь вернуть свое ханство. Проследим за судьбой тех, кто оказались в плену, жили в Москве, других городах государства.

В разные годы и при разных обстоятельствах происходило их пленение. Так, один из сыновей Кучума Абулхайр попал в плен еще 1 августа 1591 года, когда воевода Колыцов-Масальский в сражении близ реки Есиль у озера Шиели-куль захватил в плен трех сыновей, двух дочерей и двух жен хана. Его мать, младшая токал Кучума царица Шапшан, очутилась в русском плену позже сына, в августе 1598 года. Абулхайр постоянно жил в Москве, в 1600 году крестился, получил христианское имя Андрей, его потомки стали князьями Сибирскими, дьяками, верой и правдой служившими России.

20 августа 1598 года, как уже говорилось, у Оби были взяты в плен многие члены семьи Кучума: жены, дочери, сыновья, невестки, внуки. Все они были отправлены в Москву, где были торжественно встречены в январе 1599 года, приняты царем Борисом Годуновым. Вся столица вышла на улицы посмотреть на их приезд. Н. М. Карамзин сообщает, что царское правительство разработало специальную церемонию торжественного въезда в Москву сибирских царевичей и цариц, членов семьи поверженного хана Сибири, чтобы подчеркнуть силу и могущество Русского государства, триумф царя Бориса Годунова, представителя новой династии на троне.

Для их сопровождения были отобраны 60 детей знатных бояр, в собольих шубах, с пищалями в руках, по два всадника в ряду. Для царевичей были изготовлены шесть богато украшенных резных саней, ехали они по одному в санях, только младший сын Молла, которому было всего четыре года, ехал вместе с матерью. Для дочерей и жен Кучума было изготовлено 12 карет. Кorteж с членами семьи Кучума вступил в Москву между 4 и 5 часами дня, двигался по главным улицам, где стояли толпы горожан, иностранцев, гостей столицы, мимо Литовского и Армянского дворов, где находились посольства этих государств, чтобы те видели эту процессию. Кorteж приблизился к Посольскому приказу, где царевичей встретил и беседовал с ними глава приказа Василий Щелкалов.

Царевичи были размещены по дворам знатных бояр. Асманак — на дворе у Белобородова, его обслуживали боярин Савва Воейков, два сына боярских и переводчик; Шаим — на Алексеевском дворе Хозникова; за Сретенскими воротами, на Михайловом дворе князя Зубова — старшая жена Кучума Салтаным с сыном Бипатша 8 лет и дочерью Тулунбек 3 лет, а также вторая жена Сюйдим-жан с сыном Кумис и тремя дочерьми: Дерпатша 10 лет, Молдир 6 лет и Каражан 3 лет.

Царь Борис Годунов пожаловал царевичам Асмануку, Шаиму и Бипатше богатые шубы, меховые шапки, кафтаны, сафьяновые сапоги. Салтаным-царице — кунью шубу, покрытую атласом с серебром, с пуговицами из драгоценных камней. Сюйдим-жан-царице — соболью шубу, покрытую золотым атласом, с серебряными пуговицами. Сопровождавшим их мурзам также были преподнесены богатые одежды, кафтаны, шапки, сапоги и т. п.

Царский двор взял семью Кучума на свое содержание, регулярно присылались различные подарки, продовольствие, одежда, скот, птица, вино, мед, дрова, посуда, сукна, шелка, шубы и т. д.¹

Некоторые члены семьи Кучума затем крестились, приняли православие, женились на русских невестах или вышли замуж за детей боярских, служили России, другие так и оставались в своей мусульманской вере, жили в мире и спокойствии долгие годы и скончались в глубокой старости. Так, на мусульманском кладбище г. Касимова еще в прошлом веке сохранялось каменное надгробие на могиле дочери Кучума Молдир с такой поэтической и трогательной надписью: "Сказал Господь преславный и всевышний: каждому народу предопределен срок; когда же придет срок им, то они не будут в состоянии ни отложить его ни на один час, ни заставить его прийти ранее. Сказал Господь преславный и всевышний: всякая душа должна вкусить смерти; затем вы к нам возвратитесь... Жизнь человеческая скоропреходяща; употребляй ее на дела угодные богу. В 1061 (1651) году, в год Зайца, дочь великого хана Кучум-хана Молдир-ханым, при жизни своей..."²

На Оби в августе 1598 года были взяты в плен и самый младший сын Кучума Молла четырех лет с сестрою

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, кн. III, т. XI, гл. I, с. 17—18; примечания к тому XI, с. 8—9.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, часть III.— Спб., 1866, с. 306—307.

Гулсыпат 14 лет и вместе с их матерью Ак-Тулум; их также отправили в Москву, где они проживали с другими членами семьи хана.

После смерти хана Кучума старшим в династии кучумовичей считался Али, хотя его мать была и незнатного происхождения. Еще при жизни отца он играл важную роль в ханстве. В битве на Оби были убиты два его сына, другие члены его семьи попали в плен в 1607 году, а сам он оказался в русском плену в 1608 году. После гибели отца он в 1601 году объявил себя ханом Сибири, вначале даже помирился с Русью, вел себя смирно, так что царь Борис Годунов возвратил ему сына Хансюера, других родственников. Но затем, с 1603 года, Али начал регулярно совершать набеги на сибирские городки и поселения, пока не попал в плен со всеми женами и детьми. В России он жил постоянно в городе Ярославле вместе со вторым сыном Кучума Алтынаем, не занимая никаких постов, удалившись на покой. Еще один сын Кучума Канай по одним сведениям погиб в сражении на Оби, по другим сведениям — спасся, но при этом его дальнейшая судьба неизвестна. Еще два сына Кучума Есим и Кубей-Мурат в 1601 году были отправлены в Москву.

В России жила и жена Али Ханзада, дочь ногайского князя Дин-Ахмета, с 4-летним сыном Хансюером и дочерью. Хансюер в 1630 году в составе русских войск участвовал в походе на Смоленск, занятый поляками, изменил Москве и бежал в Литву, потом перешел на службу к крымскому хану. Затем он был взят в плен донскими казаками, возвращен в Москву, сослан на север в Соль-Вычегодск, затем в Устюг, при царе Алексее Михайловиче возвращен в Москву по просьбе престарелого отца. У Хансюера был один сын Калинник, а у того два сына Богдан и Федор, царевичи Сибирские.

Из внуков Кучума, живших в России, наиболее известен Арслан, старший сын Али от другой жены. Он родился еще в 1580 году в Сибири, принимал участие в военных действиях отца против Ермака и царских воевод, также попал в плен и очутился в Москве. Здесь он быстро освоился, показал себя знатоком военного дела, умелым военачальником, храбрым воином. Арслан вместе с князем Д. Пожарским во главе "сибирской mnogой рати" из татар, стрельцов и казаков активно участвовал в борьбе с польско-шведской интервенцией, освобождении Москвы и рус-

ских земель в 1612 году¹. Он возглавлял крупный царский гарнизон в Ярославле, ходил с войском для защиты Вологды от врагов, уничтожал бандитские пайки и разбойников, которых развелось много в смутное время, активно поддерживал новую династию Романовых на царском троне, помогал ей наводить порядок в стране. За свои выдающиеся заслуги Арслан в августе 1614 года был назначен царем в Касимов вместо погибшего Ораз-Мухаммеда. Арслан царствовал вплоть до своей смерти в апреле 1626 года.

Хотя власть Касимовского царя была показной, во многом ограниченной царскими наместниками, тем не менее при Арслане она была еще достаточно прочной, авторитет ее был еще высок, а самого Арслана чтили при царском дворе. Когда Арслан приезжал из Касимова в Москву, его встречали как главу иностранного государства. Так, в 1617 году при его приезде в Москву его встречал сам царь в Кремле, на Красном крыльце. В этот же день к царскому двору прибыл посол английского короля Якова Джон Мерик, однако его встречал боярин Никита Вельяминов. То есть по тогдашним представлениям Касимовский царь стоял выше посла английского короля. На торжественных приемах в царском дворе Арслан сидел по правую руку от царя, ближе, чем другие бояре². Наверное, это вполне объяснимо и понятно современникам, поскольку Русь, давно освободившуюся от ига Золотой Орды, все еще окружали враждебные государства, часто нападавшие на нее. Приближая и возвышая потомков вчерашних врагов, Москва тем самым показывала и свою силу, и свое милосердие, и пример того, что с Русским государством лучше жить в мире и дружбе, чем в ссоре.

При приездах Арслан-хана в Москву его и всю свиту жаловали наградами, одеждами, хлебом, солью, птицей и т. п. Так, в 1623 году было пожаловано "ведро вина доброго, ведро вина рядового, четверть ведра вина заморского, ведро меду малинового, 15 ведер медовухи". В том же году Арслану был устроен прием патриархом всея Руси Филаретом (отцом царя Михаила Федоровича) в сопровождении знатных бояр и князей Головиных, Долгоруких, царских дьяков и прочих. Касимовские татары участвовали во всей войнах России: с Польшей, Литвой, Швецией,

¹ Шишов А. В. Минин и Пожарский.— М., 1990, с. 93.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, часть III, с. 7—8, 16—17.

Крымским ханством и Ногайской Ордой, несли пограничную и сторожевую службу на южных рубежах государства с ранней весны и до поздней осени.

После Арслана ханский трон в Касимове наследовал его сын Сеид-Бурхан (род. в 1624 г.), будучи совсем малолетним ребенком. Он первым из всех касимовских царей крестился в 1653 году и получил христианское имя Василий. История его крещения такова. Его долго уговаривали принять православие царь, бояре, приближенные, обещая всевозможные блага и привилегии. Наконец, царь Алексей Михайлович пообещал выдать за него свою дочь, затем сестру Ирину Михайловну, если он крестится. Сеид-Бурхан не устоял против такого предложения и, наконец, дал согласие вступить в православную веру. Так правнук Кучума превратился в Василия Арслановича, но царскую сестру Ирину в жены так и не получил, неизвестно по какой причине...¹

Василий Арсланович управлял Касимовским царством вплоть до своей смерти в 1679 году, ходил в походы вместе с царскими отрядами под Ригу против шведов, на Украину, под Чигирин, против турок, в другие места. Он уже не был таким влиятельным царем, как его предшественники, и фактически являлся рядовым придворным, служилым князем, номинальным владельцем ханства. Однако имел немало поместий и вотчин, почти 3 тыс. душ крепостных. При нем происходила усиленная христианизация ханства. Из ведения Посольского приказа оно было передано в ведение Казанского приказа, т. е. из сферы иностранных дел в систему органов, ведавших внутренними делами, что означало значительное снижение статуса Касимовского царства.

У Василия Арслановича было восемь детей: 6 сыновей и две дочери. Сыновья Михаил, Василий, Яков, Никифор, Иван и Семен, дочери Евдокия и Домна, все православные. Сыновья назывались царевичами, дочери - княжнами. Яков умер в 1677 году совсем молодым, похоронен в Касимове, вел жизнь благочестивую и спокойную. Никифор умер в 1680 году. Михаил был убит во время стрельцкого бунта в 1682 году, о Василии нет никаких сведений. Евдокия была замужем за Мартемьяном Кирилловичем Нарышкиным, братом супруги царя Алексея Ми-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, часть III, с. 220.

хайловича царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери будущего императора Петра Первого¹. Так потомки хана Кучума в России породнились даже с самими царями, например, Евдокия приходилась теткой для маленького Петра. Получается, что хан Кучум и царь Петр стали близкими родственниками. Таков неожиданный поворот истории, свидетельствующий о близости и родстве тюркского и славянского миров России. Другая дочь Домна была замужем за князем Юрием Михайловичем Хилковым.

Иван и Семен еще в 1683 году владели в Касимовском и Елатомском уездах 6 селами и 8 деревнями, с 459 крестьянскими дворами, с доставшимися от отца по наследству 2391 душ крепостных. Они были последними из потомков Кучума в России. Были близки к царскому дому. Так, когда родился наследник Петра царевич Алексей 28 февраля 1690 года, оба они были на торжественном обеде в Грановитой палате Кремля, причем сидели на почетном месте, выше других придворных чинов, что вытекало из их статуса как царевичей Касимовских.

Семен Васильевич скончался после 1691 года, а Иван Васильевич умер около 1700 года. Все они были похоронены в Москве, на кладбище Златоустовского монастыря. Все дети Василия Арслановича были бездетны, кроме Ивана Васильевича. У него был сын царевич Василий Иванович Касимовский, женатый на Салтыковой, сестре царицы Прасковьи Федоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича (1682—1696 гг.). Умер, вероятно, в 1730 году. Сведений о его потомках не сохранилось. Род царевичей Касимовских, потомков Кучума в России пресекся в первой половине XVIII века со смертью самого Василия Ивановича.

После смерти царя Касимова Василия Арслановича (в 1679 г.) царством управляла его мать Фатима-султан-бикем, вдова покойного Арслан-хана, из рода казанских сеидов. Она скончалась в 1681 году и похоронена в Касимово, в некрополе всех касимовских ханов, рядом со своим мужем Арслан-ханом, сыном Али, сыном хана Кучума. Но, кроме прямых потомков Али, в России жили и другие потомки Кучума. Из документов известна судьба его второго сына Алтыная, взятого в плен в 1608 г. и

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, часть III, с. 449.

привезенного в Москву к царю В. Шуйскому. У него было два сына: Дост-Мухаммед-султан и Иш-Мухаммед-султан, родившиеся в России. Царь Алексей Михайлович долго уговаривал отца крестить детей для их же пользы. Наконец, в 1653 году их обратили в христианскую веру, причем крестил детей сам царь. Дост-Мухаммеду дали имя Петр, а Иш-Мухаммеду Алексей, отчество им дали по имени царя — Алексеевичи. Так в России появились царевичи Петр и Алексей Алексеевичи Сибирские (в отличие от цариц Касимовских — потомков Али). Петр скончался примерно в 1674 году, в Алексей — в 1680 году. Детей после себя оставил только царевиц Алексей Алексеевич, Петр Алексеевич умер бездетным.

У Алексея Алексеевича было четыре сына и одна дочь. Старший сын Григорий умер 31 марта 1685 года, супруга его Анна Григорьевна скончалась в 1688 году, похоронены в Москве, в Новоспасском монастыре. Второй сын Василий был замешан в “деле” царицы Алексея Петровича, сына Петра I. В феврале 1718 года был заключен в Петропавловскую крепость, затем доставлен в Москву, трижды подвергнут пыткам, но не сознался. 24 марта 1718 года по указу Петра I сослан в Архангельск. Был женат два раза. Первый раз на Анне Семеновне Грушецкой, родной сестре царицы Агафьи Семеновны, супруги царя Федора Алексеевича (1676—1682 гг.), затем на Хованской. Судьба двух остальных сыновей Алексея и Дмитрия Алексеевичей неизвестна, хотя Дмитрий был еще жив в 1699 году. Дочь, княжна Прасковья Алексеевна, была замужем за стольником Иваном Яковлевичем Волинским, умерла 23 июня 1690 года и похоронена в Новоспасском монастыре Москвы¹.

Из всех четырех сыновей Алексея Алексеевича (Иш-Мухаммед-султана) потомство оставил только Василий. У него было три сына, князя: Яков Васильевич Сибирский (1709—1742 гг.) дослужившийся до чина подполковника, Сергей Васильевич Сибирский (1710—1740 гг.) и Федор Васильевич Сибирский (1724—1758 гг.).

Вскоре после смерти царицы Фатимы Касимовское ханство было упразднено, город Касимов отписан на московского царя, позже передан в состав Казанской, а затем Воронежской губерний. Так завершилось почти 250-летняя история Касимовского царства в России, где пра-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царицах, часть IV, вып. первый. — Спб., 1887, с. 52—53, 109, 150, 160, 170.

вили потомки ханов Золотой Орды, Казахского и Сибирского ханств.

В 1718 году Петр I своим указом приравниал царевичей Сибирских к остальному дворянству и впредь велел именовать их "князьями". Касимовские царевичи к этому времени уже все умерли. Князья Сибирские в отличие от своих далеких предков уже не обладали обширными владениями, деревнями и селами, стали обедневшими русскими дворянами.

Так причудливо переплелась история потомков хана Сибири Кучума с историей Русского государства. Почти 150 лет дети, внуки и правнуки Кучума верно служили московским царям, внесли свой вклад в укрепление государства, способствовали его возвышению, защищали от внешних врагов, умножали воинскую славу России. Кучумовичи занимали высокое положение при царском дворе, вступали в тесные родственные отношения с правящей династией Романовых. Им по законному праву принадлежит своя, особая страница в истории России. Жаль только, что об этом молчат современные историки, но зато много трудов этому посвятили дореволюционные русские исследователи.

За верную службу России сибирским князьям, потомкам хана Кучума, был пожалован даже свой, специальный герб. Он имел изображение двух соболей, стоящих на задних лапах и держащих лук с перекрещенными на нем стрелами, что должно было подчеркивать тюркское происхождение его хозяев, потомков хана Сибири, и их воинскую службу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место хана Кучума в истории Сибири и Казахстана

Вот мы и завершили рассказ о нашем главном герое. Настало время подвести итоги, дать обобщенную оценку его личности, жизни и деятельности, роли в истории. Конечно, хан Кучум нам известен еще далеко не полностью. Мало сохранилось достоверных документальных источников, как русских, так и восточных, кроме отдельных, эпизодических сведений; не знаем, даже приблизительно, место, а также дату рождения его и смерти.

Между тем, Кучум оставил заметный след в истории Урала, Сибири и Казахстана, хотя и недолго правил Сибирским ханством. Именно при нем оно стало государством в полном смысле этого слова. Возглавлявшие до него ханство тайбугинцы и шейбаниды мало что сделали для создания настоящего и сильного ханства, при них Сибирь так и оставалась конгломератом кочевых тюркских и оседлых угорских племен, без атрибутов государственности и централизованной власти.

Кучум принес современную цивилизацию в отсталую Сибирь, усиленно распространял ислам — более передовое вероучение среди кочевников и местных народов, приглашал на жительство в Сибирь ученых и духовных лиц из Бухары и Ургенча, других городов Средней Азии,

строил города и крепости, дороги и караван-сарай, развивал торговлю с Казанью, Бухарой, Хивой и Ташкентом, Китаем, присырдарьинскими городами Туркестаном, Сыгнаком и Саураном. При нем Сибирь вышла на международную арену, укреплялись связи с Бухарским и Хивинским ханствами, Ногайской Ордой, Восточным Туркестаном, Крымским ханством и даже Турцией. Кучум активно противостоял агрессивной политике России на Урале, прекратил платить сам и освободил другие народы Урала и Сибири от уплаты дани Москве, разговаривал как с равным с самим царем Иваном Грозным. Хан Кучум был достойным противником России, Ермака, царских воевод, не смирившимся с потерей своего государства и до самой смерти сопротивлявшимся завоеванию Сибири.

Придя в Сибирь, русские во многом заимствовали систему управления краем у Кучума, в том числе и формы обложения местных народов данью. Даже строили свои городки и крепости в тех местах, где стояли города Кучума, как, например, Тобольск, Тара, Тюмень и другие.

Кучум остановил продвижение русских на юг, в сторону казахской степи более чем на сто лет. Встретив упорное сопротивление самого Кучума и его потомков, местных казахских племен, русские пошли на восток, в сторону Тихого океана, где на их пути уже не было таких сильных государств, как Сибирское и Казахское ханства. Лишь в начале XVIII века царские воеводы стали постепенно продвигаться вверх по Иртышу, к озеру Зайсан, где начали строить свои укрепления, возводить военные линии.

А что дало Сибири русское завоевание? Что принесли ее коренным жителям новые пришельцы? Если европейцы открыли Америку практически одновременно с Сибирью и сумели превратить новый континент в цветущий край, то в Сибири этого не случилось. Видный исследователь прошлого века Н. М. Ядринцев писал, что "открытие новой громадной области как Сибирь, возбуждив русские умы, в то же время как нельзя более ясно обнаружило и умственную импотенцию русского народа". Страна будущего, "наша Мексика и Перу", наше "золотое дно", отмечал он с горечью, является "забракованным местом ссылки и каторжного труда, безжизненной пустыней и

краем, не имеющим политического значения”¹. Русские завоевали сказочно богатый край, но не смогли его полностью освоить. Сибирь так и осталась во многом колонией России.

Декабрист Д. И. Завалишин, представитель умеренно-либерального направления в освободительном движении, также рассматривал Сибирь как колонию России и доказывал, что для сибирских народов “владычество” русских обернется неизбежной их гибелью и вымиранием².

Известный писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк возмущался преступной политикой царизма, обрекавшего многие народы Сибири на вымирание. В статье “Трехсотлетний юбилей завоевания Сибири” он писал о “кровавых страницах русской истории”, о пагубных плодах царской колонизации: “Вопрос... о судьбах населяющих Сибирь инородцев представляет капитальную важность... Водка, сифилис, кабала и эксплуатация русских промышленников, произвол и безучастное отношение русской администрации...— вот плоды той роковой цивилизации, от одного прикосновения которой инородцы гибнут и вымирают...”³. Писатель создал небольшой рассказ “Покорение Сибири” (очерк для детей), но писал больше о хане Кучуме, а не о Ермаке. Собирался написать историческую трагедию о Кучуме, но не успел.

Современные российские историки и писатели менее благосклонны к Кучуму, чем прошлые. Подчеркиваются прежде всего отрицательные его черты: “воинственный и властолюбивый потомок Чингисхана”, “с неумолимой жестокостью он насаждал свою власть и ислам среди сибирских племен” (как будто Ермак и царские воеводы не делали этого в гораздо более жестокой форме), Кучум отомстил Ермаку “коварным убийством на Вагае” (не менее коварно поступили и русские казаки), “как загнанный волк”, “с бессильной жестокостью”, “бездомный бродяга” и т. п. эпитеты⁴. Такие исследования построены больше на эмоциях, чем на объективных документах и источниках.

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия.— Спб., 1882, с. 228, 444.

² Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период), с. 206—214.

³ Русские ведомости, 1881, № 288.

⁴ Рожнова С., Курдина Н. Ермак исторический и литературный.— Сибирские огни, 1981, № 12, с. 156—164.

Русские достойно увековечили своего национального героя Ермака, создав художественные и исторические произведения, картины, скульптуры.

Первый памятник Ермаку был поставлен в Тобольске профессором архитектуры А. П. Брюлловым. Он был торжественно открыт 23 августа 1839 г. Высота его 16 метров. На западной стороне, обращенной к России, написано: "Покорителю Сибири Ермаку". На других сторонах цифры: "1581" и "1584".

8 сентября 1862 года в Новгороде был торжественно открыт памятник "Тысячелетие России". Среди 109 скульптурных портретов выдающихся деятелей России есть и Ермак.

6 мая 1904 года в Новочеркасске открыт памятник Ермаку. Бронзовая фигура атамана в кольчуге и шлеме поставлена на пьедестале из серого гранита в виде скалы. В левой руке Ермак держит знамя, на ладони правой — корона Сибирского ханства, преподносимая России. С лицевой стороны надпись: "Ермаку — донцы. 1904 год". Ниже, на основании, дата — "1581". С тыльной стороны пьедестала текст: "Донскому атаману Ермаку Тимофеевичу покорителю Сибири от благодарного потомства в память трехсотлетия Войска Донского. 1570—1870 гг.". Ниже слова Н. М. Карамзина: "Окончил жизнь в водах Иртыша 5 августа 1584 года. Россия, история и церковь чтят вечную память". Памятник огражден гранитными глыбами и цепями.

В Новочеркасске, в музее донского казачества, есть картина художника Ф. Казачинского "Сборы Ермака в Сибирь", написанная также в 1904 г. Известный художник В. И. Суриков в 1895 г. написал картину "Покорение Сибири". Скульптор М. М. Антокольский создал портрет Ермака в шлеме, кольчуге и панцире, с боевым топором в руке. Скульптура хранится в Эрмитаже. В конце XIX века в Англии был спущен на воду по русскому заказу ледокол. По предложению адмирала С. О. Макарова его назвали "Ермак".

В 1908 году в Иркутске был поставлен памятник: пьедестал с бюстами видных деятелей Сибири и фигура царя Александра III. В 1920 году царя сняли, остались в

нишах пьедестала фигуры Ермака, Н. Н. Муравьева-Апостола и М. М. Сперанского. Бюст Ермака обрамлен лавровыми и дубовыми ветвями с надписью "Ермак". И, наконец, в 1966 году в городе Ермаке Павлодарской области Казахской ССР был поставлен еще один памятник Ермаку от "благодарных потомков"¹. Так чтит память своего великого предка русский народ.

О том, как мы "чтим" память хана Кучума, уже говорилось: практически никак. Все еще выясняем, кому и чьей истории он принадлежит: России, Татарстану, Казахстану или, может быть, Узбекистану? Кто и чей Кучум — это абстрактная постановка вопроса. Он казах, а не узбек и не ногаец, это доказано историей. Хан Кучум тюркского, казахского происхождения, только из другой династии, чем казахские ханы. Поэтому неверно сегодня все еще пытаться выяснять его национальную принадлежность, запутывать этот ясный вопрос.

Подводя итоги нашего исследования, подчеркнем, что хан Кучум принадлежит истории и России, и Казахстана, что он находится на стыке истории двух этих государств, поэтому ему так и не повезло. Но, по-моему, он принадлежит больше истории Казахстана, чем России, он — часть нашей казахской истории. Основу его ханства составляли племена, вошедшие затем в состав Среднего жуза: аргын, кыпчак, керей, найман, жалаир и другие. Они были ядром ханства, его опорой.

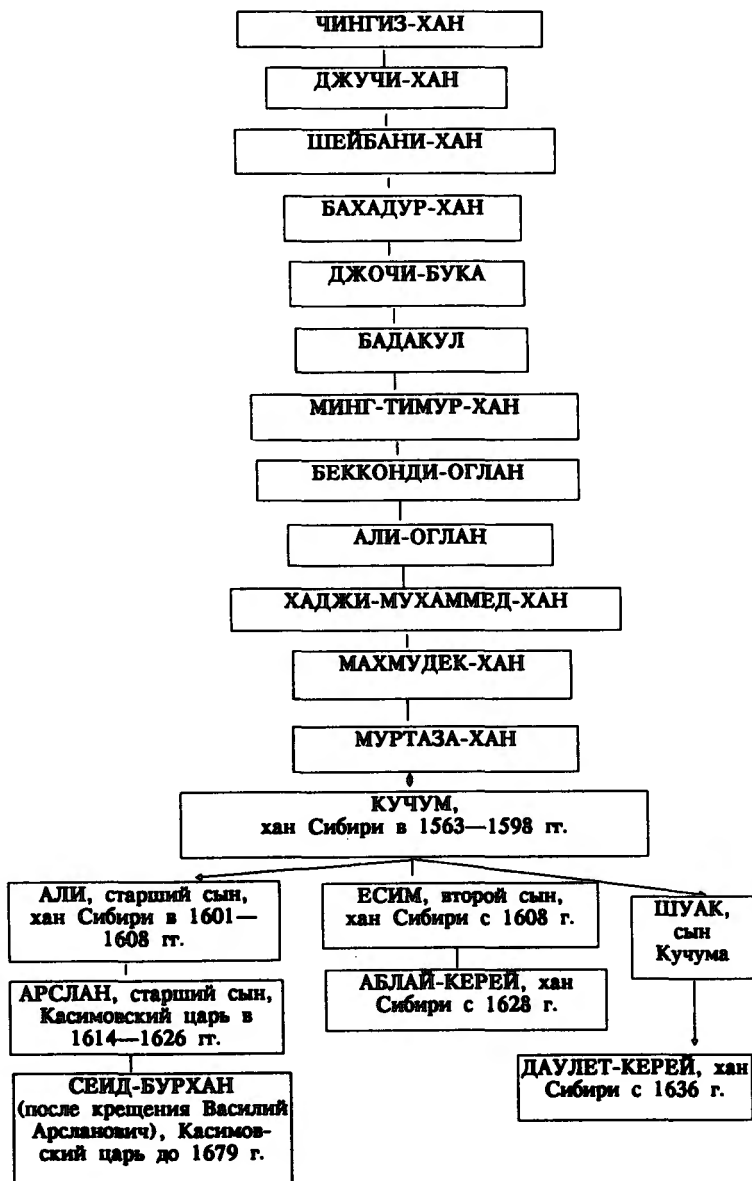
Хан Кучум незаслуженно забыт историками, писателями Казахстана, о чем говорит и отсутствие вообще каких-либо исследований, художественных произведений о нем. Может быть, теперь казахские писатели, драматурги, поэты, киноматографисты, композиторы создадут о нем пьесы, оперы, картины, фильмы, скульптуры и т. п., достойные его памяти.

Именно с хана Кучума, на мой взгляд, началась национально-освободительная борьба казахского народа против российского завоевания, еще задолго до присоединения к России. На это первым обратил внимание академик М. К. Козыбаев. Если представить Казахстан в виде осаж-

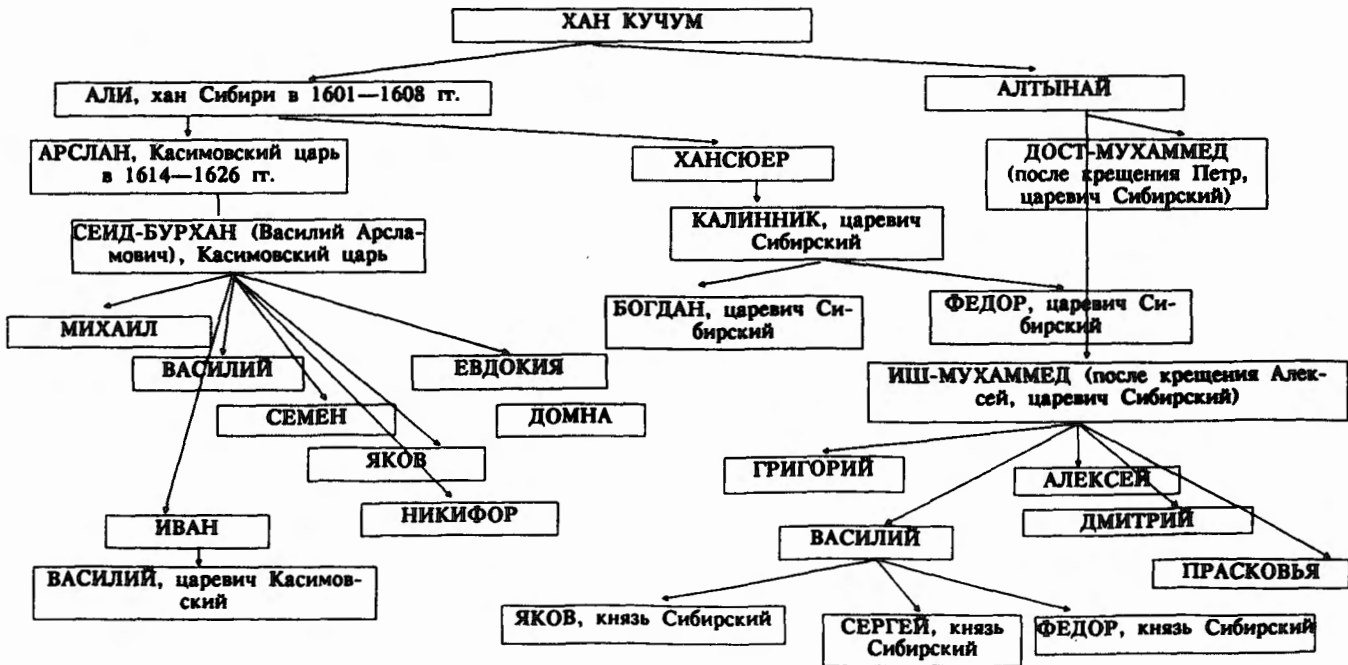
¹ По требованию общественности республики, партий "Азат", "Алаш" и "Желтоқсан" памятник в 1992 году был убран со своего места.

денной крепости, то северный Казахстан — его высокая и крепкая сторожевая башня. Кучум первым встал на пути русского продвижения в Казахстан и остановил его почти на целый век. Поэтому нужно объективно оценить роль хана Кучума в нашей истории, отдать должное его заслугам.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ХАНА КУЧУМА

ПОТОМКИ ХАНА КУЧУМА, ЦАРЕВИЧИ И КНЯЗЬЯ КАСИМОВСКИЕ И СИБИРСКИЕ, ЖИВШИЕ В РОССИИ И СЛУЖИВШИЕ ЕЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Огромный рост интереса общественности к историческому прошлому порожден прежде всего настоятельной необходимостью объективного, плюралистского переосмысления событий и явлений минувших веков, которые, по существу, не так уж далеко отстоят от современности, ввиду их взаимной обусловленности во многом восходят к прошлому. Принцип историзма, которым мы руководствуемся при разработке дискуссионных, слабоосвещенных проблем, предполагает воссоздание действительности во всех ее противоречиях, во всем многообразии.

За последние два-три года историками республики издано (прежде всего на государственном языке) немало ценных исследований, отражающих спорные аспекты истории Казахстана нового времени, часть которых касалась тех или иных государственных и политических деятелей феодального периода, таких как Абылай хан, Жангир хан, как батыры времен "Ақтабан шубырынды"— Кара Керей Кабанбай, Канжыгалы Богенбай, Шапырашты Наурызбай, Баян, Шакшак Жанибек и др. Это вполне естественное стремление народа знать свою историю, гордиться теми, кто отстаивал независимость, обособленное развитие Казахской феодальной государственности в тяжелейших условиях нарастания военно-колониальных акций царизма, от жестокого гнета которого, между прочим, больше всего пострадал русский народ.

Целенаправленно освобождаясь от последствий монокоммунистического диктата, обусловившего утверждение в общественном сознании догматического отношения к раскрытию роли выдающихся деятелей народов бывших национальных окраин, нельзя не вспомнить и того периода, когда публикация исследований, раскрывающих антиколо-

ниальный (но не антирусский) характер крупных выступлений народных масс на Северном Кавказе, в Казахстане и в других регионах, рассматривалась не иначе как проявление национализма (мягко говоря), когда принципиальный подход к анализу роли исторических лиц в жизни своих народов попросту был невозможным, да и небезопасным для судеб самих исследователей. Пример тому нашумевший “Бекмахановский процесс”. Горькая правда конца сороковых — начала пятидесятых годов подтвердила пагубность грубого вмешательства идеологических институтов в развитие науки.

И в наши дни в оценке ряда аспектов истории взаимоотношений с определенными странами, прежде всего с Россией, Ногайской Ордой, Сибирским ханством, мы наблюдаем наличие диаметрально противоположных мнений. Расхождения эти касаются прежде всего последствий завоевания Русским государством огромной Зауральской окраины, ликвидации самостоятельного Сибирского ханства.

О походе казацкой дружины атамана Ермака, наряду с правдивыми рассказами, получили широкое распространение невероятные легенды апологетического характера. Большая часть широко распространившихся в застойные годы штампов об Ермаке возникла еще в русской сибирской историографии XVIII—XIX вв., рассматривавшей в целом поход и его последствия, приведшие к расширению восточных границ средневекового Русского государства, как позитивный акт. Между тем ученые, исследующие историю Большой Орды, Астраханского, Казанского, Крымского, Сибирского ханства, Ногайской Орды, восприемнице Золотой Орды, характеризуют Ермака как Завоевателя, нарушившего мирную жизнь Кучумовского ханства, как Русского кондотьера XVI в. Да и в казахстанской историографии новейшего времени вышел ряд работ, в том числе академика М. К. Козыбаева, а также Д. Кшибекова, М. Абдирова, в которых убедительно опровергались заблуждения, на основе которых вырастали невероятные легенды о личности казацкого атамана и его завоевательном походе.

В этой связи рассматриваемая книга кандидата исторических наук М. Абдирова представляет итог его многолетних изысканий. Поход Ермака, события в регионе, которые предшествовали началу завоевательного похода казахских дружин в Сибирь, жестокость “буйных атама-

нов", "известных злодеев" (Н. М. Карамзин) рассматриваются автором объективно и беспристрастно.

Увы, рукопись не лишена и некоторых упущений. Встречаются в ней и спорные места. К таким относятся, к примеру, авторское утверждение о том, что якобы Иван IV проводил осторожную политику в отношении южных и восточных границ; недостаточно обоснованным представляется его утверждение о будто бы "казахском происхождении Кучума"— Сибирского хана.

В целом же, по нашему мнению, перед нами интересный труд, заполняющий "белые пятна" в истории взаимоотношений России и Казахстана с Сибирским краем.

*Ж. Касымбаев,
доктор исторических наук,
профессор*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Кто он, хан Кучум?	11
Глава II. Сибирское ханство Кучума	42
Глава III. Кучум и Ермак: победы одного и поражения другого	67
Глава IV. „Я Сибирь сам не отдавал...”	98
Глава V. Судьба Кучума. Борьба его потомков против России	129
Глава VI. Потомки Кучума на службе России	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Место хана Кучума в истории Сибири и Казахстана .	161
ПОСЛЕСЛОВИЕ	169

Абдиров М.

- А 13 Хан Кучум: известный и неизвестный.— Алматы, Жалын, 1996, 176 с.
ISBN 5-610-01219-8**

Книга кандидата исторических наук Мурата Абдирова — первое крупное исследование о жизни и судьбе сибирского хана Кучума, царствовавшего во второй половине XVI века на юге Западной Сибири и противостоявшего царским завоевателям во главе с Ермаком.

**А 4702010101 — 24 15 — 95
408(05) 96**

ББК 63.3(2)44

ISBN 5-610-01219-8

© Абдиров М., 1996

Научно-популярное издание

Мурат Абдиров

ХАН КУЧУМ: ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Редактор Л. Степанова

Художник С. Макаренко

Технический редактор Л. Самойлова

ИБ № 4901

Сдано в набор 27.10.93. Подписано в печать 18.01.95. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Гарнитура тип "Таймс". Усл.кр.-отт. 9,66. Усл. п. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,27. Тираж 3000 экз. Заказ № 1843. Цена договорная.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий "Кітап" Национального агентства по делам печати и массовой информации Республики Казахстан. 480124, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.

Издательство "Жалын" Национального агентства по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алматы, пр. Абая, 143.

В 1995—1996 годах
для читателей, интересующихся исторической
тематикой,
издательство “ЖАЛЫН” намечает выпустить
следующие издания
на русском языке:

Сборник. Из истории казахов.

Михайлов В. Хроника великого джута.

Жданов Л. Последний фаворит.